

Иван
Майстренко

ВЫЖИВАЮТ
ТОЛЬКО
СЛАБЫЕ

ИВАН МАЙСТРЕНКО

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

КПСС

В ЕЕ ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

diasporiana.org.ua

СУЧАСНИСТЬ

1978

БИБЛИОТЕКА ПРОЛОГА И СУЧАСНОСТИ № 123

IWAN MAJSTRENKO

**THE NATIONALITIES POLICY
OF THE CPSU
in its Historical Development**

SUČASNIST 1978

Обложка Христины Кишакевич

All rights reserved

Copyright © 1978 by Iwan Majstrenko

Satz u. Druck: R. Kokodynsky, 8000 München 50, Karlingerstr. 3

ОТ АВТОРА

Предлагаемая работа о национальной политике КПСС отличается от других работ, написанных на эту тему, двумя особенностями: во-первых, она описывает национальную политику русского большевизма за всю историю его существования — от возникновения большевистской партии на Втором съезде РСДРП в 1903 году и до наших дней; во-вторых, в этой работе национальная политика КПСС рассматривается не только по теоретическим работам ее деятелей, не только по решениям и декларации руководящих органов партии, но и по тому, как на практике осуществлялась эта теория и эти решения и декларации. Это важно потому, что партийная теория и декларации центральных органов партии — это одно, а осуществление на практике теории и деклараций — это, как показала жизнь, другое. Автор устанавливает эту разницу ссылками на документы в сочетании с личными воспоминаниями.

Автор этой работы — участник событий по стороне советской власти от начала Октябрьской революции до Второй мировой войны. Как представитель угнетенного в царской России украинского народа, автор боролся за равноправие всех наций СССР, против господства какого бы то ни было «старшего брата». За эту борьбу, как и за борьбу против утверждения в СССР нового эксплуататорского строя с новых господствующим классом, автор был заключен в 1936 году в сибирский кадет.

Работа о национальной политике КПСС построена на документах и на личных воспоминаниях. Последние играют важную роль. Без сочетания документов с воспоминаниями нельзя, по мнению автора, восстановить правильную историю событий. Одни только документы — это мертвая анатомия общества. Чтобы представить его живым, в движении, нужно установить связь между событиями, нужно рассмотреть физиологию описываемого общества. По одним только историческим документам это сделать трудно. Тем

более, что многие документы имеют часто отличительные варианты и редакции. Напр., так называемое «Завещание Ленина» с характеристикой вождей РКП(б), написанное в конце 1922 года (это «Завещание» касается и национального вопроса), автор читал в трех вариантах: в протоколах пленума ЦК ВКП(б) 1926 г., в изданных за границей работах Л. Троцкого и во впервые напечатанном в СССР (после осуждения культа Сталина) в журнале «Коммунист» № 9 за июнь 1956 г. И в каждом варианте что-то отсутствует или есть что-то новое (весьма существенное) по сравнению с другими вариантами.

То же можно сказать о резолюции июньского 1926 г. пленума ЦК и ЦКК КП(б) Украины «Об украинизации», т. е. об осуществлении на Украине решений XII съезда РКП(б) по национальному вопросу. Автор читал эту резолюцию сразу после упомянутого Пленума и в ней осуждалась национальная политика компартии на Украине в 1917—1918 гг. В позднейших материалах по истории КП(б)У осуждения нет. Теперь сама эта резолюция вообще отсутствует в новейшем (1976 г.) сборнике документов «Коммунистическая Партия Украины в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Таких примеров замалчивания или фальсификации документов можно привести много.

Восстанавливать истинность документов и правильную связь событий автору помогали личные воспоминания. А, с другой стороны, отклонение в односторонность, в субъективизм автор старался исправлять опираясь на документы.

Автор не ставил своей задачей приводить много фактов из национальной политики КПСС. Этих фактов накопилось в литературе немало. Задачей автора было установить связь между национальной политикой большевизма и его общей политикой на разных этапах революции. Показать какую национальную политику (и почему) проводил большевизм до революции. Какую после революции, после октябрьского переворота и во время гражданской войны; после войны — при непе. Автор стремился объяснить почему сталин-

ская компартия пошла на разгром разбуженного революцией национального возрождения нероссийских народов и почему в настоящее время этот разгром усилился. Установление связи национальной политики КПСС с общей ее политикой даст возможность лучше понять не только национальный вопрос в СССР, но и другие проблемы этой последней в мире многонациональной империи.

Как уже сказано, автор описывает великую революцию на Востоке Европы не как противник ее, а как активный участник, в свое время искренне веривший, что она принесет освобождение человека как от социального, так и от национального порабощения. Автор и сейчас верит что эти великие цели революции не навсегда похоронены партийной бюрократией КПСС. За них народы СССР будут еще бороться.

Ив. М

I. НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ЦАРСКОЙ РОССИИ

Существовал ли до революции 1917 г. российский империализм и колониализм. — Континентальный характер Российской империи придавал отличительный характер ее национальной политике. — Основное направление национальной политики царских правительств — руссификация и ассимиляция. — В чем проявлялся до революции экономический колониализм. — Что унаследовали большевики от царской национальной политики. (Стр. 9—18).

До революции 1917 г. русские революционеры а также представители нерусских народов называли Российскую империю «тюрьмой народов». В большевистской литературе, в частности в сочинениях Ленина, это выражение встречается часто. Употреблялось также выражения «российский империализм» и «российский колониализм». Советская партийная наука и сейчас называет политику царской России империалистической. Хотя КПСС ведет более решительную чем при царе политику угнетения нерусских народов. В изданном Институтом истории Академии Наук СССР коллективном труде «История национально-государственного строительства в СССР» сказано: «Царская Россия была колониальной империей... Народы не русской национальности не имели своей национальной государственности. Российская империя являлась унитарным государством. Царский государственный аппарат в национальных районах носил все черты колониальной администрации. Он состоял из русских чиновников, местных феодально-байских элементов и племенных вождей, находившихся на царской службе. После присоединения к России Азербайджан, Армения, Грузия, Украина, татарские ханства, Кокандское ханство, народы Туркестана, Северного Кавказа, Сибири, Казахстана и другие, имевшие в прошлом свою государ-

ственность, были ее лишены. После подавления революции 1905 г. царизм провел широкие реформы национально-колониального управления, которые усиливали власть царского самодержавия и унитаризм в государственном устройстве Российской империи. В Финляндию был назначен генерал-губернатор, усилена была власть генерал-губернаторов в других национальных окраинах (Кавказ, Туркестан и т. д.). Некоторой особенностью государственного устройства отличались Бухарский эмират и Хивинское ханство, которые формально находились в вассальной зависимости от русского царя. Национальная политика царизма состояла в том, чтобы ликвидировать все условия существования государственности нерусских народов, душить все прогрессивно-национальное, держать народы в темноте и невежестве и, наконец, по возможности их русифицировать. Царизм привратил страну в «тюрьму народов». Царские войска и жандармы потопили в крови сотни выступлений и восстаний угнетенных народов». ¹ Далее издание Академии Наук СССР пишет, что под этим порабощением нерусских народов царизмом, происходило стихийное «сближение» и «слияние» наций, которое сейчас продолжает КПСС и которое (прибавим от себя) является сейчас более жестоким национальным угнетением, чем было при царизме.

После Второй мировой войны среди русской эмиграции появились возражения против понятия «российский империализм». Так, в конце сороковых годов в журнале РСДРП (меньшевиком) «Социалистический Вестник» и в других русских эмигрантских изданиях было напечатано заявление ведущих социалистических и либеральных деятелей, утверждавших, что российского империализма и колониализма никогда не существовало. Эти утверждение повторяют теперь другие печатные органы российской эмиграции. Например, в журнале «Посев» А. Чемисова пишет: «Исторически сложилось, что русский народ оказался собирателем вокруг себя других народов (причем, в большей части никак не насильственно присоединяя, а беря под защиту). И колоний как таковых у нас никогда не было: все при-

ственность, были ее лишены. После подавления революции 1905 г. царизм провел широкие реформы национально-колониального управления, которые усиливали власть царского самодержавия и унитаризм в государственном устройстве Российской империи. В Финляндию был назначен генерал-губернатор, усилена была власть генерал-губернаторов в других национальных окраинах (Кавказ, Туркестан и т. д.). Некоторой особенностью государственного устройства отличались Бухарский эмират и Хивинское ханство, которые формально находились в вассальной зависимости от русского царя. Национальная политика царизма состояла в том, чтобы ликвидировать все условия существования государственности нерусских народов, душить все прогрессивно-национальное, держать народы в темноте и невежестве и, наконец, по возможности их русифицировать. Царизм привратил страну в «тюрьму народов». Царские войска и жандармы потопили в крови сотни выступлений и восстаний угнетенных народов». ¹ Далее издание Академии Наук СССР пишет, что под этим порабощением нерусских народов царизмом, происходило стихийное «сближение» и «слияние» наций, которое сейчас продолжает КПСС и которое (прибавим от себя) является сейчас более жестоким национальным угнетением, чем было при царизме.

После Второй мировой войны среди русской эмиграции появились возражения против понятия «российский империализм». Так, в конце сороковых годов в журнале РСДРП (меньшевиков) «Социалистический Вестник» и в других русских эмигрантских изданиях было напечатано заявление ведущих социалистических и либеральных деятелей, утверждавших, что российского империализма и колониализма никогда не существовало. Эти утверждение повторяют теперь другие печатные органы российской эмиграции. Например, в журнале «Посев» А. Чемисова пишет: «Исторически сложилось, что русский народ оказался собирателем вокруг себя других народов (причем, в большей части никак не насильственно присоединяя, а беря под защиту). И колоний как таковых у нас никогда не было: все при-

соединенные народы (даже путем насилия) тотчас же получали все гражданские права и становились равноправными гражданами России, сохраняя одновременно свою национальную самобытность. Руссификация происходила естественным путем...»² Другой автор из «Посева» — А. Троицкий пишет: «Народы, входившие в состав нашей страны, никогда не были на положении колоний и мы просто не смеем оставлять их на милость шовинистических групп или властолюбивых авантюристов, которые превратят их земли в арену кровавых столкновений различных интересов, ничего не имеющих общего с интересами этих народов».³ Это давняя русская традиция представлять господство России над другими народами как защиту этих народов от их врагов («шовинистических авантюристов»).

В русской исторической литературе и документах зафиксировано, что все три польских восстания 1799, 1830—31, 1863—64 гг.) русские цари подавляли в интересах поляков и даже по их просьбе. Русский публицист прошлого столетия И. С. Аксаков писал по этому поводу в 1886 г., что действие русской армии в Польше было «действием чисто освободительным... то есть освободительным от польской же внутренней лжи».⁴ Тоже с Украиной. Ликвидацию ее самоуправления императрица Екатерина II считала благодеянием, которое освобождало «народ... от мучивших его вдруг многих маленьких тиранов».⁵ Но не только русские эмигранты, а и русские большевики сталинского периода называли угнетение ими нерусских народов помощью этим народам против их «властолюбивых авантюристов». Так, наместник Сталина на Украине Павел Постышев, удушая голодом миллионы украинских селян и ликвидируя одновременно украинизацию, призывал украинцев защищать украинскую культуру от украинских буржуазных националистов («властолюбивых авантюристов»), которые де и голод на Украине организовали.

Порабощение царской Россией нерусских народов совершалось не лучшими методами, чем это делалось европейскими колонизаторами, захватывавшими земли туземцев в

Америке, Африке, Азии. Завоеватель Сибири, Ермак Тимофеевич был типичным конкистадором, истребителем народностей Сибири, хотя его воспела дореволюционная Россия, а теперь и советская. О способах порабощения царской Россией нерусских народов много рассказано в русских литературных источниках. В 1930-х годах, когда великодержавный шовинизм большевики уже подкармливали, но пока еще держали в клетке, была напечатана работа М. А. Плотникова, о вогульской поэме «Янгал-Маа». В своей работе Плотников пишет: «Первым народом, которому суждено было принять удар русских завоевателей, двигавшихся к Сибири, были вогулы . . . Главная масса вогулов . . . превратилась после завоевания русскими в полубродячих звероловов, рыбаков и оленеводов . . . Ранее бодрый, воинственный, знавший рудное, кузнечное дело, хлебопашество, ведущий торговлю и войны вогульский народ, угнетаемый русскими завоевателями, опустился, утратил прежнее значение и, теснимый со всех сторон, ушел в труднопроходимые дебри». Народ этот создает эпос, где герой Яный Келб перечисляет насилия и жестокости завоевателя:

«Отобрали нашу землю,
Наши реки и уголья,
Обложили наши дымы
Непомерной тяжкой данью,
Взяли жен, а мы рабами
Стали им служить покорно . . .»

Плотников пишет, что в связи с этим «Произошло одно из тех восстаний угнетенных северных народностей, которыми пестрит вся история Сибири с начала XVII по XIX век».⁶

И у А. И. Солженицына нет утверждения, как у А. Черемисовой, чтобы в России «все присоединенные народы (даже путем насилия) тотчас же получали все гражданские права и становились равноправными гражданами России». Солженицын, наоборот, пишет: «... вздрагивает сердце о

нашем предавнем грехе потеснения и истребления коренных либирцев».⁷ Л. Н. Толстой в повести «Хаджи-Мурат» сочувственно к покоряемым народам описывает завоевание русскими Северного Кавказа. Все литературно-исторические источники описывают жестокости русского генерала М. Д. Скобелева при завоевании Средней Азии.

Но дореволюционный российский империализм и колониализм имел свои особенности, которые отличали его от других империализмов. Во-первых, это был империализм континентальный, покорявший соседние с Россией страны и не имевший далеких заморских колоний, как их имели западноевропейские метрополии. Последние не имели возможности (да повидимому и желания) включать завоеванные заморские страны в национальную систему метрополии, административно навязывать им свой язык, религию, культуру, обычаи. Западноевропейские метрополии порабощали колонии политически, чтобы эксплуатировать их экономически. Российский же империализм, не будучи отграничен от своих колоний морями, соприкасаясь с ними так сказать бок о бок, вынужден был, чтобы эксплуатировать их экономически и при этом обеспечить целостность империи, возможно больше унифицировать жизнь подчиненных народов с метрополией Россией путем руссификации и ассимиляции.

Во-вторых, в отличие от западноевропейских метрополий, культурный уровень которых был намного выше покоренных колоний, Россия, в особенности в начале ее колониальных завоеваний, была культурным уровнем ниже большей части покоряемых ею стран. Ниже Финляндии, Прибалтийских стран, ниже Польши, Украины и Белоруссии. В работе Т. Давлетшина «Советский Татарстан» отмечено, что «еще в конце XIX века на каждую тысячу жителей татар Казанской губернии приходилось 1,21 училищ и 55 учащихся, а на то же количество русских — 0,88 училищ и 40 учащихся». Татарские школы русское государство не поддерживало, они содержались на средства татарского населения.⁸

Т. Давлетшин приводит другие интересные факты, какими методами правительства России пытались ассимилировать татар. Преступников-татар освобождали от наказания, если они переходили в христианство (православие). Татарам было запрещено пользоваться трудом русских, офицеры-мусульмане могли иметь деньщиков только из мусульман. Количество духовнослужителей при мечетях определялось не духовным собранием мусульман, а царскими властями. Давлетшин приводит цитату из журнала Министерства просвещения 3 февраля 1870 г.: «Конечной целью образования всех инородцев в пределах нашего отечества, бесспорно должно быть обрусение их и слияние с русским народом».⁹ Кстати, европейские метрополии вовсе не стремились к этническому слиянию своих народов с колониальными народами. Наоборот, господствовал дух расового противопоставления «белых» «черным», «желтым», «краснокожим». Вероятно это дает основание русским националистам утверждать, что в царской России было «равенство» народов. Но «равенство» с этноцидом, то есть с ликвидацией национальных особенностей, с уничтожением нероссийских наций, что представляло насилие над человеческой природой и нормальным культурным развитием народов. Расовая отграниченность колониальных народов от их западноевропейских метрополий дала колониям возможность сохранить национальную сущность и теперь нормально развиваться в своих национальных государствах, а российские претензии на поглощение нероссийских народов (по-большевистски «сближение» и «слияние») создали трудно разрешимый мирным способом клубок национальных противоречий и затормозили национально-культурное и государственное возрождение нероссийских народов СССР.

Возвращаясь к вопросу разницы в культурном уровне русских и покоряемых ими народов, следует отметить, что народами старой культуры, в свое время более высокой чем русская, были и народы Закавказья (грузины, армяне) и народы Туркестана. Вообще Россия не имела колоний с таким низким культурным уровнем населения, как амери-

канские индейцы или африканские негры. Лишь некоторые народности Сибири не имели своей письменности. Может это отсутствие большой культурной разницы не давало повода к расовому противопоставлению русских нерусским, а наоборот, толкало имперскую нацию к «сближению» и «слиянию».

Экономическая эксплуатация колоний Россией была подобна западноевропейской. Правда, и экономика Российской империи была зависима от европейского капитала, который делал большие вложения в нее и делал это там, где ему было выгодно (например на юге Украины). Но там, где это зависело от имперского правительства, оно стремилось развивать на «окраинах» производство только сырья, а промышленную его переработку производить в коренных русских губерниях. Так текстильная промышленность центрального подмосковного района искусственно развивалась на отдаленном хлопководстве Средней Азии, где собственная текстильная промышленность не допускалась. На Украине не допускалось развитие машиностроения на собственной металлургической и угольной базе. Зато на украинском металле и угле искусственно развивалось и поощрялось машиностроение в Петербурге и в том же центральном районе, хотя это было менее рентабельно. К слову сказать эту же политику сосредоточения ведущего и точного машиностроения в центральных русских районах еще в большей мере чем в царские времена проводит теперь ЦК КПСС. По поводу прямой колониальной эксплуатации Украины петербургский профессор Александра Ефименко писала: «... с 1868 по 1890 г. (по Яснопольскому) девять украинских губерний дали прибыли российскому государству 2 899 200 000 рублей, а получили от него 1 749 000 000 руб., то есть дали на 1 150 200 000 руб. больше, чем получили...».¹⁰

Будучи наиболее радикальным левым направлением в социальных вопросах, дореволюционный большевизм в национальном вопросе в массе своих членов мало чем отличался от других дореволюционных русских партий. За исключением Ленина, Пятакова и некоторых других боль-

шевиков, которые изучали национальный вопрос в России, основные большевистские кадры мало интересовались национальным вопросом, а если интересовались то подходили к нему с позиций сохранения нераздельности государства и рабочего движения разных наций России, при чем у многих за нераздельностью рабочего движения не трудно было распознать тревогу за нераздельность империи. По отношению к славянским нерусским народам (украинцам и белорусам) основная масса большевистских кадров придерживалась взгляда, господствовавшего в официальных сферах России — что украинцы и белорусы не нации, а ответвления русского народа, а их языки — испорченное наречье русского языка. Украину большевики называли «юг России». Национального порабощения российским правительством Украины большевистскими кадрами не замечалось.* Об отношении большевистских кадров к самоопределению народов России иронически высказался большевик Украины В. Затонский в 1918 г. Он так писал о большевиках Украины: «... принцип самоопределения наций ... очень хороший, пока дело касается Индии и Египта ... , но слишком непо-

* Характерный случай описан украинским социал-демократом Л. Юркевичем. В 1916 г. в Женеве вышел большевистский «Сборник социал-демократа», где было напечатано сообщение о состоявшейся в Харькове городской конференции большевиков. Полемизируя с Лениным, Юркевич писал, что печатая в «Сборнике социал-демократа» сообщение о Харьковской конференции, Ленин не упрекнул харьковских большевиков, что они ни одним словом не упомянули о национальном угнетении Украины, хотя Харьков украинский город. Не упомянули о запрещении украинского печатного слова, о разгроме оккупационными русскими войсками в Галиции украинских школ, печати, арестах интеллигенции, против чего протестовала либеральная Европа. Хотя в своих статьях Ленин не раз писал, что рабочих угнетающих стран, которые не ведут пропаганды против угнетения, «мы в праве третировать ... как империалистов и негодяев». И Юркевич спрашивает: «Считает ли Ленин харьковскую с-д конференцию собранием «негодяев» и если нет, то почему?»¹¹

нятный, когда приходится решать все эти проклятые вопросы на разных окраинах вроде Украины... Высказываться против самоопределения наций неудобно и без того украинцы называют русификаторами. Признать Украину Украиной — душа не лежит тем более, что многие товарищи до сих пор в глубине души убеждены, что Украину Грушевский нарочно придумал». (Проф. историк М. Грушевский первый президент Укр. Народ. Республики. — И. М.). «Ну, что ж (пишет далее Затонский об отношении большевиков Украины к самоопределению наций) самоопределяйся вплоть до отделения (черт с тобой), но только зачем же непременно в моей партийной вотчине. Ну пусть себе будет даже самостийна Украина (если уж без этого невозможно) где-нибудь в Австралии...».¹²

Подробнее о том, как ставился национальный вопрос большевистской партией в царской России, будет сказано далее. Сейчас надо только отметить, что в основном кадры большевиков относились к национально-освободительному движению нерусских народов нигилистически или даже враждебно. И такое отношение вылилось при советской власти в торможение национально-культурного и государственного возрождения угнетенных Российской империей нерусских народов.

Правда, это торможение сдерживалось до 30-х годов решениями XII съезда РКП(б) (1923 г.) о передаче власти в национальных республиках коренным национальным кадрам (коренизация). Но после смерти Ленина (который продиктовал XII-му съезду решения по национальному вопросу) Сталин, в угоду великодержавным настроениям в партии, предал решения XII съезда забвению и направил национальную политику компартии на великодержавно-шовинистические позиции. Национальную политику КПСС стала черпать из опыта царской России. Присоединение к империи нероссийских народов партийная пропаганда стала называть «добровольным». Даже кровавые завоевания оказались в пользу завоеванных, потому что их ожидала

... русская Октябрьская революция.* Даже в религиозных вопросах атеистическая КПСС подражает царскому правительству, например, ликвидировав Украинскую греко-католическую церковь и заставив ее служителей признать себя составной частью Русской православной церкви.

От царского режима КПСС унаследовала все основные приемы национального порабощения нерусских народов. Например, геноцид малых народов, как при царях сибирцев. Теперь — крымских татар, немцев Поволжья, северокавказских народов, в 30-х годах удушение голодом миллионов украинцев. Ассимиляция и руссификация уже не отсталыми царскими, а «индустриальными» методами. При чем все это дается, как и при царях, с «добровольного» одобрения потерпевших.

От царской империи КПСС позаимствовала и антисемитизм, ловко направляя недовольство народа режимом на «сионизм» (при царе на «жидов», что практически то же самое).

Режим КПСС не является какой-то абстрактной наднациональной силой. Ни в одном государстве и никогда в новейшей истории государственный режим не был наднациональным. И режим КПСС от самой Октябрьской революции был русским режимом. Теперь даже националистическим русским режимом, пока что прикрывающим свою шовинистическую сущность «пролетарским интернационализмом» (чтобы снискать поддержку в левых движениях Запада и у колониальных народов). Дореволюционный русский режим тоже прикрывался разными идеологиями: особая всечеловеческая миссия России, «с нами Бог, разумеете языцы, и покоряйтесь...» Известно ведь, что «добрыми пожеланиями и ад выслан...».

* Совсем как в «Автобиографии» украинского писателя-юмориста Остапа Вышни. Он до революции, будучи мальчиком, топтал клумбы во дворе помещицы. Она с хворостиной погналась за мальчиком. Он под помост. Барыня ковыряет хворостиной, но не может достать. А мальчик из-под помоста: «Подожди, буржуйка, придет Октябрьская революция!...».

II. ТЕОРИЯ ЛЕНИНА ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ

— Ленин теоретик большевизма в национальном вопросе. — По Ленину крупные многонациональные государственные объединения — единственный путь к социализму. — Слияние и ассимиляция наций. — Поддержка права на отделение, но не самого отделения. — Спор Ленина с австрийскими марксистами. — Ленин против автономных национальных социалдемократических партий в России. — Противоречия у Ленина. — В чем жизнь не подтвердила учение Ленина по национальному вопросу? — Вопреки учению Ленина о «слиянии» наций, в мире происходит расцвет наций. — После гражданской войны Ленин корректирует свои взгляды. — Что позаимствовала КПСС из учения Ленина по национальному вопросу. (Стр. 19—43).

Идеолог и теоретик большевистской партии по всем вопросам диктатуры пролетариата, Ленин был теоретиком и в национальном вопросе. Программные положения большевиков по национальному вопросу до революции и после прихода большевиков к власти разрабатывал Ленин. Ленинская теория национального вопроса базировалась на таких принципах: 1. Ликвидация не только социального, но и национального порабощения человека. 2. Привлечение на сторону пролетарской революции угнетенных наций. 3. Воспитание большевистских кадров и рабочих масс в интернационалистском духе, то есть признания за угнетенными нациями равноправного с господствующей нацией существования. Эти общие положения большевистской программы по национальному вопросу Ленин формулировал так: «Право наций на самоопределение вплоть до отделения».

Кроме этих общих положений по национальному вопросу, Ленин в своих работах затронул ряд теоретических вопросов, которые вызвали дискуссию в среде социалистов, в

частности среди марксистской социал-демократии. Прежде всего о судьбе наций при дальнейшем развитии капитализма и в особенности при социализме. По этому вопросу наметилось два направления среди европейских марксистов. Теоретики австрийской социал-демократии (О. Бауэр, Р. Шпрингер и др.) утверждали, что с развитием демократии уже в капиталистическом обществе происходит возрождение наций. При социализме же, в условиях еще большей свободы чем буржуазная демократия, произойдет, по мнению австрийских марксистов, полный расцвет каждой национальности. Ленин же отстаивал противоположную точку зрения: уже при капитализме происходит ассимиляция наций, а при социализме произойдет полное их слияние. И Ленин приветствовал это слияние.

Надо сказать, что перед Первой мировой войной в европейской науке господствовала идея прогрессивности крупных государственных образований, необходимых якобы для более быстрого развития капитализма. Известный в то время британский историк Джеймс Брайс (J. Bryce) говорил на Международном конгрессе историков в 1913 г.:

«Что видит путешественник сегодня в Индии, Африке, в обеих Америках, в Австралии, на островах Тихого океана? Он видит как малые, более слабые и отсталые расы меняются или исчезают под ударами цивилизованного человека. Исчезают их языки, отмирают их религии, племенная организация разваливается, их обычаи приходят в упадок... вырастает гибридная раса, в которой более крепким и цивилизованным элементам предназначено взять верх... Восемь великих держав руководят политической судьбой планеты... Несколько европейских языков распространились на все континенты... Вполне вероятно, что где-то около 2000 года свыше девяти десятых человечества будут говорить менее чем на двадцати языках».¹³

Ленин перенес этот взгляд на социализм. В 1913 г. он писал:

«Широкое и быстрое развитие производительных сил капитализмом требует больших государственно-сплоченных

и объединенных территорий, на которых только и может сплотиться, уничтожая все старые средневековые, сословные, укоместные, мелконациональные, вероисповедные и прочие перегородки, класс буржуазии, а вместе с ним и его неизбежный антипод — класс пролетариев... Пока и поскольку разные нации составляют единое государство, марксисты ни в коем случае не будут проповедывать ни федеративного принципа, ни децентрализации. Централизованные крупные государства есть огромный исторический шаг вперед от средневековой раздробленности к будущему социалистическому единству всего мира и иначе как через такое государство (неразрывно связанное с капитализмом) нет и быть не может пути к социализму». ¹⁴ (Подчеркнуто у Ленина — И. М.).

Ленин, как и вся тогдашняя европейская социал-демократия (социал-демократия господствующих наций), приветствовал создание крупных многонациональных государственных объединений, считая их последним словом прогресса и единственным путем к социализму. А так как в России в это время происходило бурное развитие капитализма, то Ленин считал, что сохранение целостности Российской империи является тоже прогрессом. Нужна только ее демократизация с последующей победой социализма, но ни в коем случае не распад на отдельные национальные государства.

Эти мысли Ленин часто повторял перед революцией. Например: «Крупные государства гораздо успешнее, чем мелкие, могут решать задачи экономического прогресса и задачи борьбы пролетариата с буржуазией». ¹⁵ Ленин осуждал «распадение России, к которому хочет стремиться ППС (Польская Социалистическая Партия), в отличие от нашей цели свержения самодержавия». Ленин утверждал, что демократическая Российская республика (капиталистическая) обеспечит «право наций на отделение». ¹⁶ Это утверждение Ленина критиковал с марксистской точки зрения украинский социал-демократ Л. Юркевич. В полемике с Лениным он писал (в Женеве, в начале 1917 г.): «Смешно

вообще говорить о возможности «обеспечения» властью капиталистического государства «прав на самоопределения наций». Каждое государство, наиболее демократическое, и в особенности теперь, в век империализма, не только никогда не согласится разрешить угнетенным нациям отделяться, но всегда будет стремиться к новым территориальным приобретениям, к новому угнетению наций. Капиталистические правительства всегда относились к «праву на самоопределение наций», как к измене отечеству и карают виновных смертной казнью».¹⁷

В отличие от австрийских социал-демократов, которые считали, что интересы демократии и рабочего движения требуют свободы национального развития каждого народа, Ленин считал, наоборот, что интересы демократии и рабочего движения требуют слияния наций и, прежде всего, рабочих разных национальностей. «Интересы рабочего класса, — сказано в написанной Лениным большевистской резолюции 1913 г. — требуют слияния рабочих всех национальностей данного государства в единых пролетарских организациях — политических, профессиональных, кооперативно-просветительных и т. д.»¹⁸ Ленин знал, что во всех этих организациях употреблялся только русский язык. Во-первых, потому, что, например, в Грузии русский рабочий не знал и не хотел знать грузинского языка, в Польше — польского и т. д. Во-вторых, потому, что в царской России употребление в общественных организациях нерусского языка запрещалось. Таким образом, требуя слияния рабочих всех национальностей в одной организации, Ленин требовал руссификации и ассимиляции рабочих нерусских наций.

В таком же роде Ленин трактовал и единую школу в царской России. В 1913 г. он писал: «Пока разные нации живут в одном государстве, их связывают миллионы и миллиарды нитей экономического, правового и бытового характера. Как же можно вырвать школьное дело из этих связей?.. Если экономика сплачивает живущие в одном государстве нации, то попытка разделить их раз навсегда

для области «культурных» и в особенности школьных вопросов нелепа и реакционна. Напротив, надо добиваться соединения наций в школьном деле, чтобы в школьном деле подготовлялось то, что в жизни осуществляется... Разделение школьного дела по национальностям фактически неминуемо будет ухудшением для более отсталых наций. В Америке в южных, бывших рабовладельческих, штатах до сих пор выделяют негров в особые школы... Кто же не знает, что капиталисты всех наций данного государства сливаются самым тесным, неразрывным образом в акционерных предприятиях... в союзах промышленников и т. п. против рабочих какой угодно национальности? Кто не знает, что в любом капиталистическом предприятии... мы всегда, без всякого исключения, видим большую национальную пестроту рабочих, чем в захолустной, мирной деревне? Городскому рабочему... невольно и неизбежно приходится в голову, что разделение школьного дела по национальностям не только вредная, но и прямо мошенническая, шарлатанская затея со стороны капиталистов. Рабочих можно раздробить, раздавить, ослабить проповедью такой идеи, а еще более разделением народных школ по нациям... Смешно вообще читать ссылки на Австрию по этому вопросу... Почему для образца надо брать самую отсталую из всех национально-пестрых стран? Почему не самую передовую?..»¹⁹ (Подчеркнуто всюду у Ленина).

В интересах многонациональных государственных объединений, которые по Ленину были единственным путем к социализму, он защищал и ассимиляцию наций, при чем забывал указывать, что ассимиляция есть не слияние разных наций в одну новую нацию, а поглощение одной более сильной нацией более слабых. Правда, он отрицал ассимиляцию насильственную. «Пролетариат приветствует всякую ассимиляцию наций, — писал Ленин, — за исключением насильственной или опирающейся на привилегии».²⁰ Но Ленин не сказал где он видел ассимиляцию не насильственную, не опирающуюся на привилегии. Зато есть в его сочинениях места, где он приветствует явно насильственную

ассимиляцию в царской России. Напр., в 1913 г., когда происходила колонизация Украины русским элементом и запрещался украинский язык и украинские школы, Ленин писал: «Факт 'ассимиляции' великорусского и украинского пролетариата несомненен. И этот факт безусловно прогрессивен».²¹ (Подчеркнуто у Ленина). Все это аргументировалось разумеется интересами пролетарской борьбы, а не интересами российского империализма, который Ленин ненавидел. Но его преданность крупному многонациональному государству, как единственному по его мнению пути к социализму, иногда окрашивалась в русский национальный оттенок, когда дело шло о сохранении целостности Российской империи. Так, в письме М. Горькому в 1913 г., сравнивая успехи абсолютистско-феодальной ассимиляции наций в России с возрождением наций в демократизированной австрийской монархии, Ленин писал: «Нет, той мерзости, что в Австрии, у нас не будет. Не пустим! Да и нашего брата, великоруссов, здесь побольше (чем немцев в Австрии. — И. М.). С рабочими не пустим 'австрийского духа'...»²² (Подчеркнуто у Ленина. — И. М.).

У Ленина был спор по национальному вопросу не только с австрийскими марксистами, но и с марксистами внутри Российской империи. С одной стороны внутри большевистской партии он спорил с нигилистами по отношению к национальному вопросу, которые вообще не признавали национально-освободительных движений в эпоху империализма, считали, что эти движения бесперспективны, реакционны и только тормозят пролетарскую борьбу. Теоретиком этого направления была польская социал-демократка Роза Люксембург. В большевистской партии ее последователем был большевик Украины Г. Пятаков и др. Ленин считал нигилизм в национальном вопросе вредным, льющим воду на мельницу российского империализма. Если нигилисты отрицали право наций на самоопределение, то Ленин решительно защищал это право. В споре с люксембургянцем Г. Пятаковым, который отрицал право наций на самоопределение (потому что «самоопределение при капи-

тализме невозможно, а при социализме излишне», так как при социализме невозможно какое бы то ни было угнетение), — Ленин писал в 1916 г.: «Надо провести национальное *равноправие*; провозгласить, формулировать, и осуществить равные «права» всех наций... Но тут то и встает вопрос, который все обходят: отрицание *права* на свое национальное государство не есть ли отрицание равноправия? Конечно, есть. И последовательная, то есть социалистическая демократия провозглашает, формулирует и осуществляет это право, без которого нет пути к полному добровольному сближению и слиянию наций».²³ (Подчеркнуто у Ленина. — И. М.).

С другой стороны Ленин спорил с украинским марксистом Львом Юркевичем. Последний упрекал Ленина в противоречии по вопросу отделения угнетенной нации от угнетающей. Ленин в 1913 г. писал в резолюции большевистского совещания: «Вопрос о праве наций на самоопределение... непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации. Этот последний вопрос с.-д. партия должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм».²⁴ Комментируя этот свой тезис, Ленин писал в 1916 г.: «Если мы требуем свободы отделения для... *всех* без исключения угнетенных и неполноправных наций, то вовсе не потому, что мы за отделение их, а только потому, что мы за *свободное, добровольное* сближение и слияние а не за насильственное. Только поэтому...».²⁵

Это противоречие у Ленина — поддержка им *права* угнетенных наций на отделение но не поддержка самого *отделения* отметил упомянутый Лев Юркевич так. Ленинское право на отделение несовместимо с его утверждением о выгоде крупных государств. «Эти два положения исключают друг друга, — писал Юркевич. — Потому что если мы признаем, что... крупные государства больше служат интересам масс и прогресса, то наша защита «права на само-

определение наций», осуществление которого разъединяет «крупные государства», играла бы роль препятствия развитию «крупных государств» и... прогрессу вообще... Из этого следует, что программа РСДРП, заключающаяся в признании «права на самоопределение наций» и в одновременном его отрицании — равняется нулю». ²⁶ (Подчеркнуто в оригинале — И. М.).

Упрекал Ленина в противоречии и упомянутый большевик-люксембургинец Г. Пятаков. Под псевдонимом П. Киевский Пятаков писал: «Что же подумает рабочий, спрашивающий пропагандиста, как пролетарию следует относиться к вопросу о «самостийности», т. е. политической самостоятельности Украины (которую Пятаков отрицал, — И. М.), когда он получит ответ: социалисты добиваются права отделяться и ведут пропаганду против отделения?» На этот упрек Пятакова (приведенный в сочинениях Ленина) последовал такой ответ: «Мы всегда советовали и всегда будем советовать всем угнетенным классам всех угнетенных стран, колоний в том числе, не отделяться от нас, а как можно теснее сближаться и сливаться с нами». ²⁷ (Подчеркнуто у Ленина. — И. М.). Хотя Ленин понимал, что у Пятакова речь идет об отделении угнетенной нации от угнетающей, а не рабочих от рабочих. Между тем Ленин сопровождает спор с Пятаковым еще и таким оскорбительным замечанием: мол в ответ на заданный Пятаковым вопрос пропагандисту «всякий толковый рабочий *подумает*, что П. Киевский (Пятаков) *не умеет думать*». (Там же).

Отстаивая нераздельность многонациональной России и ассимиляцию в ней всех наций (практически — их руссификацию) Ленин отстаивал и единую для всех наций Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию, которую он пытался трактовать как наднациональную.

Он видел даже разницу между словами «Российская» и «Русская» партия. Якобы первое означает территорию (куда входили и другие национальности), а второе — национальность. Но такое понимание этих двух слов, которого кстати придерживаются и сейчас русские националисты, не

привилось в языках нерусских народов. В украинском языке, например, нет слова «русские», а есть только — «росіяне». Так утверждают и советские, издающиеся под строгой цензурой, русско-украинские словари.

До революции РСДРП добилась, чтобы в стране существовала только единая с-д партия — РСДРП. Кроме еврейского Бунда, который был партией этнической а не территориальной, не захотела вливаться в РСДРП только украинская (территориальная) УСДРП. По этому поводу Ленин писал в 1914 г. украинским социал-демократам: «... проповедью отделения украинских рабочих в особую с.-д. организацию я возмущен глубоко».²⁸ Полемизируя с Лениным по этому вопросу, теоретик УСДРП Л. Юркевич писал в начале 1917 г. (до февральской революции): «Мы против того, чтобы петроградское правительство и петроградский центральный комитет (РСДРП) централизовали в своих руках, первое — всю политическую власть над российской империей, второй — всю организационную власть над российской социал-демократией. Мы отстаиваем федералистический принцип как в устройстве российской империи, так и в организации российской социал-демократии. Когда украинская социал-демократия... высказалась за объединение с российской... на основе автономии, то российские социал-демократы... самым решительным образом отрицали объединение, предлагая нам «слияние», от которого мы, конечно, отказались и на которое никогда не согласимся... Русские социал-демократы, следуя по стопам правительственной ассимиляции и пользуясь ее результатами, организовывали пролетариат в украинских городах, как русский пролетариат и этим отделяли его культурно от пролетариата сельского чем, конечно, нарушали единство рабочего движения на Украине и замедляли его развитие... они никогда не выступали на украинской территории против национального угнетения и пользовались результатами этого угнетения...»²⁹ Далее Юркевич пишет, что против работы РСДРП среди эмигрировавшего на Украину русского пролетариата УСДРП ничего против не имеет. Но

определение наций», осуществление которого разъединяет «крупные государства», играла бы роль препятствия развитию «крупных государств» и... прогрессу вообще... Из этого следует, что программа РСДРП, заключающаяся в признании «права на самоопределение наций» и в одновременном его отрицании — равняется нулю». ²⁶ (Подчеркнуто в оригинале — И. М.).

Упрекал Ленина в противоречии и упомянутый большевик-люксембургинец Г. Пятаков. Под псевдонимом П. Киевский Пятаков писал: «Что же подумает рабочий, спрашивающий пропагандиста, как пролетарию следует относиться к вопросу о «самостийности», т. е. политической самостоятельности Украины (которую Пятаков отрицал. — И. М.), когда он получит ответ: социалисты добиваются права отделяться и ведут пропаганду против отделения?» На этот упрек Пятакова (приведенный в сочинениях Ленина) последовал такой ответ: «Мы всегда советовали и всегда будем советовать всем угнетенным классам всех угнетенных стран, колоний в том числе, не отделяться от нас, а как можно теснее сближаться и сливаться с нами». ²⁷ (Подчеркнуто у Ленина. — И. М.). Хотя Ленин понимал, что у Пятакова речь идет об отделении угнетенной нации от угнетающей, а не рабочих от рабочих. Между тем Ленин сопровождает спор с Пятаковым еще и таким оскорбительным замечанием: мол в ответ на заданный Пятаковым вопрос пропагандисту «всякий толковый рабочий *подумает*, что П. Киевский (Пятаков) *не умеет думать*». (Там же).

Отстаивая нераздельность многонациональной России и ассимиляцию в ней всех наций (практически — их руссификацию) Ленин отстаивал и единую для всех наций Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию, которую он пытался трактовать как наднациональную.

Он видел даже разницу между словами «Российская» и «Русская» партия. Якобы первое означает территорию (куда входили и другие национальности), а второе — национальность. Но такое понимание этих двух слов, которого кстати придерживаются и сейчас русские националисты, не

привилось в языках нерусских народов. В украинском языке, например, нет слова «русские», а есть только — «росіяне». Так утверждают и советские, издающиеся под строгой цензурой, русско-украинские словари.

До революции РСДРП добилась, чтобы в стране существовала только единая с-д партия — РСДРП. Кроме еврейского Бунда, который был партией этнической а не территориальной, не захотела вливаться в РСДРП только украинская (территориальная) УСДРП. По этому поводу Ленин писал в 1914 г. украинским социал-демократам: «... проповедью отделения украинских рабочих в особую с-д организацию я возмущен глубоко».²⁸ Полемизируя с Лениным по этому вопросу, теоретик УСДРП Л. Юркевич писал в начале 1917 г. (до февральской революции): «Мы против того, чтобы петроградское правительство и петроградский центральный комитет (РСДРП) централизовали в своих руках, первое — всю политическую власть над российской империей, второй — всю организационную власть над российской социал-демократией. Мы отстаиваем федералистический принцип как в устройстве российской империи, так и в организации российской социал-демократии. Когда украинская социал-демократия... высказалась за объединение с российской... на основе автономии, то российские социал-демократы... самым решительным образом отрицали объединение, предлагая нам «смяние», от которого мы, конечно, отказались и на которое никогда не согласимся... Русские социал-демократы, следуя по стопам правительственной ассимиляции и пользуясь ее результатами, организовывали пролетариат в украинских городах, как русский пролетариат и этим отделяли его культурно от пролетариата сельского чем, конечно, нарушали единство рабочего движения на Украине и замедляли его развитие... они никогда не выступали на украинской территории против национального угнетения и пользовались результатами этого угнетения...»²⁹ Далее Юркевич пишет, что против работы РСДРП среди эмигрировавшего на Украину русского пролетариата УСДРП ничего против не имеет. Но

осуждает тех с.-д., которые, работая среди украинского пролетариата и признавая право украинцев на самоопределение, отрицают все же право украинцев бороться за свое национальное освобождение.

Почему УСДРП оставалась обособленной от РСДРП до самой революции 1917 г., можно найти объяснение и в таком факте. В 1904 г. от УСДРП откололась группа под названием «Спилка» и влилась в РСДРП. Сначала ей было поручено вести работу среди украинских крестьян. Но потом «Спилка» была превращена в отдел при ЦК РСДРП для работы среди крестьян всех наций России, конечно, на русском языке. Отдельной работы на украинском языке среди крестьян — РСДРП не признавала, т. к. она не признавала украинцев как нацию.

Но Ленину принадлежит идея различать национализмы наций угнетенной и угнетающей. По поводу национализма угнетенной нации Ленин еще в 1914 г. писал: «В каждом буржуазном национализме угнетенной нации есть общедемократическое содержание против угнетения, и это-то содержание мы безусловно поддерживаем, строго выделяя стремление к своей национальной исключительности...».³⁰ (Подчеркнуто у Ленина). Эту мысль Ленин позже не раз повторял.

Изложенные выше взгляды Ленина на национальную проблему проходили жизненную проверку на протяжении более чем столетия. Его утверждение о прогрессивности крупных многонациональных государств как единственного пути к социализму опровергнуты жизнью. Уже после Первой мировой войны крупные империи начали распадаться, а после Второй мировой войны не осталось ни одной, кроме СССР. Оказалось, что крупные государственные объединения были не последним словом капитализма, а своеобразным симбиозом остатков воинствующего европейского феодализма с растущим капитализмом. Последним словом капитализма оказались свободные от феодальных традиций США. И этому современному капитализму для его процветания вовсе не нужно расширение своих государственных

границ и превращение в более крупное государственное объединение. Не нужно, например, присоединение Канады к США. Для современного капитализма бессмысленно было бы включать в свои государственные границы такую отдаленную территорию, как Курильские острова. Но верное ленинской теоретической ошибке о прогрессивности крупных государств, верное российским феодально-имперским традициям руководство КПСС находит нужным удерживать Курилы, только заостряя отношения с их историческим хозяином.

Впрочем Ленин входил в противоречие со своей теорией прогрессивности крупных многонациональных государств, когда приветствовал отделение от Швеции Норвегии. В 1914 г. он писал: «В 1905 г. Норвегия отделилась от Швеции... Что же? Проиграл ли народ? Проиграли ли интересы культуры? Или интересы демократии? Интересы рабочего класса от такого отделения? Нисколько!.. Общность, близость шведского и норвежского народов на деле выиграла от отделения».³¹

Противоречил Ленин сам себе и когда утверждал, что «наемному рабочему все равно, будет ли его преимущественным эксплуататором великорусская буржуазия предпочтительной перед инородческой или польская перед еврейской и т. д.»³² Но, с другой стороны, Ленин писал противоположное. Так, в 1916 г. он писал: «Одинаково ли действительное положение рабочих в угнетающих и угнетенных нациях?.. Нет, не одинаково. (1) Экономическая разница та, что часть рабочего класса в угнетающих странах пользуется крохами *сверхприбыли*, которую получает буржуа угнетающих наций, сдирая всегда по две шкуры с рабочих угнетенных наций. Экономические данные говорят, кроме того, что из рабочих угнетающих наций *больший* процент проходит в «мастерки», чем из рабочих угнетенных наций, — *больший* процент принимается в *аристократию* рабочего класса. Это факт. Рабочие угнетающей нации до известной степени участники своей буржуазии в деле ограбления ею рабочих (и массы населения) угнетенной

нации. (2) Политическая разница та, что рабочие угнетающих наций занимают *привилегированное* положение в целом ряде областей политической жизни по сравнению с рабочими угнетенных наций. (3) Идеино и духовно разница та, что рабочие угнетающих наций всегда воспитываются в духе презрения или пренебрежения к рабочим угнетенных наций. Например, всякий великоросс... *испытал это...*³³ Как же после этих слов Ленина рабочий угнетенной нации будет стремиться слиться национально с рабочим угнетающей нации, отказавшись поддерживать свой национально угнетенный народ, борющийся за свои национальные учреждения, свою школу и так далее? Не будет ли такой поработенный народ считать своего «сливающегося» рабочего ренегатом?!

Опровергла история и утверждение Ленина, что в крупных многонациональных государствах рабочие больше сближаются, чем в разрозненных национальных, что в крупных государствах им легче вести борьбу за свои интересы. Наоборот, исторический опыт показывает, что, например, поляки, находясь до революции в одном государстве с русскими, более отгалкивались (а не сливались) с ними, чем когда создали свое независимое от России государство. То же финны, тоже эстонцы, латыши, литовцы (до нового поглощения их государств единым СССР). И если теперь снова растет неприязнь поляков к русским, то из страха нового их объединения в едином государстве. А насильственное присоединение к СССР в 1940 г. эстонцев, латышей и литовцев разбудило ненависть к России, даже у местных коммунистов.*

Следует сказать, что и положение рабочего класса в отделившихся от России государствах не ухудшилось от этого отделения, а улучшилось даже в таких маленьких государствах, как прибалтийские. А общий культурно-эконо-

*Вспомнить хотя бы обращение семнадцати латышских коммунистов к компартиям Западной Европы с просьбой защитить их народ от национального порабощения Советской Москвой.

мический уровень отделившихся стран поднялся. Например, Финляндии, которая до отделения была русской провинцией, став самостоятельным государством, превратилась в передовую европейскую нацию. Это преимущество маленьких государств по сравнению с крупными многонациональными империями следует объяснить тем, что малые государства не имеют амбиции господствовать и для этого постоянно вооружаются, что ложится тяжелым бременем на народы крупных государств.

Еще при жизни Ленина практикой было опровергнуто его утверждение, что демократическая Россия обеспечит право наций на отделение от нее. Возглавляемая Керенским в 1917 г. Российская республика была более демократична, чем любая европейская страна. Демократична почти до стихийного распада. И все же бессильное правительство Керенского не соглашалось даже на ограниченную автономию, например, Украины, и Украинская Центральная Рада явочно провозгласила эту автономию (что Ленин горячо поддерживал. Но это опровергало его утверждение).

После Второй мировой войны завершился распад крупных европейских империй. Вопреки предсказаниям в 1913 г. агглийского историка Джеймс Брайса о победе небольшого числа цивилизованных наций и вопреки такому же утверждению Ленина о преимуществе крупных государственных объединений и победе социализма только через эти объединения, в мире происходит противоположный процесс — дифференциация наций, рост их количества и распад крупных государств. Уже Организация Объединенных Наций насчитывает в своем составе 143 государства и количество новых национальных государств растет.

В споре Ленина с австрийскими марксистами, которые утверждали, что в условиях демократии, а позже и в условиях социализма нации не сливаются, как утверждал Ленин, а расцветают и дифференцируются, правы были австрийские марксисты. Австрийцы исходили из опыта своего государства, где до революции 1848 г. происходила в городах (как и в России) абсолютистско-бюрократическая ас-

симиляция, так что чешские, например, города были германизированы. Но демократизация Австрийской империи после революции 1848 г. привела к возрождению в ней национальностей, к их расцвету, и германизация тех же чешских городов была вытеснена их «чехизацией». Ленин же в споре с австрийскими марксистами исходил из опыта Российской абсолютистско-бюрократической империи, где еще не было своего 1848 г. (в 1905 г. он не удался). В Российской империи, как и в Австрии до 1848 г., происходила руссификация и ассимиляция наций при одновременном бурном росте капитализма. Слепленный этим Ленин считал, что это и есть последнее слово капитализма — многонациональное, широкопросторное, сливающее все нации государство. Ленин смотрел на перспективы национального развития глазами до «1848 г.». Если бы в России в 1905 г. победила демократическая революция, Россия пошла бы «австрийским» путем развития, т. е. путем возрождения и расцвета наций и Ленину не нужно бы было спорить с австрийскими марксистами. Но так как революция 1905 г. в России была раздавлена, то тем более бурно пришел распад империи на национальные государства в 1917 г. Воссоединение империи большевиками произошло не в подтверждение фальшивого закона «сближения» и «слияния» наций, а, наоборот, в результате веры нерусских народов, что большевики спасут их «самоопределение» от угрозы белых генералов, стремившихся восстановить старую «тюрьму народов» — Российскую империю. Поэтому руководители КПСС и вынуждены теперь постоянно повторять противоречие — с одной стороны «расцвет» советских наций, а, с другой — их «слияние». Крупные многонациональные государства — это пережиток феодализма, когда нации вообще не существовали, а «сближались» и «сливались» династии и феодальные роды. Не было в истории случая, чтобы развитый капитализм затевал творить многонациональное государство.

Утверждение австрийских марксистов, что при демократии и при социализме нации не исчезают, а расцветают, подтверждает и развитие мира после Второй мировой войны.

В противоположность утверждению английского историка Джемса Брайса, что развитие мира будет идти в направлении поглощения слабых наций более сильными, сейчас в Европе происходит удивительный процесс дифференциации казалось когда-то монолитных наций. Отделение Ирландии от Англии после Первой мировой войны не прекратило дифференциации английской нации. Сейчас там за национальную самобытность борются валлийцы (они создали много-томный словарь валлийского языка). В Англии возрастает шотландское национальное движение. Во Франции и Испании возникло движение басков за национальную автономию. Далее, движение каталонцев в Испании. Бретонцы, корсиканцы и др. этнические группы во Франции пришли в движение. Когда-то единая «бельгийская нация» (по выражению Ленина) оказалась теперь разделенной на две — валоны (с французским языком) и фламандцы (со своим языком). В борьбе за национальное равноправие фламандцы добились уже многого. В частности старинный Университет в Лювене переводят с французского языка преподавания на фламандский.

Возрождение колониальных народов в Азии и Европе происходит на демократической основе (а не на феодально-династической) и поэтому там тоже происходит не «сближение» и «слияние» феодальных родов, а дифференциация этнических народных групп. Судан отделился от Египта, Эритрея хочет отделиться от Абиссинии.

Характерно, что Ленин к таким вопросам подходил не принципиально, а конъюктурно, не с безусловной поддержкой национальной свободы и равноправия угнетенной нации, а с учетом — насколько это выгодно для «рабочего движения». При чем вопрос о выгодности решают у Ленина представители господствующей нации. У Ленина часто можно встретить заявление, что большевики не поддерживают реакционных национальных движений, что противоречит его же заявлению — надо поддерживать *каждый* (подчеркнуто у Ленина) национализм угнетенной нации. Нет реакционных национализмов угнетенных народов, мо-

гут быть реакционные правительства, что не дает основания отрицать самое национально-освободительное движение.

Происходящая сейчас дифференциация больших наций и вообще раслоение наций, а не «сближение», и «слияние», нисколько не тормозит ни общественный прогресс ни рабочее движение. Наоборот, как раз в период этой дифференциации наций происходит неслыханный до сих пор научно-технический прогресс и рост жизненного стандарта народов. А в СССР, где насильем пытаются «сблизать» и «сливать» нации, этот прогресс и стандарт жизни все более тормозится. Положение рабочих в дробящихся национально-странах улучшается быстрее, чем в стране «сближения» и «слияния» наций — СССР. Борьба за равноправие самых маленьких народов и дифференциация больших наций — следствие демократизации мира и связанного с этим роста самосознания каждого человека и каждого народа, роста нетерпимости к насилию и неравенству.

Ошибкой Ленина была недооценка природы национально-освободительных движений и противопоставление этим движениям человеческих масс беспощадных и якобы прогрессивных законов рыночной экономики. Ленин считал национально-освободительные движения только ответом на насилие, а не естественной потребностью народов свободно развиваться. Исчезнет насилие, писал Ленин, исчезнет и стремление отделиться от насильника, его заменит якобы продиктованное экономической необходимостью стремление «сблизиться» и «слиться». Отсюда и уверенность Ленина, что достаточно предоставить угнетенным нациям только право на отделение, чтобы у них исчезло желание отделиться. Эту уверенность представителей господствующей нации в том, что национальные требования угнетенной нации есть лишь реакция на запрещение желаемого, отметил упомянутый Л. Юркевич.

В споре с Лениным Юркевич привел цитату из написанных Лениным накануне революции 1917 г. «Тезисов» РСДРП по национальному вопросу: «Чем ближе демократический

строй государства к полной свободе отделения, тем реже и слабее будут в практике стремления к отделению». Цитата напомнила Юркевичу речь русского либерала Родичева в царской Государственной Думе, защищавшего право украинцев иметь свою национальную школу: «Дайте украинцам школу для того, чтобы они потом сами отказались от нее». «Странная, неправда-ли свобода, — замечает Юркевич, — от которой в меру ее достижения будут отказываться угнетенные нации!»³⁴

Только под конец своей жизни Ленин начинал менять взгляды на национальный вопрос. Это было связано, во-первых, с бурным национальным возрождением нероссийских народов после окончания гражданской войны и с переходом к непу. И, во-вторых, когда Ленин увидел, что революция в передовой Европе, с которой Ленин связывал окончательную победу социализма и разрешение также национального вопроса, не осуществилась. Теперь он заговорил и о своих ошибках в национальном вопросе. Вину за извращения в национальном вопросе Ленин возлагает на советский аппарат, «который мы называем своим, который на самом деле насквозь чужд нам и представляет из себя буржуазную и царскую мешанину, переделать которую в пять лет при отсутствии помощи от других стран и при преобладании «занятий» военных и борьбы с голодом не было никакой возможности».³⁵ Это верно, что война и голод не давали возможности много сделать, но если бы во время войны и голода правильно решался национальный вопрос, то и трудностей было бы меньше. А то ведь было явной ошибкой разыгранное на русском шовинизме наступление в 1920 г. красной армии на Варшаву с подчинением Польши Советской России, подобно подчинению Грузии, Украины, Белоруссии. Что было бы сегодня с Польшей, если бы она еще в 1920 г. стала союзной советской республикой?! Катынями была бы покрыта вся Польша, как ими покрыта вся Украина...

Теперь, за год до своей смерти, Ленин требует от партии объявить самой главной опасностью в национальном

вопросе великодержавный русский шовинизм. Это записано и в резолюции XII съезда РКП(б) в 1923 г. по национальному вопросу. Сам Ленин в это время пишет в записке в Политбюро: «Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть. Как только избавлюсь от проклятого зуба, съем его всеми здоровыми зубами. Надо абсолютно настоять, чтобы в союзном ЦИКе *председательствовали* по очереди: русский, украинец, грузин и т. д.»³⁶

Взгляды Ленина на решение национального вопроса в СССР в этот последний период его жизни изложены в продиктованных им уже на смертном одре записках, которые он называл дневником и которые принято называть «Завещанием Ленина». (Оно никогда полностью не было напечатано). Важнейшие моменты этого «Завещания» таковы. Октябрьская революция провозгласила формальное равенство всех наций СССР. Но это формальное равенство надо заполнить фактическим. Это возможно при условии, во-первых, передачи власти в национальных республиках местным советским национальным элементам; во-вторых, решительной перестройки советских аппаратов, ликвидации в них российского шовинизма. Если этого не будет сделано, писал Ленин, то «свобода выхода из СССР... окажется пустой бумажкой, неспособной защитить российских иноподданых от нашествий того истинно-русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ. Нет сомнения, что ничтожный процент советских и советизированных рабочих будет тонуть в этом море шовинистической великорусской швали, как муха в молоке».

Чтобы не допустить превращения равноправия наций в «пустую бумажку», Ленин рекомендует выработать «детальный кодекс, который могут составить сколько-нибудь успешно только националы, живущие в данной республике. При чем не следует зарекаться заранее никоим образом от того, чтобы в результате всей этой работы вернуться на следующем съезде Советов назад, т. е. оставить союз советских социалистических республик лишь в отношении воен-

ном и дипломатическом, а во всех других отношениях восстановить полную самостоятельность отдельных наркоматов. Надо иметь в виду, что дробление наркоматов и несогласованность между их работой в отношении Москвы и других центров может быть парализовано достаточно партийным авторитетом, если он будет применяться со сколько-нибудь достаточной осмотрительностью и беспристрастностью... Одно дело необходимость сплочения против империалистов Запада... Тут не может быть сомнений... Другое дело, когда мы сами попадаем... в империалистические отношения к угнетенным народностям, подрывая этим совершенно всю свою принципиальную искренность, всю свою принципиальную защиту борьбы с империализмом». ³⁷

Значит Ленин рекомендовал: если не удастся достигнуть фактического равноправия народов СССР, то надо отказаться от намеченного Союза ССР и вернуться к самостоятельности союзных республик, оставив Союз ССР «лишь в отношении военном и дипломатическом». При чем всякие недоразумения между центром и национальными республиками могут, по Ленину, быть парализованы партийным авторитетом, «если он будет применяться со сколько-нибудь достаточной осмотрительностью и беспристрастностью». А если нет? Ленин этого не предусматривал. А на деле оказалось, что как раз «партийный авторитет» стал штабом великодержавного шовинизма. И большей агрессии против нероссийских народов, чем партийный авторитет, никто в СССР, даже самые крайние русские националисты-консерваторы, не способны были бы вести. Конечно, при Ленине «партийный авторитет» не был еще тем, чем он стал теперь, когда он стал властью нового класса и большей властью, чем «власть» советского государства. Ошибкой Ленина было то, что допуская дробление (децентрализацию) наркоматов, он сохранил централизованную партию, которая теперь ликвидирует все остатки национальных автономий. Если бы в союзных республиках были допущены по настоящему независимые от центра компартии союзных респуб-

лик, тогда взаимоотношение этих республик с РСФСР было бы примерно такое, как теперешнее взаимоотношение СССР со странами Варшавского блока: сильная зависимость, но не тотальная руссификация и ассимиляция.

Но Ленин и не думал допускать создание независимых от РКП(б) коммунистических партий союзных республик. Более того, он не допускал независимых профессиональных союзов в национальных республиках. Косвенно это свидетельствовало о том, что он считал рабочий класс СССР русским с примесью нерусских рабочих, которые по Ленину должны «сливаться» в единый рабочий класс (конечно, русский). Ленин повидимому до конца своих дней верил, что единственный путь к социализму — это многонациональные широкопросторные государственные объединения, что «авось от 'австрийского типа' развития судьба России избавит».³⁸ Хотя после Февральской революции 1917 г. Ленин видел, что «австрийский путь» побеждал в России еще более бурно, чем в Австрии. Если от Австрии уже оформившиеся в ее недрах нации просто отделялись, то от России они освобождались с военными столкновениями и с длительным повстанческим движением (Финляндия, Прибалтика, Украина, народы Кавказа и Средней Азии).

Ошибкой Ленина и его поколения большевиков было то, что они считали советскую власть наднациональной, полностью независимой от русского национализма. А, значит, и способной совершенно объективно решать национальный вопрос в СССР. Поэтому всякое заигрывание компартии с русским национализмом считалось тактическим приемом, не затрагивающим интернациональной сущности большевизма. Ведь только этим можно объяснить допущение в 1920 г. во время советско-польской войны возвания царского генерала Брусилова к «русским людям» идти защищать русскую землю от «исконного врага земли русской — поляков». Такие же призывы печатали в большевистской прессе сидевшие в советских концлагерях белые офицеры. Уже тогда началось массовое внедрение в красную армию белых русских офицеров, количество которых к концу граждан-

ской войны достигло сорока тысяч человек. А после упомянутого призыва генерала Брусилова начался довольно заметный уход коммунистов нероссийских народов из компартии. Для них призыв генерала Брусилова казался возвратом к российскому великодержавию (например выход из РКП на Украине целой кобелякской уездной организации и переход ее в Украинскую Коммунистическую Партию — УКП, (самостийническую). А те сорок тысяч царских офицеров сыграли безусловно важную роль в превращении красной армии в сегодняшнюю великодержавную шовинистическую советскую армию. Это результаты «тактического» приема Ленина и всех руководителей партии (нерусских в том числе) играть на русском национализме. Ленин не учитывал, что правительство, даже наиболее интернационалистское, есть орган данной нации и что не партия указывает господствующей нации как относиться к подчиненным центру нациям, а господствующая нация приспособливает к себе партию, требуя от нее решения национального вопроса в интересах ее — господствующей нации.

Что же позаимствовала сегодняшняя КПСС из теории Ленина по национальному вопросу? Прежде всего следует сказать, что и компартия СССР прошла тот же путь переделки в великодержавно-националистическом духе, как и советская армия. Для ЦК КПСС и его аппарата в центре и на местах решение национального вопроса теперь — это уже не тактический прием в борьбе за коммунизм, а принципиальный вопрос переделки всех наций СССР в один «советский народ», т. е. в народ русский, с единым русским языком. Поэтому КПСС берет сейчас из учения Ленина по национальному вопросу не то, что считалось нужным для победы справедливого для всех наций строя, а то, что облегчает превращение всех наций СССР в один «советский» (русский) народ. Это важно иметь в виду когда говорится о том, что заимствует КПСС от Ленина в национальном вопросе и что игнорирует.

В борьбе за сохранение целостности советской империи КПСС старается опираться на утверждение Ленина, что

только в широкопросторных многонациональных государственных объединениях может утвердиться социализм (как, напр., в СССР).

Ленину принадлежит довольно туманная теория «слияния» наций, хотя он все время подчеркивал, что это слияние происходит добровольно, без насилия. Сегодняшняя КПСС, заимствуя от Ленина идею «слияния» наций, взяла курс на насильственное их «сближение» и «слияние». Впрочем программа КПСС 1961 г. изображает это «слияние» как процесс добровольный. Согласно партийной пропаганде, нерусские народы СССР «добровольно» отказываются от своего родного языка в школе и в жизни, «добровольно» признают русский язык своим «вторым родным языком».

Позаимствовали у Ленина руководители КПСС и его положительный отзыв об ассимиляции. Тем более, что теперь в СССР ассимиляция по утверждению партийной пропаганды «добровольная». Чтобы оправдать учением Ленина руссификацию, партийная наука даже фальсифицирует Ленина. Партийный журнал «Вопросы истории» так цитировал Ленина в 1971 г.: «Мы разумеется стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться русскому языку». Но продолжение этой цитаты из Ленина партийный журнал упустил. А продолжение такое: «Мы не хотим только одного: элемента *принудительности*. Мы не хотим загонять в рай дубиной».³⁹ Кроме фальсификации, здесь упускается из виду то, что Ленин говорил о желательности изучения русского языка в дореволюционной Российской империи, когда не стоял вопрос о ее распаде. А после революции Ленин по этому вопросу по крайней мере молчал. Теперь же тотальная руссификация в СССР прикрывается этой дореволюционной фальсифицированной цитатой из Ленина.

В одном отношении современная КПСС не хочет сослаться на Ленина — это об отношении к русскому национализму. Как уже сказано, Ленин делил национализмы на национализм угнетенной нации и национализм нации угнетающей. Первый он призывал поддерживать, второй осу-

ждал. КПСС прекратила теперь это осуждение. Теперь в СССР осуждаются и подавляются, наоборот, национализмы нероссийских народов, защищающие свои нации от великодержавного шовинизма. При чем КПСС считает, что эта новая политика вытекает из ленинской теории национального вопроса.

Надо считать, что сегодняшний великодержавный шовинизм КПСС имеет все же корни в ленинской теории национального вопроса. Именно в той ее части, где Ленин противоречит сам себе. Как революционер, Ленин боролся против всякого угнетения человека человеком, в том числе и национального. Но как социал-демократ он поддерживал разрушение капитализмом всех «феодалных» перегородок, считая их препятствием к прогрессу и к социализму. В приведенной выше цитате из Ленина он приветствует капитализм за то, что тот «уничтожает все старые средневековые, сословные, узкоместные, мелконациональные, вероисповедные и прочие перегородки». (Подчеркнуто нами — И. М.). Но мы уже видели, что происходящее теперь возрождение самых маленьких наций Европы вовсе не тормозит развития рынка и экономического прогресса, а, наоборот, содействует им. Что уничтожение «мелконациональных перегородок» (по-советски «сближение» и «слияние» наций) — это насилие, задерживающее культурное и экономическое возрождение целых национальных массивов. Поддерживая это насилие над народами, Ленин противоречил себе как революционному борцу против всякого угнетения человека человеком.

Кстати эта поддержка уничтожения «мелконациональных перегородок» была свойственна не только Ленину и всей русской социал-демократии, но и социал-демократии европейских (господствующих) наций. Так выдающийся немецкий социал-демократ Франц Меринг резко выступал против польского национально-освободительного движения. Роза Люксембург отрицала вообще всякие национально-освободительные движения. Еще в прошлом столетии французский социалист Поль Лафарг отрицал всякие националь-

ности, понимая под этим, как иронически замечал К. Маркс, «поглощение их образцовой французской нацией». Эта поддержка дореволюционной социал-демократией господствующих европейских наций уничтожения «мелконациональных перегородок» была поддержкой не прогресса и социализма, а насилия над незащитными человеческими коллективами.

Уничтожение «мелконациональных перегородок» в Европе было особенностью, как уже сказано, не чистого капитализма, а капитализма, возглавленного полуфеодальными монархиями, и совершал это уничтожение не капиталистический рынок, а государственный аппарат господствующих наций. Сегодня в Европе капиталистический рынок более развит, чем в начале нынешнего столетия, и этому, свободному уже от феодального контроля рынку, вовсе не нужно ни централизованное многонациональное государство, ни ликвидация «мелко-национальных перегородок». Рынок не нуждается в подавлении национально-освободительных движений басков, фламандцев, бретонцев, шотландцев и т. д., нуждаются в этом великодержавы господствующих наций, которые сами являются пережитком докапиталистических отношений.

Казалось бы тем более не нужно разрушение «мелконациональных перегородок» «развитому социализму» СССР. Но унаследовав от старой социал-демократии идею ликвидации «перегородок» и перестав быть партией народных масс, КПСС взяла на себя роль не только разрушителя «мелконациональных перегородок», но и террористического ликвидатора трудовых крестьянских хозяйств, считая, что такой террор над национальностями и миллионами труженников означает социализм. Между тем это только концентрация капитала, создание монопольного государственного капитализма. Эту свою роль террористического ликвидатора малых наций КПСС обосновывает социал-демократической теорией Ленина о прогрессивности ликвидации «мелконациональных перегородок».

Но в отличие от вождей сегодняшней КПСС, Ленин на опыте национального возрождения народов бывшей Рос-

сийской империи, изменил свой взгляд на ликвидацию «мелконациональных перегородок». За год до своей смерти в декабре 1922 г. в цитированном уже «Завещании» Ленин писал об «угнетающей или так называемой 'великой' нации, (великой только своим насилием, великой только так, как велик держиморда)». Он не приветствует, как приветствовал в 1913 г., ликвидацию «мелконациональных перегородок», а, наоборот, требует поддержки национального возрождения самых мелких народностей СССР. Тех народностей, которых теперешняя КПСС ликвидирует руссификацией, ассимиляцией и геноцидом.

III. НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА БОЛЬШЕВИКОВ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

— Расхождение между большевистской теорией по национальному вопросу и партийной практикой. — Разгром национального возрождения на Украине в 1918 и 1919 гг. — Продолжение царской колонизаторской практики в Туркестане. — Закавказские большевики — противники национально-освободительного движения своих народов. — Резолюции по национальному вопросу Седьмой (Апрельской) 1917 г. Всероссийской конференции, Восьмого (1919 г.) и Десятого (1921 г.) съездов РКП(б). — Противоречия между декларациями РКП(б) и ленинской теорией национального вопроса. — Критика украинскими коммунистами великодержавного централизма РКП(б). — Тяготение российских имперских традиций над большевистскими представлениями по национальному вопросу. (Стр. 44—66).

После Февральской революции 1917 г., свергнувшей царское самодержавие, в России стихийно нарастали демократические свободы. Большевистская партия вышла из подполья. Она получила возможность на практике осуществлять свою программу по национальному вопросу с лозунгом «самоопределение вплоть до отделения» угнетенных наций. После Февральской революции подверглись проверке и некоторые теоретические положения Ленина по национальному вопросу. Например, революция опровергла утверждение Ленина, что в демократической России всем угнетенным нациям будет обеспечено право на отделение от российского государства. Этого не получилось. Как утверждают историки КПСС, Февральская революция «превратила Россию в самую свободную страну из всех воюющих держав». ⁴⁰ Действительно, царская полиция была отстранена, новая милиция еще не была укреплена. Для утверждения власти

Временное правительство не имело аппарата. И все же это правительство решительно противилось стремлению нероссийских народов создать хотя бы национальную автономию в рамках российского государства.

Это видно было на примере Финляндии, прибалтийских народов, Украины, которые сразу же после Февральской революции заявили претензии на автономию. Временное правительство ответило, что вопрос об автономии и вообще о самоопределении нероссийских народов надо отложить до созыва Учредительного Собрания. С резкой критикой такой политики выступил Ленин. По вопросу о Финляндии он писал:

«Временное правительство *не сумело* удовлетворить финский народ, требующий *пока еще* не отделения, а только широкой автономии... Финляндию аннектировали русские цари... Если мы действительно против аннексий, то мы должны сказать: свобода отделения для Финляндии!.. Конфликт, возникший в настоящее время между Финляндией и русским Временным правительством, особенно наглядно показывает, что отрицание права на свободное отделение ведет к прямому продолжению политики царизма». Характерно, что и социал-демократическая «Рабочая Газета», как писал Ленин, формулировала и защищала аннекционистскую политику Временного правительства.⁴¹

Только Ленин отстаивал право Финляндии на отделение. Впрочем он снова, как и до революции, оговаривал разницу между «правом нации на свободное отделение и целесообразностью отделения». Т. е. право на отделение должно быть всегда, но самое отделение допустимо только в конкретных случаях, при согласии партии. Впрочем, история не знает примера, чтобы большевики допустили хоть один такой случай.

Тут важно отметить, что не только Временное правительство противилось автономии Финляндии, но и партийные большевистские кадры. Они старались урезать права не только буржуазной Финляндии, но и... коммунистиче-

ской. Об этом свидетельствовал Ленин в своем выступлении на VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г. Ленин сказал: «С красным финским правительством, которое существовало короткое время, мы заключили договор, пошли на известные территориальные уступки, из-за которых я слышал немало возражений чисто шовинистических: «Там, дескать, хорошие рыбные промыслы, а вы их отдали». Это такие возражения, по поводу которых я говорил: поскрести иного коммуниста и найдешь великорусского шовиниста».⁴²

От Февральской до Октябрьской революции не было напечатано ни одного сколько-нибудь заметного выступления большевистских деятелей (кроме Ленина) в защиту национальных прав нероссийских народов. Постановление VII апрельской конференции большевиков 1917 г. по национальному вопросу, написанное Лениным, партийная печать повторяла как абстрактное заученное правило, но никто из большевистских деятелей не применял его на практике. Характерно, что когда Ленин скрывался от преследований Временного правительства и не мог присутствовать на VI съезде партии в июле—августе 1917 г., на этом съезде не был поставлен национальный вопрос, хотя решения партии по национальному вопросу остро требовала обстановка — национальные отношения в стране резко обострились. Но в большевистской партии господствовал или великодержавный шовинизм, или нигилизм к национальному вопросу, который был своеобразным прикрытием великодержавного национализма.

Поэтому при анализе национальной политики большевиков после революции 1917 г. надо четко различать программно-декларативную сторону и практическое осуществление программ и деклараций. Партийные решения по национальному вопросу (писанные в основном Лениным или Сталиным по указанию Ленина) были в общем объективны, и для угнетенных народов, более приемлемы, чем политика Временного правительства или позднейших правительств белых армий. Но национальная политика компартии на практике, в особенности на местах, мало чем отличалась

от политики антибольшевистских белых генералов. Приведем факты.

В конце 1917 г. Советская Россия объявила войну Украинской Народной республике. Петроградский Совнарком во главе с Лениным считал эту войну классовой — рабочих России (и Украины) против буржуазной Украинской Центральной Рады. Но фактически, на местах, советские войска и административные органы трактовали эту войну прежде всего как войну против украинского сепаратизма. Таковую войну поддержали даже антибольшевистски настроенные русские элементы на Украине. Они использовали приход русских красных войск на Украину для расплаты с украинцами за их «сепаратизм». Киевский городской голова Рябцев, противник большевиков (правый эсер) приветствовал вступление красных русских войск в Киев, как «восстановление единого общероссийского революционного фронта». В боях на улицах Киева возле большевистской цитадели готеля «Прага» были найдены при пулеметах два убитых царских полицейских, которые вообще выступали против всякой революции, но теперь помогали большевикам восстанавливать «единую неделимую Россию».⁴³

На улицах Киева победившими русскими красными войсками было расстреляно около трех тысяч человек. Расстреливали на улицах когда находили удостоверения на украинском языке или когда люди разговаривали по-украински. Так между прочим погибли два видных деятеля украинской левой партии «Боротьбистов» О. Зарудный и Бочковский, которые вели с большевиками тайные переговоры для свержения Центральной Рады и установления в Киеве украинской советской власти. Они были расстреляны за найденные при них удостоверения на украинском языке.

Завоеватели сжигали украинские книги, издевались над портретами украинского народного поэта Т. Шевченко. Все газеты на украинском языке перестали печататься, а большевистские печатались только по-русски, так как большевистская партия на Украине не имела журналистов владеющих украинским языком. О терроре и бесчинствах рус-

ских красных войск на Украине писал в своих мемуарах и большевистский командарм В. Антонов-Овсеенко.⁴⁴ Об этом свидетельствовали через несколько месяцев и киевские большевики, действовавшие в подполье под немецкой оккупацией 1918 г. Они сообщали в Москву, что эксцессы советских войск «оттолкнули многих рабочих от большевиков и от советской власти... И теперь у многих рабочих слово «большевик» отождествляется со словом «бандит».⁴⁵

Конечно, большевистский ЦК и Совнарком не давали директив расправляться террором с украинским национальным движением. Но управляли событиями не директивы, а возглавленная большевиками русская националистическая стихия, когда дело шло об отделении от империи угнетенного ею народа. Эти события спланивали и другую сторону — украинский национальный фронт. Левые украинские партии, которые готовы были вместе с большевиками делать революцию против Украинской Центральной Рады, воздержались от этой акции (например, партия «Боротьбистов»). А лидер левых украинских социал-демократов Неронович, который отколол от своей партии группу в несколько сот человек и присоединил ее к советской стороне, который сам был военным министром («народным секретарем») первого советского правительства на Украине, разочаровался в большевистской национальной политике и уехал на провинцию, где был расстрелян как «большевик» украинскими войсками.

Установленная красными русскими войсками советская власть на Украине просуществовала несколько недель и была свергнута совместными действиями немецких и украинских войск. Впрочем старые украинские большевики, критики политики своей партии, С. Мазлах и В. Шахрай писали тогда в книге «Что делается на Украине и с Украиной?», что если бы не пришли немцы, «нас как партию все равно прогнали бы с Украины».⁴⁶

О том как расходилась партийная большевистская программа по национальному вопросу с партийной практикой свидетельствует и политика большевиков при второй совет-

ской власти на Украине, наступившей менее чем через год после первой. После второго прихода на Украину советских войск в начале 1919 г. формально была провозглашена суверенная и независимая украинская советская республика. Но посаженные оккупационными силами аппараты действовали по-своему. Так, например, адъютант начальника гарнизона г. Киева на письме, написанном по-украински, наложил резолюцию (кстати написанную малограмотно): «В Советской России пишут только русским языком, расходывать народные деньги не разрешается для найма переводчиков. Прошу писать по-русски». Или циркуляр для всех почтовых управлений Украины: «Дайте распоряжение подчиненным учреждениям, чтобы все делопроизводство и служебные связи велись исключительно на русском языке. № 1362. Завпотель Украины Кролевецкий».⁴⁷ Подобных документов можно было бы привести много. Так большевистские партийные аппараты на деле осуществляли в национальных республиках ленинскую программу «самоопределения наций вплоть до отделения».

Еще более разительные примеры можно привести из советской практики в Туркестане и вообще среди народов советского Востока. Под конец гражданской войны, в марте 1921 г. состоялся X съезд РКП(б), на котором доклад по национальному вопросу делал Сталин, а содокладчиком выдвинула Туркестанская делегация В. Сафарова. Он отметил, что «партия по национальному вопросу твердой линии... до сих пор не имела... крайне мало интересовалась национальным вопросом. Результатом этого был целый ряд непростительных ошибок и задержки в процессе революционного развития на многих окраинах. Совершенно бессознательно иногда наши товарищи коммунисты, передовые пролетарские элементы, вступали в противоречие, в конфликт с трудящимися массами угнетенных национальностей, не умея к ним подойти и их изучить... Поскольку пролетарская революция нашла свою опору прежде всего в городах — на окраинах противоположность между городом и деревней приняла характер национального антагонизма... Среди

трудящихся масс народов Востока никаких зародышей классовой организации... которая связывала бы туземные национальные массы, не было... первым требованием со стороны туземных масс трудящихся... было требование национального освобождения... В первый год революции... мы имели постепенное разгорание национальных конфликтов, и от нас уходят значительные массы трудящихся ранее угнетенных наций...

«... В Туркестане Коммунистическая партия родилась только после Октябрьской революции... когда РКП стала правительственной партией... в такой момент образования партии в нее прежде всего должны были проникнуть примазавшиеся... Кто же там сумел проникнуть в партию? Еще прошлым летом я видел в одном из городов Туркестана (в Пишпекке) объявление: «По случаю того, что сегодня богослужение исполняется... коммунистическим батюшкой, все члены коммунистической партии приглашаются на это богослужение». Это было в июне 1920 г... Это очень характерно и показывает, какой элемент проник там в партию. Туда пришел старый русский чиновник... он понял, что в туркестанской обстановке национальной вражды нужно создать какую угодно власть, но обязательно власть русскую. Таким образом партия там загрязнилась благодаря тому, что на первых порах мы не сумели привлечь в нее туземные пролетарские и полупролетарские элементы... На деле в наших рядах оказался коммунист-батюшка, русский полицейский и семиреченский кулак, который еще до сих пор держит десятки батраков и охотится на киргизов как на дичь.

«Во время революции там происходили такие ужасы, о которых пора сказать открыто, чтобы российские колонизаторские наклонности, которые еще живут у нас в рядах, были изжиты окончательно, чтобы резолюции Коминтерна для нас не были пустым звуком.

«Вот одна характерная история. Недавно на очень многочисленном съезде киргизов-батраков и бедноты в Аулие-Ата один представитель деревни рассказывал свою печаль-

ную историю, историю киргизской бедноты. Он говорил: «Сначала в 1916 г. к нам приехал генерал Фольбаум и потребовал, чтобы мы пошли на тыловые работы (происходила Первая мировая война. — И. М.); мы отказались, и тут же нас начали расстреливать, отнимать дома и передавать русским переселенцам. Затем пришла Февральская революция, стали говорить, что киргизы стоят за Николай (царя), и поэтому нас снова стали грабить и расстреливать, зашивали в кошмы, обливали керосином и поджигали или зарывать живьем в землю». Это — реальность (говорит Сафаров). Затем в 1918 и 1919 гг. представители подлинного кулачья, имеющего не одного, не двух, а десятки батраков... эти помещики забирались в ряды коммунистической партии и становились представителями власти на местах. ... Это русское великодержавное кулачье, которое волею судеб оказывалось «носителем» пролетарской диктатуры на окраинах, отбросило туземные массы в лагерь контрреволюции... На окраинах все это время были, конечно, и честные коммунисты, но они находились под властью враждебной нам идеологии. На окраинах очень многие русские коммунисты будут вам говорить, что они за диктатуру пролетариата, но так как среди киргизов и узбеков нет фабрично-заводского пролетариата, нет людей, выварившихся в фабрично-заводском котле, то естественно, что органы пролетарской диктатуры должны быть только в руках русских. Естественно, что на неразвитых в промышленном отношении окраинах русских пролетарских раз-два — и обчелся, и в то же время, так как власть надо составлять исключительно из русских, то за пролетариями и потянулись кулаки и прочие.

«И вот в силу того, что у всякого русского на окраинах была привилегия быть «пролетарием», власть составлялась из гнуснейших примазавшихся элементов, которые и с помощью советской власти и будучи в рядах советской власти устраивали всякие и всяческие контрреволюции.

«Достаточно привести пример, пресловутый пример Туркестана, где товарищем председателем туркестанского ЦИК

(Верховного Совета) был доктор Успенский, в царское время член и председатель «Союза Михаила архангела» (по нынешним понятиям фашистская организация), потом кадет, потом правый эсер, а потом левый, а затем автоматически со всей массой левых эсеров перешедший в Российскую коммунистическую партию. Вот то положение... — автоматическое продолжение старых колониальных отношений под советской вывеской и формой...

«... Доверие киргизского батрака, работающего по 18 часов на русского кулака, который волен над жизнью и состоянием этого киргиза, доверие этого киргиза-бедняка никогда не завоевать, пока русскому кулаку будет предоставлена свобода грабежа. По статистике Семиреченской области (в Туркестане), за время революции русское кулацкое землевладение увеличилось с 53 до 70%. Заметьте, товарищи, это за время революции, за время советской власти! И в то же время число вымерших киргизов по Семиреченской области увеличилось на 35%.

«Здесь, товарищи, надо совершенно определенно сказать, что без восстановления трудовых прав на землю коренного населения окраин, населения, буквально вымирающего, ни о какой национальной советской политике на окраинах не может быть и речи. В особенности это относится к киргизам, башкирам, к целому ряду горских племен на Кавказе, где царское правительство отдало лучшие куски земли у источников воды привилегированному русскому населению.

«... У нас очень многие товарищи, воображающие себя марксистски мыслящими, говорят: «Перед нами стоит вопрос, к которому надо подходить... с точки зрения более высоких экономических форм». И вот, видя благоденствующего кулака, с одной стороны, и разоренного киргиза — с другой, идущего к этому кулаку в батраки, они говорят, что это кулацкое хозяйство должно охранять, потому что оно представляет высшую экономическую форму...

«Национальное неравноправие... выражалось прежде всего в том, что окраины России, находившиеся на поло-

жении колоний или полуколоний, насильственно удерживались в роли поставщиков всякого рода сырья, которое обрабатывалось в центре. Это было причиной их постоянной отсталости и помешало возникновению промышленного пролетариата среди этих угнетенных народов. Национальное неравенство здесь имело своим последствием захват господствующей нацией всех пригодных для обработки участков земли (русское переселенческое и казацье кулацье в Туркестане, на Северном Кавказе, в Закавказье, в Башкирии, в Киргизии), закрепление за командующей нацией всех наиболее выгодных экономических позиций (торговля, промышленность) и культурный застой на почве общественной отсталости, а также и постепенное вымирание кочевников. Со всем этим неизбежно должна была столкнуться пролетарская революция на восточных окраинах, и ее первой задачей является последовательная ликвидация всех остатков национального неравенства . . .».⁴⁸

Вопросы национальной политики, затронутые Сафаровым, касались не только народов Туркестана, то и Кавказа, Урала, Сибири, всех восточных народов бывшей Российской империи. После сказанного Сафаровым в 1921 г. произошли в СССР громадные изменения (например, коллективизация), но эти изменения, как увидим дальше, не ликвидировали национальных противоречий, а, наоборот, заострили, поставив их в иную плоскость.

Установление советской власти в республиках Закавказья производилось тоже не внутренними силами, не путем перерастания национально-освободительной революции в социалистическую, как этого требовала коммунистическая программа, а путем противопоставления большевистских сил национально-освободительной борьбе кавказских народов, путем оккупации Кавказа военными силами РСФСР. Официальная история коммунистических организаций Закавказья, хоть и в туманной форме, но признает это. «Партийные организации . . . допустили ряд ошибок в национальном вопросе».⁴⁹ Более конкретно эти «ошибки» выступают при описании отдельных событий.

Большевистские организации в Закавказье были более сильные чем в любой другой национальной республике российской империи. Хотя Закавказье не было индустриальным регионом России (там был только один крупный индустриальный район — нефтедобывающая промышленность Азербайджана), все же Закавказье непропорционально было насыщено русскими марксистскими социал-демократическими организациями. Кавказ, в особенности малоиндустриализованная до революции Грузия, выдвинул много выдающихся социал-демократических деятелей в имперском масштабе. В царской думе выделялись такие деятели грузинских с.-д. меньшевиков, как Чхеидзе, Ченхели. Во Временном правительстве Керенского руководящую роль играл грузинский меньшевик Церетелли.

Еще более выдающуюся роль играли закавказские марксисты в большевистской партии. Грузины Джугашвили-Сталин, Орджоникидзе, позже Берия; Шаумян, позже Микоян от Армении; Нариманов и др. от Азербайджана. Характерной особенностью закавказских социал-демократических организаций было то, что они не оформлялись в отдельные автономные с.-д. партии, а были составной частью единой РСДРП (большевиков и меньшевиков). Поскольку и большевики и меньшевики Закавказья (особенно в Грузии) имели сильные партийные организации и играли решающую роль в развитии революционных событий, отсутствие их объединений в масштабе национальных республик сыграло отрицательную роль в национальном возрождении закавказских народов. Это возрождение и даже советизация Закавказья происходили бы с меньшими жертвами, если бы народы Закавказья имели свои независимые от РСДРП социал-демократические партии, в частности если бы кавказские большевики руководствовались не указаниями всероссийского центра, а интересами их возрождающихся наций. А эти интересы часто входили в конфликт с централизмом РСДРП (большевиков).

Несмотря на то, что по национальности почти все большевистские деятели Закавказья (в особенности в Грузии) бы-

ли людьми местного происхождения, из партийных документов не видно, чтобы они были активными участниками национального возрождения их народов. Хотя большинство из них не могли даже правильно говорить по-русски, в том числе и Сталин, все же они всеми силами защищали неразрывность их стран с российским государством. Так, в большевистской резолюции Сарыкамышского совета крестьянских и солдатских депутатов, принятой после Октябрьского переворота, было сказано: «Требуем немедленно образовать представительство Всероссийского Совета Народных Комиссаров в Тифлисе для управления краем».⁵⁰ Большевики Закавказья требовали не тесного союза независимых республик Закавказья с Советской Россией, что не противоречило бы ни коммунистической линии, ни национальным интересам возрождающихся народов Закавказья, а просто таки оскорбительного для национального достоинства закавказских народов подчинения Закавказья теперь уже не белому царскому, а красному большевистскому генерал-губернатору. Резолюция Бакинского совета 15. 3. 1918 г. по докладу Шаумяна «резко осуждает контрреволюционную политику Закавказского комиссариата и сейма, ставших на предательский путь отделения края от Советской России».⁵¹ Большевики Закавказья обвиняют в контрреволюционности не за измену социальным лозунгам революции, а за желание народов Кавказа стать равноправными с Россией нациями. Таких формулировок в документах закавказских большевиков того времени было много. Даже большевики Украины, более ассимилированные во всероссийском море, или вернее сказать — по национальности в большинстве русские, не позволили бы себе требовать «образовать на Украине представительство Всероссийского Совета Народных Комиссаров для управления краем». А это потому, что Украина имела свою с.-д. партию, независимую от всероссийской.

Поэтому не удивительно, что большевики Закавказья, вместо того чтобы возглавить национальное возрождение своих народов, стали по отношению к ним чуженациональной силой и поэтому всюду и всегда оказывались в конеч-

ном счете в меньшинстве. Это когда борьба шла в среде местного населения. Зато закавказские большевики имели большу опору среди солдат русской Закавказской армии, в составе которой местного населения почти не было и которая охотно поддерживала не только социальные лозунги большевиков, но еще больше и их борьбу с «сепаратизмом».

Даже официальные советские источники, которые теперь безжалостно фальсифицируют историю, вынуждены признать, что почти на всех обширных краевых съездах закавказские большевики никогда не имели большинства, хоть имели все данные получить его. При своей радикальной аграрной программе, поддерживающей захват крестьянами помещичьих земель, большевики могли бы повести за собой все крестьянство Закавказья, если бы возглавили национальное возрождение своих народов. Могли бы повести за собой значительную часть национальной интеллигенции и, конечно, рабочих. Но ни крестьянство, ни, тем более, интеллигенция не видели в закавказских большевиках своей национальной силы, какой становились русские большевики в центральной России.

Об этой национально-русской сущности большевиков интересные соображения приводили упомянутые выше украинские большевики Шахрай и Мазлах. Они приводят цитату из речи Ленина на собрании ответственных коммунистов 27. XI. 1918 г., где Ленин сказал: «Она (мелкая буржуазия) шла против нас со злостью, доходящей до бешенства, потому что мы должны были ломать ее патриотические чувства. А история сделала так, что патриотизм сейчас поворачивается в нашу сторону». И Шахрай-Мазлах замечают от себя: «Революция в России была национальной именно потому, что она возникла в стремлении выйти любой ценой их войны, чтобы не быть разрушенной и истребленной до конца. Чувство национального самосохранения толкнуло на революцию в феврале, как и в октябре. Если бы не злощастное наступление (Керенского) 18 июня, если бы не угроза немцев в августе—октябре 1917 года Петрограду, —

неизвестно еще, удалось ли бы большевикам стать во главе России . . .». ⁵² Итак, русские большевики, осуществляя свою коммунистическую программу, осуществляли одновременно и национальные интересы русского народа, чего нельзя сказать о большевиках национальных окраин, даже если они были по национальности местными людьми, как это было в Закавказье. Здесь большевики, не умея говорить хорошо по-русски, защищали не национальные интересы своих народов, а единство российской империи. Поэтому они и не имели за собой большинства своих народов, хотя имели все данные при полевении революции получить это большинство, если бы возглавили и национальную революцию.

Вот интересные данные, приведенные в советской истории коммунистических организаций Закавказья. С 19 по 23 декабря 1917 г. в Тифлисе происходил Второй краевой чрезвычайный съезд советов рабочих депутатов. Даже на этом рабочем съезде закавказские большевики оказались в меньшинстве. Зато повезло им на Втором съезде русской Кавказской армии, происходившем тоже в декабре (10.—23. XII. 1917 г.). На том съезде на 250 делегатов 160 были большевики (не закавказцы, а армейские, русские). ⁵³

Организацию управления восточными национальными окраинами большевистская партия полностью переняла от царской России. При царе Кавказом из Тбилисси управлял наместник царя, при советской власти Кавказом тоже из Тбилисси управляло Закавказское Бюро ЦК Российской Коммунистической Партии. Хотя уже в мае 1918 г. народы Закавказья ликвидировали царское «наместничество» и разделились на три самостоятельные республики — Грузия, Арзейбанджан, Армения. Между тем после ликвидации красной армией этих республик всекавказское (русское по языку) Бюро ЦК РКП(б) существовало еще и в 30-х годах. Также было и в Туркестане. Там народы создавали самостоятельные национальные республики, но ЦК РКП(б) долгое время удерживал над ними Среднеазиатское (русское) Бюро ЦК РКП(б) в Ташкенте, подобно как при царе в том

же Ташкенте существовало генералгубернаторство Туркестана.

Изолированные от национально-освободительного движения своих народов закавказские большевики потерпели поражение в стремлении снова присоединить Закавказье к России. В мае 1918 г. прекратил свое существование Закавказский сейм и взамен единой Закавказской республики образовались самостоятельные республики — Грузинская, Азербайджанская и Армянская. Но они были вскоре ликвидированы. 28 апреля 1920 г. красная армия установила в Азербайджане советскую власть. В ноябре 1920 г. красная армия заняла Армению. Окруженная со всех сторон советскими войсками самостоятельная грузинская республика была покорена 25 февраля 1921 года. Москва восстановила краевое управление над всеми тремя закавказскими республиками — так называемую закавказскую федерацию (ЗСФСР), которая с созданием СССР 30. XII. 1922 г. вошла в состав СССР. Лишь по конституции СССР 1936 г. ЗСФСР была ликвидирована и Грузия, Азербайджан и Армения стали непосредственно союзными республиками СССР.

Руководящие большевики Закавказья настолько увлекались централизмом и настолько игнорировали национально-освободительное движение своих народов, что в этом их упрекала даже официальная история партии. Так, в истории коммунистических организаций Закавказья сказано, что ряд членов Кавказского краевого комитета ошибочно считали, что осуществление независимости республик Закавказья «приведет к разобщению трудящихся края, ослабит их совместную борьбу за установление Советской власти. Но... они не учитывали, что после свержения самодержавия идея национальной государственной независимости пользовалась поддержкой и симпатией населения края». Ведь не случайно, сказано дальше в этой истории большевистских организаций Закавказья, противники советской власти утверждали, «будто коммунисты являются

врагами национальной независимости закавказских народов». ⁵⁴

К сказанному об отношении большевистских организаций к национально-освободительному движению нероссийских народов надо еще добавить разгон большевиками Белоруссии в начале 1918 года I Всенационального съезда Белоруссии, провозгласившего ее независимость.

В рассматриваемый период — от Февральской революции до окончания гражданской войны в 1921 году — национальным вопросом занимались три высших форума большевистской партии — Седьмая (апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б) 1917 г., Восьмой съезд РКП(б) (март 1919 года) и Десятый съезд РКП(б) (март 1921 года). На всех этих форумах национальный вопрос решался в духе ленинского учения. Так, в резолюции Апрельской конференции 1917 г. сказано: «За всеми нациями, входящими в состав России, должно быть признано право на свободное отделение и на образование самостоятельного государства». Но тут же старая ленинская формула: «Вопрос о праве нации на свободное отделение непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или другой нации в тот или иной момент». А так как Ленин постоянно повторял, что большевики угнетающей нации должны настаивать на свободе отделения угнетенных наций, а большевики угнетенных наций — на свободе объединения (буквально у Ленина сказано: «Надо в России налегать на свободу отделения угнетенных наций, а в Польше подчеркивать свободу соединения») ⁵⁵ — то большевики на Украине, в Туркестане, в Закавказье, в Белоруссии на практике (описанной выше) и проводили ленинское указание о «свободе» «соединения» наций, подавляя национально-освободительные движения как «буржуазный национализм» и воссоединяя российскую империю под красным флагом.

В резолюции Апрельской конференции по национальному вопросу сказано еще, что «партия требует широкой областной автономии, отмены надзора сверху, отмены обязательного государственного языка... Партия требует

включения в конституцию основного закона, объявляющего недействительными какие бы то ни было привилегии одной нации...» Из цитированных уже высказываний Ленина по национальному вопросу мы знаем, что он до революции решительно высказывался против «разделения школьного дела по национальностям», а это значит — за школу с единым языком. То есть, с одной стороны Ленин был против обязательного государственного (русского) языка, но с другой стороны — за школу с единым (русским) языком... Тоже и со слиянием рабочих разных национальностей «в единых пролетарских организациях — политических, профессиональных, кооперативно-просветительных и т. д.». Без единого языка (в России, конечно, русского) такое «слияние» невозможно. Здесь опять противоречие с требованием Апрельской конференции — отмены обязательного государственного языка.⁵⁶ За короткую резолюцию (немногим больше одной страницы) Апрельской конференции РСДРП(б) по национальному вопросу голосовало 56, против было 16 голосов, воздержалось 18. Против и воздержавшиеся были те, кто не хотел предоставлять угнетенным нациям даже тех противоречивых уступок, какие перечислены в резолюции конференции.⁵⁷

Восьмой съезд РКП(б) (март 1919 г.) принимал программу партии, в том числе программу по национальному вопросу. На съезде Ленину пришлось выдержать сильную борьбу с нигилистами в национальном вопросе, то есть с людьми, отрицавшими потребность каких-либо уступок угнетенным нациям. Но отрицавшими с позиций «сверхинтернационализма». Например, Бухарин признавал право на национальное самоопределение только за трудящимися данной нации, но не за ее буржуазией. Это «ультраревOLUTIONОННОЕ» требование Ленин назвал фактическим игнорированием права нации на самоопределение. Союзником Бухарина по национальному вопросу на VIII съезде партии был Г. Пятаков. Принятая съездом программа партии отразила ленинскую точку зрения на национальный вопрос. В первом пункте программы сказано: «Во главе угла ставится поли-

тика сближения пролетариев и полупролетариев разных национальностей...» Далее — «...необходимо уничтожение всех и всяких привилегий какой бы то ни было национальной группы, полное равноправие наций, признание за колониальными и неравноправными нациями права на государственное отделение». «... как одну из переходных форм на пути к полному единству, партия выставляет федеративное объединение государств, организованных по советскому типу». ⁵⁸ В вопросе о федерации Ленин отказался от своих дореволюционных позиций, когда он выступал за единое централизованное многонациональное государство и против федерации: «Марксисты, — писал Ленин в 1913 г. — ни в коем случае не будут проповедывать ни федеративного принципа, ни децентрализации». ⁵⁹

На Десятом съезде РКП(б) в марте 1921 г. национальный вопрос был поставлен в более развернутом виде, чем когда-либо прежде. Партия имела уже большой опыт в решении этого вопроса и теперь подытоживала его а также намечала национальную политику в условиях окончания гражданской войны и перехода к новой экономической политике. Доклад по национальному вопросу на X съезде РКП(б) делал Сталин, считавшийся в партии специалистом по этому вопросу.

Интересное замечание по поводу значения национального вопроса высказал в заключительном слове Сталин: «Самое характерное для данного съезда в дискуссии по национальному вопросу — это то, что мы перешли от деклараций... через административный передел России к практической постановке вопроса. В начале Октябрьской революции мы ограничивались декларацией прав народов на отделение. В 1918 г. и 1920 г. мы вели работу по линии административного передела России по национальному признаку... А ныне мы на этом съезде ставим вопрос на чисто практическую почву о том, какова должна быть политика партии по отношению к трудовым массам и мелкобуржуазным элементам внутри автономных областей и независимых республик, связанных с Россией». ⁶⁰ Между прочим Сталин высказал сожаление о том, что «здесь киргизам не дали слова,

прекратили прения». Действительно, на съезде в прениях по национальному вопросу слово получили только три человека. Хотя сам факт, что на съезде был поставлен не только доклад Сталина, но и содоклад Сафарова, то есть, что сам вопрос был весьма спорный, прения были прекращены. Более того, содокладчику Сафарову не было дано заключительного слова. По поводу прекращения прений представитель Украины М. Скрыпник сказал: «Вопрос национальный — важный, наболевший; в докладе Сталина вопрос решен не был ни в малейшей степени, поэтому я считаю необходимым, чтобы прения по этому вопросу были продолжены».⁶¹ Но прения были прекращены. Большевикскому съезду национальный вопрос оказался не интересным, несмотря на описанные в содокладе Сафарова ужасы, творимые колонизаторами в национальных окраинах.

В коротком заключительном слове Сталин обратил внимание на недооценку национального вопроса в партии. Он сказал: «Здесь я имею записку о том, что мы, коммунисты, будто бы насаждаем белорусскую национальность искусственно. Это неверно, потому что существует белорусская национальность, у которой имеется свой язык, отличный от русского, ввиду чего поднять культуру белорусского народа можно лишь на родном его языке. Такие же речи раздавались лет пять тому назад об Украине, от украинской национальности. А недавно еще говорилось, что украинская республика и украинская национальность — выдумка немцев. Между тем ясно, что украинская национальность существует, и развитие ее культуры составляет обязанность коммунистов. Нельзя идти против истории. Ясно, что если в городах Украины до сих пор еще преобладают русские элементы, то с течением времени эти города будут неизбежно украинизированы. Лет 40 тому назад Рига представляла собой немецкий город, но так как города растут за счет деревень, а деревня является хранительницей национальности, то теперь Рига — чисто латышский город. Лет 50 тому назад все города Венгрии имели немецкий характер, теперь они мадьяризированы. То же можно сказать о тех

городах Украины, которые носят русский характер и которые будут украинизированы... То же самое будет с Белоруссией, в городах которой все еще преобладают небелоруссы... Поэтому я не согласен с автором записки, который говорит, что мы искусственно насаждаем белорусскую национальность».⁶² Надо отметить, что в те времена Сталин был меньшим централистом, чем многие другие руководящие работники РКП(б). Он стал поощрять великодержавие и русский национализм когда возглавил партийный аппарат и увидел, что ему, как нерусскому, не удержать власть если он не поддержит партийный аппарат в его великодержавном национализме и нетерпимости к возрождению нерусских народов СССР.

По докладу Сталина X съезд РКП(б) принял обширную резолюцию «Об очередных задачах партии в национальном вопросе». Резолюция априори утверждает, что только «установление советского строя в России и провозглашение права наций на государственное отделение (только провозглашение права, а не осуществление его. — И. М.)... подорвали старую национальную вражду, лишили почвы национальный гнет и завоевали русским рабочим доверие их национальных братьев не только в России, но и в Европе и в Азии, довели это доверие до энтузиазма, до готовности бороться за общее дело».⁶³ Как это «доверие» и «энтузиазм» выглядели на деле, видно из описанных выше событий в Туркестане, на Кавказе, на Украине и т. д.

Далее резолюция X съезда РКП(б) повторяет выдвинутый от самой Октябрьской революции тезис, что «изолированное существование отдельных советских республик неустойчиво, непрочно, ввиду угрозы их существованию со стороны капиталистических государств. Общие интересы обороны... повелительно диктуют государственный союз отдельных союзных республик, как единственный путь спасения от империалистической кабалы и национального гнета».⁶⁴ Изолированное существование отдельных союзных республик считали опасным все национальные силы нероссийских республик, боровшиеся за советскую власть. Они

считали также необходимым союз с РСФСР, но союз, а не подчинение, подобное подчинению в царские времена.

Так утверждала, например, марксистская Украинская Коммунистическая Партия — УКП (независимая от большевиков). В своей газете «Червоний прапор» (Красное знамя) эта партия писала: «Первое возражение, которое выдвигают против суверенности Украинской Социалистической Республики, так это то, что Советская Россия сейчас голодает, а вы тут дескать «независимость» свою разводите и всякие границы строите. Это — контрреволюция. Все должно же делаться просто: есть хлеб на Украине — бери у кого возможно. И вот приходят группы вооруженных людей (из русской красной армии) и берут не только хлеб, но вообще все. Крестьяне конечно возмущаются и в некоторых селах уже вооружаются...» Газета «Красное Знамя» далее пишет: «Конечно, надо немедленно дать помощь Российской Социалистической Республике хлебом и всяким продовольствием. Но правильными методами. Рабоче-крестьянское правительство Украины должно наладить правильный товарообмен с Россией. Если же русский рабочий не может дать ничего в обмен за украинский хлеб, тогда надо говорить о безвозмездной помощи рабочих одного социалистического государства другому. Но это надо говорить ясно и открыто. Помощь, так помощь, и если она необходима, то украинский крестьянин должен ее дать, но опять таки только организованным порядком и учетом, а не самочинными реквизициями». Большевицкий журнал «Коммунист» писал по этому поводу: «... укаписты (УКП) требовали союза двух самостоятельных и независимых советских республик, товарообмена между ними. Требование ломать единый исторически сложившийся организм, прорыв единого фронта украинского и русского пролетариата показывают антисоциалистическую идеологию УКП...» (Подчеркнуто мной. — И. М.).⁶⁵

Следует напомнить, что сейчас на такой «антисоциалистической» идеологии строятся отношения СССР со всеми социалистическими государствами Восточной Европы.

Здесь важно обратить внимание на один аргумент большевиков: УКП «ломает единый исторически сложившийся организм». Другими словами — ломает единую неделимую российскую империю. Но она была уже поломана Октябрьской революцией, в которой Украина стала независимым государством и УКП только защищала эту независимость, это завоевание революции, а большевистский журнал отрицал его, тянул назад к «единому исторически сложившемуся организму», то есть назад от Октябрьской революции к «единой неделимой России». Эта тенденция большевиков сказывалась не только на экономической их политике, но и на культурно-национальной. Как уже описано выше, они изгоняли на Украине украинский язык из советских учреждений и вообще не признавали украинцев как нацию, о чем говорил и Сталин на X съезде РКП(б).

Впрочем резолюция X съезда по национальному вопросу много пишет об обеспечении развития родного языка в национальных республиках, об обеспечении прав национальных меньшинств и т. д. Но как это выглядело на практике — уже сказано и еще больше будет сказано далее.

Следует остановиться еще на одном аргументе, толкавшем большевиков любимыми методами подчинить себе отпавшие от России национальные окраины. Они говорили: если бы Красная армия не завоевала Украину, Советская Россия задохнулась бы без украинского хлеба. Если бы не завоевала Кавказ — задохнулась бы без бакинской нефти, без туркестанского хлопка. А если бы не завоевывала в 1920 г. Польшу (что не удалось), то задохнулась бы без польского текстиля или что то в роде этого...

Конечно, вся эта продукция Советской России была нужна. Но это было бы легче получить на основе равноправия, а не подчинения по старой российской традиции. Потому что, как заверял министр продовольствия Украины, старый большевик А. Шлихтер, из намеченных к реквизиции на Украине (в 1919 г.) 300 миллионов пудов хлеба было насильно взято только 8,5 миллионов пудов, «да и те

на три четверте остались на Украине», при чем, пишет Шлихтер, «каждый пуд был облит кровью».⁶⁶

Основная особенность большевистской политики в национальном вопросе после Октябрьской революции это — расхождение постановлений резолюций и деклараций партийных съездов и конференций с практикой русских большевиков на местах. Резолюции были пропитаны (более или менее) духом равноправия, интернационализмом, но практика — великодержавным русским национализмом.

IV. НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РКП(б) ПОСЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

— Рост в РКП(б) нетерпимости к национальному возрождению нероссийских народов после окончания гражданской войны. — Централизм коммунистический и шовинистический. — Рост национального возрождения нероссийских народов. — После окончания гражданской войны истек военный союз советских республик. — Скрытая дискуссия в Политбюро о новом союзе — сталинская «автономизация» и ленинская федерация. — Создание СССР как осуществление ленинской идеи федерации, но со сталинскими централистическими дополнениями. — Конфликт Сталина с грузинскими большевиками. — Теория «борьбы двух культур» Дм. Лебеда (стр. 67—84).

Национальная политика Российской Коммунистической Партии (большевиков) в период после окончания гражданской войны и до завершения сплошной коллективизации получила название в резолюции XII съезда РКП(б) (1923 г.) — эпохи коренизации, то есть привлечения к руководству советским строительством местных, *коренных* национальных кадров. Это был период НЭПа — рыночной экономики. Но коренизация произошла не сразу после окончания гражданской войны. Победа советской власти в этой войне разбудила в большевистских кадрах чувства своеобразной великодержавной национальной гордости и отталкивания от национальных интересов нероссийских народов. В принципе компартия руководствовалась решениям X съезда РКП(б) (март 1921 г.) по национальному вопросу, которые в общем декларировали необходимость поддержки национального возрождения угнетенных царской Россией народов. Но на практике после X съезда РКП(б), после победного окончания гражданской войны, усилился нажим пар-

тийных аппаратов на национальные интересы нероссийских народов. Этот нажим большевики на местах старались обосновать даже теоретически.

Так, меньше чем через два месяца после X съезда РКП(б), в мае 1921 г. состоялось Всеукраинское совещание Компартии (большевиков) Украины, обсуждавшее национальный вопрос. Резолюция совещания типична не только для большевиков Украины, но и для большевиков других национальных республик. В резолюции сказано, что если национально-освободительная борьба против царского режима и против режима Керенского была прогрессивной, то характер национального вопроса радикально меняется после захвата власти рабочим классом. С этого момента национальное движение приобретает контрреволюционный характер, становится «средством для натравливания трудящихся масс Украины против рабочих и крестьян России». На этом этапе идея национальной независимости, сказано в резолюции совещания, — «выдвигается мелкой буржуазией в качестве «гарантии» против торжества пролетарской революции на Украине».

Подобную резолюцию о контрреволюционном якобы характере национально-освободительного движения при диктатуре пролетариата — выносили и большевики Белоруссии. Так, в резолюции XI съезда КП(б) Белоруссии (22.— 29. XI. 1927) сказано: «Если мелкобуржуазный национализм и национал-демократизм в Белоруссии в прошлом был прогрессивным явлением, боролся с самодержавием и давал отпор угнетению русского царизма, то в условиях диктатуры пролетариата он сделался контрреволюционным явлением...».⁶⁷ Здесь получается, что национально-освободительное движение угнетенного народа (при советской власти — возрождение) — это только «мелкобуржуазный национализм». Белорусский (и украинский) пролетариат якобы не заинтересован в национальном возрождении своего народа. Это тезис российского великодержавия, его «левой» фракции. Характерно, что большевики Украины и Белоруссии формулируют этот тезис теми же словами. Это значит, что

он продиктован из Москвы. Но чтобы выглядело, что с местным «национализмом» борются местные же большевистские организации, сама Москва не принимала таких резолюций. При этом забывается, что местные организации по уставу РКП(б) являются только областными ее отделениями и если бы ЦК РКП(б) был против такой российской-шовинистической формулы (прикрытой «диктатурой пролетариата»), он запретил бы местным отделениям РКП(б) выносить подобные резолюции.

Эта резолюция неправильно утверждает якобы идею национальной независимости выдвигает только представители мелкой буржуазии. Национальную независимость, как гарантию национального равноправия, выдвигали и коммунисты (на Украине старые большевики Шахрай, Скрыпник, Лапчинский; в Грузии группа Мдивани, в Узбекистане — Ф. Ходжаев. И т. д.). Они мотивировали независимость не как «гарантию» против торжества пролетарской революции, а, наоборот, как гарантию утверждения этой революции в их национальных республиках.

Впрочем, большевикам-централистам это было известно. Но им нужно было скомпрометировать национальное возрождение нероссийских народов, приписывая этому возрождению сплошную «мелкобуржуазность» и контрреволюционность. Характерно, что вслед за резолюцией Всеукраинского совещания КП(б)У по национальному вопросу пришло наступление на украинский язык и культуру, а также на украинские кадры в партии и в советских аппаратах. Так, большинство советских газет, переведенных во время гражданской войны на украинский язык, перестали выходить. Партийный аппарат взял под обстрел всю работу по просвещению, которая проводилась в деревне на украинском языке. Был снят с поста нарком просвещения Гр. Гринько, который в 1920 г., когда большевики оккупировали Украину, был назначен наркомом просвещения для обеспечения развития украинской культуры. Теперь, с поражением Украинской Народной Республики («Петлюровщины»), Гринько был заменен В. Затонским, который успел перестроиться на

позиции великодержавников. Гринько был обвинен «в слишком поспешном проведении украинизации». Хотя историк партии Н. Попов обвинял Гринька в обратном — в сдерживании украинизации в украинских селах Донбасса.⁶⁸ Но аппарату ЦК КП(б)У нужно было бить по возрождению украинской культуры.

В 1921 г. по всей РКП(б) была объявлена чистка партии. Чистке подлежали кроме мещанских приспособленческих и карьеристских элементов, меньшевики, которых Ленин считал особенно опасными в условиях непа сторонниками возрождения капитализма. Но, как утверждает историк партии Н. Попов, на Украине под понятие «меньшевики» были подведены бывшие «боротьбисты» (украинские коммунисты, защитники национального возрождения Украины). И в результате вместо русских меньшевиков из КП(б)У были вычищены почти все украинские боротьбисты.⁶⁹

Подобное, хоть и в иных формах, сопротивление национальному возрождению нероссийских народов, большевистские кадры чинили и в других советских республиках. В Туркестане их политика была направлена не на поддержку национального возрождения народов Туркестана, а на укрепление власти московского центра над этой окраиной. Программа Коминтерна требовала, чтобы коммунисты колониальных стран поддерживали национально-освободительные движения их народов «вплоть до отделения» от метрополий и лишь после этого добиваться перерастания национальной революции в социалистическую. В Туркестане, как в типичной колонии российской империи, коммунисты вели себя совсем иначе, чем того требовала программа Коминтерна. Здесь они укрепляли русскую (советскую) власть, а национально-освободительное движение народов Туркестана рассматривали как контрреволюцию. Это делалось прежде всего потому, что коммунистические организации Туркестана были по национальному составу чисто русские (колонизаторские). Если бы Ленин не боролся до революции против создания автономных партийных организаций в национальных окраинах, Туркестан вошел бы в

революцию с собственной социал-демократической организацией, которая вынуждена была бы делать политику туркестанскую, а не московскую и вовлекала бы в свои ряды больше представителей местных национальностей. Такие представители были и в ленинской партии, но в ничтожном количестве, как цитированный выше В. Сафаров. Но они, как и тот же Сафаров, обречены были лишь сопротивляться колониализму советских органов в Туркестане, вместо того, чтобы вовлекать свои народы в строительство новой жизни.

Кстати недооценка русскими большевиками национально-освободительных движений в колониях и отсталых странах вызвала спор на II конгрессе Коминтерна в июле 1920 г. Ленин по старой социал-демократической привычке называл эти движения «буржуазно-демократическими». Представители колоний на конгрессе Коминтерна решительно возражали против такого названия. Они считали унижительным называть освободительные движения в колониях «буржуазными». Ленин вынужден был заявить: «В результате этой дискуссии мы прийшли к единогласному решению о том, чтобы вместо «буржуазно-демократического» движения говорить о «национально-революционном движении». Хотя тут же Ленин оговорил по-своему: «Не подлежит ни малейшему сомнению, что всякое национальное движение может быть лишь буржуазно-демократическим, ибо главная масса населения в отсталых странах состоит из крестьянства, являющегося представителем буржуазно-капиталистических отношений».⁷⁰ Это типично социал-демократическое (европейской социал-демократии перед Первой мировой войной) представление о крестьянстве опровергнуто опытом китайской и других азиатских (и не азиатских) революций, где крестьянство оказалось опорой коммунистической власти.

Во всяком случае русские большевистские организации в Туркестане рассматривали национальные движения народов Туркестана не как революционные, а как буржуазные и объявили им войну. Тем более, что эти движения имели явно сепаратистский характер ибо стремились оторвать свои народы от ненавистой «тюрьмы народов» Российской

империи. Но коммунисты Туркестана были поставлены в чрезвычайно противоречивое положение. С одной стороны X съезд РКП(б) (март 1921 г.) давал им абстрактные указания поддерживать национальное возрождение угнетенных народов, но с другой стороны ЦК РКП(б) давал им конкретные указания подавлять национальные движения, как буржуазно-сепаратистские. Из ЦК РКП(б) приходили правда указания втягивать в советское строительство и в коммунистическую партию местную бедноту, сплачивать эту бедноту против баев и кулаков. Но это весьма затруднялось тем обстоятельством, что сплачивали то их чужие русские коммунисты против национально своих людей. Вырывание из национально-освободительного движения беднейших слоев населения ставило их в положение колаборантов с «угнетателями» их народа. Поэтому вовлечение местных людей в коммунистическую партию и в советское строительство происходило на первых порах чрезвычайно медленно. Так, по новейшим советским данным в 1922 г. в Компартии Туркестана представители местных национальностей (казахи, киргизы, узбеки, туркмены, таджики) составляли всего 29,8%.⁷¹ Процент этот следует считать преувеличенным, так как на Украине, которая расово и культурно была более близка к России, чем народы Туркестана, в большевистской партии к началу 1921 г. украинцы составляли только 19%.⁷²

Во всяком случае если даже количественно в компартии Туркестана местные люди и составляли 29,8%, то они не имели соответствующего влияния в партии; уже в 1924 г. на VIII съезде компартии Туркестана из 339 делегатов съезда представителями коренных национальностей Туркестана было только 133 делегата.⁷³ Вся политика ЦК РКП(б) в Туркестане после X съезда РКП(б) и окончания гражданской войны имела характер политики на русской окраине, а не в освобожденной от порабощения колонии.

С созданием СССР 30. 12. 1922 г. Туркестан вступил в его состав не как «равноправная» союзная республика, а как составная часть РСФСР.⁷⁴ По указанию из Москвы

было задержано размежевание Туркестана на национальные республики до июня 1924 г., хотя местные работники предлагали произвести это размежевание еще в 1920 г. 12. 6. 24 Политбюро ЦК РКП(б) утвердило наконец это размежевание и лишь после этого Узбекская и Туркменская республики вошли в состав СССР как союзные республики. Однако было сохранено Среднеазиатское Бюро ЦК РКП(б) (коммунистическое генералгубернаторство Туркестана) и создан Среднеазиатский Экономический Совет а также другие объединяющие все республики Туркестана учреждения.⁷⁵ ЦК РКП(б) все еще боялся держать среднеазиатские республики на положении полноправных союзных республик и объединял их разными подчиненными Москве среднеазиатскими органами (с единым русским «общепонятным» языком).

В закавказских республиках после X съезда РКП(б) и присоединения этих республик также к РСФСР начался тоже активный процесс искоренения национализма и сепаратизма. Но, в отличие от Средней Азии, где руководящие кадры компартии были почти исключительно русские, в Закавказье, наоборот, местных коммунистических кадров было достаточно для советизации. Но эти кадры не имели в центре доверия. Во время всеобщей чистки РКП(б) в 1921 г. из Закавказской партийной организации к концу 1921 г. было вычищено 30,2% ее состава. «Это были в основном проникшие в партию и замаскировавшиеся контрреволюционеры, националистические элементы», сказано в истории компартии. Одновременно ЦК РКП(б) и другие некавказские организации послали для работы в Закавказье 626 ответственных партийных работников.⁷⁶ Но несмотря на чистку и присылку руководящих работников извне, «среди части работников наметился уклон в сторону национализма, проявлялась недооценка опасности со стороны остатков буржуазно-националистической контрреволюции».⁷⁷

В «Директивах ЦК РКП(б) работникам Азербайджана» давались как будто благоприятные указания «тщательно учитывать национально-бытовые особенности коренного на-

селения» (что кстати свидетельствовало о том, что руководили в Азербайджане не коренные работники). Учитывая то обстоятельство, что закавказские республики еще год перед тем были самостоятельными государствами, в Азербайджане, Армении и Грузии были созданы летом 1922 г. национальные дивизии Красной армии и в каждой республике школы для подготовки командного национального состава.⁷⁸ По Московскому договору Советской России с Турцией 16. 3. 1921 г. закавказские республики получили право самостоятельно урегулировать свои отношения с Турцией. На состоявшейся в Карсе 13. X. 1921 г. конференции был подписан с Турцией договор Азербайджаном, Арменией и Грузией. При чем «Пленум Кавбюро РКП(б) 3 сентября 1921 г. обязал правительства закавказских советских республик выступить на Карской конференции единым фронтом, строго придерживаясь Московского договора».⁷⁹

Но одновременно с этим заигрыванием в «независимость» закавказских республик, ЦК РКП(б) принимал меры к ликвидации этой независимости. Так, в феврале 1922 г. был созван первый съезд коммунистических организаций Закавказья, проводившийся с неизбежностью на «общепонятном» для всех русском языке. Первейшим решением съезда было — «повести решительную борьбу против националистических уклонов и тенденций в партии». Съезд заявил, что первоочередной задачей партийных организаций Закавказья является всемерная материальная и духовная поддержка и помощь армии и флоту (общероссийским). Съезд утвердил («единогласно») проект создания Закавказской федерации, объединяющей Азербайджан, Армению и Грузию в одно союзное государство, как часть РСФСР, и действующее, конечно, на «общепонятном» для всех русском языке. Съезд утвердил также положение о Высшем Экономическом Совете для всех трех республик.

Но наиболее строгое подчинение Москве Закавказья съезд провел по партийной линии. Признано «необходимым существование единой централизованной Закавказской организаций РКП(б) с единым Кавказским комитетом, руко-

водящим всей работой партии во всех частях Закавказья». В резолюции сказано, что Краевой комитет руководит работой ЦК компартий Азербайджана, Армении и Грузии и всецело отвечает перед ЦК РКП(б) за состояние и деятельность закавказских партийных организаций.⁸⁰

Так суживалась независимость национально совершенно обособленных трех республик Закавказья и происходило вновь подчинение их России, на этот раз советской, которая национально была совершенно далекой для народов Закавказья страной.

Но тут пришли события, которые затормозили победоносное шествие российского великодержавия в национальных окраинах СССР. Эти события были связаны с новой экономической политикой (НЭП), введенной Десятым съездом РКП(б). Суть НЭПа заключалась в замене продовольственной разверстки (продразверстки) продналогом. Во время гражданской войны крестьяне были обязаны сдавать государству по продразверстке все излишки хлеба и другой сельско-хозяйственной продукции, при НЭПе же, по продналогу — только часть. Излишки государство оставляло в распоряжении крестьян, которые могли свободно продавать эти излишки. Таким образом был легализован рынок, базары. С возрождением рынка возродилась и частная торговля, а вместе с ней стал возрождаться и капитализм. Администрирование и производл заменила «социалистическая законность». Права ГПУ (бывшей ЧеКа) были сильно ограничены.

Но основная сущность НЭПа заключалась в том, что 25 миллионов крестьянских дворов (до революции их было только 15 миллионов) получили хозяйственную автономию, стали экономически независимыми от государства, а в связи с этим государство стало больше считаться с крестьянством. Возродились разные формы крестьянской кооперации. В правления кооперативов и их союзов были привлечены старые кооператоры, бывшие, главным образом, членами партий меньшевиков, эсеров. В районные и уездные исполкомы были вовлечены («избраны») зажиточные

крестьяне, считавшиеся раньше кулаками, т. е. врагами советской власти. В художественной литературе появились произведения писателей, критически настроенных по отношению к советской власти. Словом наступили нэповские свободы.

В национальных республиках и районах эти свободы выливались в форму бурного национального возрождения. Взятый компартией курс на торможение этого возрождения угрожал опасными конфликтами, в первую очередь разрывом связей компартии с национальным крестьянством, связей, которые с таким трудом навязывал НЭП. Назрела срочная необходимость для РКП(б) приспособлять национальную политику к новым условиям, условиям НЭПа и затянувшейся (неосуществленной) европейской пролетарской революции, на которую только и ставили ставку большевики, подымая Октябрьскую революцию.

Надо здесь подчеркнуть, что среди большевиков, особенно дореволюционных, было немало искренних интернационалистов, то есть таких, которым было чуждо чувство русского великодержавного национализма, которые искренно поддерживали идею равноправия наций. Но и такие большевики после победы Октябрьской революции защищали централизм, и этот централизм трудно было отличить от русского великодержавного шовинизма большей части руководящих большевистских кадров. Интересно высказался по этому поводу выдающийся украинский большевик Владимир Затонский, который сразу после Октябрьской революции поддерживал в компартии борьбу Украины за национальное равноправие, а потом сполз на поддержку великодержавия, хотя в русском национализме его упрекнуть нельзя. Именно поэтому интересны его высказывание о русском национализме внутри РКП(б).

В своем выступлении на Десятом съезде РКП(б) по национальному вопросу Затонский сказал: «Необходимость действительного централизма у некоторых товарищей перепутывается с привычным представлением о «единой неделимой»... Само собой разумеется, что при советской

власти централизм необходим... и даже если бы и не было военной угрозы, советские республики должны бы были объединяться экономически. Больше того, поскольку у нас нехватка всего, нам приходится укреплять наиболее ударные опорные пункты, и... все наше внимание должно быть обращено на укрепление промышленного района, который случайно является великорусским. Совершенно естественно, что если бы мы в ущерб окраинам укрепляли центр, то мы поступали бы правильно, и если бы нам нужно было для укрепления его даже ограбить окраину, — хотя фактически никто этого не требует, — то мы пошли бы и на это, потому что этого требует принцип ударности. Но надо строго разделять то, что вызывается необходимостью... революционной борьбы, и то, что является пережитком старой национальной идеологии со стороны российских товарищей. Надо отделять действительно необходимую централизацию от того примитивного русапетства, — термин не мой, а т. Ленина... сейчас он получил больше прав гражданства и стал гулять по всему миру. Это русапетство имеется везде и всюду, имеется прежде всего в толще партийной массы... Сплошь и рядом вы встретите смешение понятия советского единства с тяготением к «единой и неделимой». В некоторых случаях это бывает нам даже полезно... В борьбе против внешних врагов мы отчасти использовали это национальное стремление и среди крестьян и среди интеллигенции, в том смысле, что мы являемся защитниками против чужеземного вмешательства. Мы наблюдали национальный подъем во время польского наступления, но с этим надо быть очень и очень осторожным... Национальный подъем, в котором проявились едино-неделимские тенденции, на окраинах производил обратное впечатление. (Затонский здесь повидимому намекает на упомянутое выше воззвание в 1920 г. царского генерала Брусилова к «русским людям» идти защищать русскую землю от «исконного врага России — поляков», воззвание, которое вызвало на Украине уход многих коммунистов из большевистской партии и усилило фронт украинской армии Петлюры, наступавшей вместе

с поляками. — И. М.) . . . Нам необходимо, — говорил далее Затонский, — вытравить из голов товарищей представление о советской федерации, как федерации непременно «российской», ибо дело не в том, что она российская, а в том, что она советская. Если, напр., будет Румыния советская, если будет советская Германия . . . будут ли они тоже называться российскими? Нет. Это факт, что федерация «российская» вносит громадную путанину в сознание партийных товарищей». ⁸¹

Взгляды Затонского о различии между коммунистическим централизмом и шовинистическим были характерны для известной части руководящих верхов РКП(б), главным образом представителей нероссийских народов, в частности для многих коммунистов-евреев, которым российский шовинизм был внутренне чужд. Но большинство таких большевиков подходило к вопросу не идеологически, как Затонский в своей речи на Десятом съезде партии, а политически и практически. Им нужно было укреплять любой ценой коммунистическое государство, а поскольку оно создавалось на российской национальной базе и центром его была Москва, постольку эти большевики поддерживали агрессивный российский национализм, всегда стремившийся расширять границы своего государства, пусть даже коммунистического, как это высказал царский генерал Брусилов. Русская националистическая страсть к расширению границ русского, пусть даже коммунистического, государства, была, как говорит Затонский, даже «полезна» для коммунизма. И, наоборот, стремление угнетенных народов освободиться от российского владычества, большевики типа Затонского охотно подавляли, потому что, как заявил в той же своей речи Затонский, «национальное движение в условиях разгорающейся революции, по сути своей является контрреволюционным». Но тогда у Затонского и ему подобных получался абсурд: коммунизм, объявляющий войну всякому угнетению, поддерживает угнетающий российский национализм в подавлении национально-освободительных движений. Все это говорит за то, как трудно (невозможно!)

обеспечить равноправие народов в коммунистическом государстве, укрепляющем прежде всего свою военную мощь, а не проповедываемое коммунистами равенство.

Конечно, Затонский и его единомышленники считали, что такая национальная политика временная, до победы над контрреволюцией, что большевики только тактически используют русский великодержавный национализм. Но получилось наоборот: затонские были использованы этим национализмом для укрепления его империи. Этот национализм приспособил к своим потребностям и коммунизм затонских, расстрелявши всех их и выдвинувши на их место уже не интернационалистов, заигрывающих с великодержавным шовинизмом, а убежденных русских шовинистов, подавляющих сейчас в СССР всякие права нероссийских народов.

Введение новой экономической политики (НЭПа) дало не только экономическую автономию крестьянству, но и опирающемуся на него на окраинах национально-освободительному движению. Изменилось соотношение сил между великодержавным национализмом и национализмом угнетенных народов. Пока была гражданская война и 25 миллионов крестьянских хозяйств были скованы централизованной экономической политикой «военного коммунизма», коммунизм должен был опираться в основном на российский патриотизм. Он частично опирался и на угнетенные нероссийские народы, отдав их крестьянам землю и обещая им национальное равенство в противоположность белым генералам, которые обещали только восстановить помещичий строй и «тюрьму народов» — «единую неделимую» Россию. А это страшило угнетенные народы и толкало их, по крайней мере частично, на союз с большевиками. Об этом говорил и Сталин на XII съезде РКП(б) в 1923 г. Он говорил, что если бы большевики не имели в тылу у Колчака, Деникина, Врангеля, Юденича угнетенных народов (которые сочувствовали советской власти, потому что генералы боролись за дальнейшее национальное угнетение), эти генералы не были бы разбиты красной армией.⁸²

Словом, после гражданской войны и введения НЕПа большевики вынуждены были искать опоры также в нероссийских народах, для которых российский национализм представлялся смертельным врагом. Это изменение соотношения национальных сил в советских республиках первым почувствовал Ленин. Остро стал вопрос о характере взаимоотношений отдельных, формально независимых республик. До сих пор эти отношения регулировал военный союз. В договоре представителей советских республик, заключенном в Москве 1 июня 1919 г. сказано: «Народы Российской Федерации, Украины, Литвы, Латвии и Белоруссии, на добровольной основе, на основе признания самоопределения наций, создали военный союз против внешнего врага». Этот договор был опубликован в декрете ВЦИК 1. 6. 1919 г. В нем было сказано, что с 1. 6. 1919 объединяются такие государственные учреждения советских республик: военные организации и военное командование; советы народного хозяйства; железнодорожное управление и хозяйство; финансы; комиссариаты труда.⁸³ Но поскольку этот союз был заключен только на военное время, его действие логически истекало после окончания гражданской войны. Кроме того одни республики, перестав быть советскими (Литва, Латвия), выпали из союза. А, с другой стороны, возникли новые советские республики (в Закавказье, в Туркестане). Возникла необходимость подчинить и их формально (фактически все республики были подчинены) московскому центру уже не на основе военного только союза.

В связи с этим в руководящей верхушке РКП(б) возникла дискуссия о характере объединения советских республик после гражданской войны. Об этой дискуссии официально стало известно только после XX съезда КПСС (1956 г.), осудившего культ Сталина. В журнале «Коммунист» № 9 за июнь 1956 г. были напечатаны до тех пор не публиковавшиеся записки Ленина от 30 декабря 1922 г. «К вопросу о национальностях или об 'автономизации'». В этих материалах, продиктованных стенографистке больным уже Лениным, он полемизирует со сталинским проектом «авто-

номизации» советских республик. Новое объединение советских республик централист Сталин предлагал произвести на базе «автономизации», то есть вхождения всех советских республик в РСФСР на началах автономии. Соответствующий проект Сталина был принят в сентябре 1922 г. комиссией ЦК РКП(б). В письме 27. 9. 1922 г., адресованном членам Политбюро, Ленин подверг проект Сталина критике. Как сказано в упомянутом номере «Коммуниста», Ленин «предложил принципиально иное решение вопроса — добровольное объединение всех советских республик, в том числе и РСФСР, в новое государственное образование — Союз советских республик — на основе их полного равноправия». «Мы — писал Ленин, — признаем себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию . . .». Комиссия ЦК, в соответствии с указаниями В. И. Ленина, переработала проект резолюции (сталинский). Новый проект, исходивший из ленинских указаний, был утвержден в октябре 1922 г. пленумом ЦК партии. На основе постановления ЦК развернулась подготовительная работа по объединению республик. 30 декабря 1922 г. 1-й Всесоюзный съезд советов принял историческое решение об образовании Союза Советских Социалистических Республик».⁸⁴

Содержание записок Ленина «К вопросу о национальностях или об 'автономизации'» кратко изложено во II разделе этой работы («Теория Ленина по национальному вопросу»). Заметки эти, которые в обиходе назывались еще «Завещание Ленина» (в него входили и другие материалы), были оглашены только на заседании руководителей делегаций XII съезда РКП(б), состоявшегося в апреле 1923 г. Как пишет тот же «Коммунист», съезд принял резолюцию «По национальному вопросу», в основу которой легли ленинские указания. Но это не совсем верно. Вынужденный отступить от своего проекта «автономизации», Сталин внес некоторые свои идеи в конституцию СССР (в смысле усиления власти РСФСР над другими союзными республиками). Например, во второй палате Совета Национальностей РСФСР получи-

ла подавляющее большинство голосов, хотя принцип равноправия и суверенности союзных республик этого не допускал.

Вообще Сталин и перед XII съездом РКП(б) много поработал, чтобы отстоять централистский принцип во взаимоотношениях советских республик. После избрания его генеральным секретарем ЦК РКП(б) 3 апреля 1922 г. он, кроме централизма, все более открыто ставал на позиции великодержавного русского национализма. Он понимал, что без этого удержаться во главе российской компартии, он, как грузин, не сможет. На этой почве у него произошел конфликт с грузинскими коммунистами. В ЦК компартии Грузии большинство выступило против образования Закавказской Федерации и высказалось за вступление Грузии, как и других республик Закавказья, непосредственно в СССР. Когда Ленин и ЦК РКП(б) отклонили это требование, руководящая в ЦК КП Грузии группа Мдивани приняла решение об уходе в отставку. Закавказский крайком принял отставку. Но в Тифлис была направлена комиссия ЦК РКП(б) для расследования этого дела и восстановления единства КП Грузии. Комиссию возглавлял Ф. Держжинский, в нее входил и Сталин. При этом был физически избит Мдивани, в связи с чем Ленин в упомянутом письме в ЦК, (в так называемом «Завещании») назвал и Сталина «великодержавным держимордой» и высказал мнение, что наиболее открытыми и грубыми великодержавными шовинистами чаще всего были выходцы из других национальностей. В «Завещании» Ленин писал: «Если дело дошло до того, что Орджоникидзе мог зарваться до применения физического насилия . . . , то можно себе представить, в какое болото мы слетели. Видимо, вся эта затея «автономизации» в корне была неверна и несвоевременна».⁸⁵ Всем этим зажимом в Грузии и вообще в Закавказье заправлял, конечно, генеральный секретарь ЦК РКП(б) И. Сталин. Противники создания Закавказской Федерации, кроме Грузии, существовали и в других республиках Закавказья.⁸⁶

Надо отметить, что точка зрения группы Мдивани была

осуществлена через 15 лет. По сталинской Конституции СССР 1936 г. Грузия, Азербайджан и Армения вошли в СССР непосредственно как союзные республики и ЗСФСР, которая тормозила национальное возрождения этих республик, была ликвидирована. Но теперь это не имело практического значения для этих республик, так как великодержавный русский шовинизм наступал теперь на национальные права нероссийских народов непосредственно из центра, прежде всего по партийной линии и ему буферная ЗСФСР только мешала в осуществлении руссификации.

Несколько иной характер носила борьба по национальному вопросу накануне XII съезда РКП(б) в компартии Украины. Здесь инициаторами в борьбе выступили господствовавшие в ЦК КП(б)У великодержавники. Их представитель — второй секретарь ЦК КП(б)У Дм. Лебедь напечатал в республиканской газете «Коммунист» статью, в которой предлагал не проводить намеченную украинизацию, а дать свободу для борьбы двух культур — украинской и русской. Какая победит, та и будет основной в республике. Хотя сам Лебедь заранее ставал по стороне русской культуры.

Лебедь писал: «Поставить перед собой задачу активно украинизировать партию, а, значит, и рабочий класс (за украинизацию партии нельзя взяться, не перебросив этой работы и на рабочий класс) будет теперь для интересов культурного прогресса мероприятием реакционным, ибо национализация, то есть искусственное внедрение украинского языка в партию и в рабочий класс, при теперешнем политическом, экономическом и культурном соотношении между городом и селом — это значит стать на точку зрения низшей культуры села, если сравнивать ее с высшей культурой города».⁸⁷

Целью Лебеда было — сорвать намечавшуюся коренизацию национальных республик и вообще намеченный по указанию Ленина перелом в национальной политике РКП(б). Лебедь был глашатаем Г. Зиновьева (члена Политбюро ЦК РКП(б) и председателя Исполкома Коминтерна), который

был противником крутого поворота в национальной политике, особенно противником национального возрождения Украины. Конечно, с сегодняшней точки зрения теория Лебеда о «борьбе двух культур» была более выгодна для угнетенных народов, по сравнению с брежневской односторонней руссификацией, проводящейся сейчас ЦК КПСС, так как допускала конкуренцию двух культур — господствующей нации и нации угнетенной, то есть свободную защиту угнетенным народом своей культуры. Теория Лебеда была руководством РКП(б) осуждена, ЦК РКП(б) резонно усматривала в этой теории угрозу национальных столкновений, и конечно, победу (через голову партии) угнетенного большинства.

V. ДВЕНАДЦАТЫЙ СЪЕЗД РКП(б) И ЭПОХА КОРЕНИЗАЦИИ

Основные положения доклада Сталина по национальному вопросу на XII съезде РКП(б). — Велико-русский шовинизм — главная опасность для единства СССР. — Противопоставлением великорусскому шовинизму местного национализма Сталин ослаблял борьбу за национальное равноправие. — X. Раковский первый заговорил о перерождении РКП(б) в великодержавную силу. — Три направления в дебатах на съезде: 1. Защитники централистской национальной политики, 2. Критики ее и 3. Молчаливое «болото» (скрытые великодержавники). — «Дело Султан-Галиева» после XII съезда РКП(б). — Достижения коренизации. (Стр. 85—103).

XII съезд РКП(б), происходивший 15.—23. IV. 1923 года, был единственным в истории большевистской партии, который так широко и более чем когда-либо откровенно обсуждал национальную политику партии. И на этом съезде больше чем когда-либо всплыло противоречие между декларациями партии о национальном равенстве и продолжающимся на практике ограничением прав нероссийских народов в пользу «центра» (на этот раз коммунистического, до революции — откровенно русского). Правда, это противоречие между теорией и практикой в решении национального вопроса не скрывал ни докладчик по этому вопросу Сталин, ни резолюция съезда. Сталин подчеркнул разницу между правовым равенством наций СССР, установленным Октябрьской революцией, и равенством фактическим, которое нужно еще осуществить. Словом, Сталин в своем докладе повторил многое из того, что большой Ленин высказал в упомянутых записках («Завещании»). Но Сталин смягчил ленинские нападки на централизм.

Вот основные моменты из доклада Сталина по нацио-

нальному вопросу на XII съезде РКП(б). Главная опасность для укрепления СССР — великорусский шовинизм, который имеет глубокие корни в рядах партии и даже в ее ЦК. «Не случайно, — говорил Сталин — что господа сменовеховцы похваливают коммунистов-большевиков, как бы говоря: вы о большевизме сколько угодно говорите, о ваших интернационалистских тенденциях сколько угодно болтайте, а мы то знаем, что то, что не удалось устроить Деникину, вы это устроите, что идею великой России вы, большевики, восстановили, или вы ее, во всяком случае, восстановите.

«Не случайно и то, — говорил Сталин на XII съезде РКП(б), — что даже и в некоторые наши партийные учреждения проникла эта идея. Я был свидетелем того, как на февральском пленуме, где впервые ставился вопрос о второй палате, в составе ЦК раздавались речи, не соответствующие коммунисту, — речи, ничего не имеющие общего с интернационализмом. Все это знамение времени, поветрие... у нас растет не по дням, а по часам великодержавный шовинизм, старающийся стереть все нерусское, собрать все нити управления вокруг русского начала... То доверие, которое мы тогда приобрели (среди угнетенных народов во время гражданской войны с белыми генералами. — И. М.), мы можем растерять до последних остатков, если мы не вооружимся против этого нового, повторяю, великорусского шовинизма, который наступает и ползет, капля по капле впитываясь в уши и глаза, шаг за шагом разлагая наших работников. Вот эту опасность, товарищи, мы должны во что бы то ни стало свалить на обе лопатки».

Вторым моментом в докладе Сталина, когда он защищал национальные права нероссийских народов, было его утверждение, что для фактического (а не только правового) равенства народов, мало предоставить право национальным языкам и школе. «Наверно, товарищи, на школах тут далеко не уедешь, они, эти самые школы, развиваются, язык тоже развивается, но фактическое неравенство остается основой всех недовольств и всех трений... Необходимо, чтобы кроме школ и языка... на окраинах, в отставших

в культурном отношении республиках, — а отстали они не по своей вине, а потому что их рассматривали раньше как источники сырья, — необходимо добиться того, чтобы в этих республиках были устроены очаги промышленности». И Сталин приводит примеры, когда Грузия уже взяла одну фабрику из Москвы. Бухара взяла одну фабрику, а могла взять четыре. Туркестан берет одну большую фабрику...

Забегая наперед, следует отметить, что эта индустриализация национальных республик обернулась в послевоенные годы против национального возрождения нероссийских народов. Потому что вместе с новыми фабриками в национальные республики ввозятся и чужие для данного народа, квалифицированные кадры работников, которые не приспособляются к данному народу, а его рабочих приспособляют к себе. Из-за этого в Казахстане, например, основное население — казахи — составляют теперь меньшинство. Тоже в Прибалтийских республиках. Индустриализацию национальных республик русский великодержавный шовинизм использует сейчас в свою пользу — для быстрой ассимиляции и руссификации. Это ведется планомерно. Например, решение XXIII съезда КПСС (октябрь 1961 г.) запрещает республикам самим распределять кадры выпускников вузов. Это распределение сосредоточено в Москве и осуществляется так, что молодых инженеров посылают, например, с Латвии в Казахстан, а в Латвию направляют инженеров из РСФСР или с Украины, Белорусии и т. д.

Но в докладе Сталина было больше моментов, неправильно освещающих национальный вопрос в СССР и даже тормозящих правильное его решение. Например, Сталин в своей речи подчеркивал много раз, что национальный вопрос в СССР — это вопрос о взаимоотношениях русского пролетариата с крестьянством бывших угнетенных национальностей. Между тем как среди угнетенных национальностей был свой национальный пролетариат. И национальный вопрос в СССР (как и в царской России) был и остается вопросом взаимоотношения наций, а не пролетариата с крестьянством. Такая постановка вопроса, как ставил Ста-

лин на XII съезде РКП(б), заранее выдвигала русскую нацию в привилегированное положение.

Далее Сталин неправильно трактовал СССР как добровольное объединение национальных (союзных) республик, в котором «все республики... входящие в состав Союза, в одинаковой степени пользуются благами Союза, и одновременно в одинаковой степени отказываются от некоторых своих прав независимости в пользу Союза. Если не будет наркоминдела у РСФСР, в Украины, у Белоруссии, у Закавказской республики, то ясно — говорил Сталин, — что при упразднении этих наркоминделов и при создании общего наркоминдела в Союзе Республик произойдет некоторое ограничение той независимости, которая была у этих республик и которая ограничена равномерно для всех республик, входящих в Союз...» И так далее. Нет необходимости опровергать эту «равномерность». Сталин сам опровергал ее несколькими минутами позже, когда говорил как сменовеховцы хвалят большевиков за восстановление «единой-неделимой России».

Также ослабил Сталин свою критику великодержавного русского шовинизма когда одновременно выдвигал и опасность национализма среди угнетенных народов. Выступавший в прениях украинский большевик М. Скрыпник назвал этот метод Сталина «двойной бухгалтерией», когда «каждое упоминание на великорусский шовинизм пытаются всегда дисквалифицировать предъявлением встречного иска: дескать, «сначала преодолите свой собственный национализм». Так на деле с великодержавным шовинизмом у нас никакой борьбы не велось... Нам необходимо провести здесь некоторую грань!»

Извратил Сталин в своем докладе и позиции грузинских большевиков «уклонистов», возглавляемых Мдивани. Он представил эти позиции как попытку отстоять господство грузинской нации над другими народами Закавказья. В то время как грузинские «уклонисты» защищали, как увидим далее из прений по докладу Сталина, равноправие своего народа, а не претензии на его господство. Вообще как мож-

но было при власти большевистской партии осуществить господство одной малой нации над другой?! И осуществить руками старых большевиков, которых окрестили «уклонистами».⁸⁸

В прениях по докладу Сталина выступало девятнадцать человек. Выступавших (и не выступавших, но имевших определенные взгляды) можно подразделить на три группы: 1. Критиковавших национальную политику партии. 2. Защищавших эту политику и критиковавших всякие местные уклоны от этой политики. 3. Не выступавших в прениях, но противников каких-либо реформ и уступок в национальной политике.

Наиболее ярким представителем первой группы был Христиан Раковский — председатель Совнаркома Украины. На его выступлении следует остановиться особо. Раковский европейский левый социалист, родом болгарин из румынской Добруджи. Из румынской тюрьмы его освободили русские войска во время революции 1917 г. С того времени он присоединился к большевикам. Одно время занимал ярко антиукраинскую позицию, не признавал даже украинского языка. За это был назначен Москвой председателем Совнаркома Советской Украины. Но в процессе своей работы на Украине Раковский убедился в своих антиукраинских ошибках. Пришел к выводу, что советской власти угрожает великодержавный шовинизм и перерождение в новую «единую неделимую Россию». В своей речи на XII съезде РКП(б) Раковский говорил не столько как представитель Украины, сколько как коммунист-интернационалист, защищавший революцию от великодержавного шовинистического перерождения.

В начале своей речи Раковский высказал сожаление, что на съезде нет Ленина, который «своим авторитетным словом громко ударил бы по нашей партии и показал ей, что она в национальном вопросе совершает фатальные ошибки... Когда я смотрю на спокойствие, с которым в особенности русская часть нашей партии относится к спорам (по национальному вопросу)... я тревожусь за судьбу

нашей партии... некоторое время мы питали надежду накануне съезда, что национальный вопрос, как предполагал Ильич, станет центром нашего съезда, а он стал хвостом нашего съезда... Почему, товарищи, мы в третий раз ставим этот национальный вопрос? (первый раз на VIII, второй раз на X съездах РКП(б). — И. М.). Потому что, чем больше мы ставим его, тем больше удаляемся от коммунистического понимания в решении национального вопроса».

Раковский далее говорил, что в партии вся национальная политика понимается как дипломатическая игра, партийные деятели даже спрашивали об уступках на XII съезде — «это надолго, это не дипломатический ли шаг?» Раковский сравнил отношение русских коммунистов к национальному вопросу с отношением представителей «Молодой Франции», которых К. Маркс критиковал в 1866 г. Эти французы говорили, что национальность и нация — «устарелые предрассудки»... Но француз Лафарг, отрицая национальности, обращался к присутствовавшим на заседании I-го Интернационала на французском языке, непонятном для девяти десятых собрания. Маркс намекнул, что Лафарг, сам того не сознавая, под отрицанием национальностей понимает их поглощение образцовой французской нацией...

Этот случай с Лафоргом является актуальным и сегодня, через 60 лет после Октябрьской революции, куда более открыто чем в 1923 г. на XII съезде РКП(б), отрицание национальностей (их «слияние») понимается в СССР как поглощение их «образцовой» русской нацией...

Далее Раковский высказал на XII съезде РКП(б) взгляд, который сегодня можно назвать пророческим. Он сказал, что национальный вопрос ставится на XII съезде партии в третий раз не только в связи с непом, и не только в связи с международным положением. Есть более важное, говорил Раковский, «есть то коренное расхождение, которое создается изо дня в день и делается все большим и большим между нашей партией, нашей программой, с одной стороны, и нашим государственным аппаратом — с другой». Раков-

ский напомнил слова Ленина о советском государственном аппарате. Это мешанина царского и буржуазного аппарата, подмазанного советским и коммунистическим миром. Только советское миро на лбу, и больше ничего.

«Вы скажете, — говорил Раковский на XII съезде, — что во главе наших советских органов стоят коммунисты. Но дело в том, что эти самые коммунисты поддаются психологии своего собственного аппарата, делаются ведомственными людьми... Дело в том, что наши центральные органы начинают смотреть на управление страной с точки зрения их канцелярских удобств. Конечно, неудобно управлять двенадцатью республиками, а вот если бы это все было одно, если бы, нажав на одну кнопку, можно было управлять всей страной, — это было бы удобно... Что получилось после создания Союза Республик? Союз — это было понято многими центральными органами в том смысле, что они могут обрушиться всей своей тяжестью на отдельные республики... Например, здешние наркомзем и наркомнац подписывают международный договор от имени Украины, тогда как никто им не давал полномочия на это. Даже на основании союзной Конституции они этого права не имеют. (Товарищи, я не болею специально судьбами Украины, я говорю об этих всех ошибках потому, что правильная или неправильная наша национальная политика неизбежно отражается на революционной роли нашей партии)... Товарищи, вы скажете, что есть ЦК, но... эта ведомственная точка зрения, для которой управление страной не есть проблема политическая, международная и внутренняя, а есть проблема удобства, она так сильно нажимает на ЦК, что иногда и он соскальзывает с пути». И Раковский приводит на этот счет примеры.

С созданием СССР, говорил Раковский, «центральным органам дано в десять, в двадцать раз больше прав, чем они имели раньше, до союзной Конституции... После первого союзного съезда советов они стали хозяевами всей нашей жизни... Вывод тот, что мы еще десять резолюций можем писать, но кроме загромождения библиотек и архивов,

это ничего не принесет . . . Нужно идти решительно дальше (намеченной резолюции. — И. М.), нужно отнять от союзных комиссариатов девять десятых их прав и передать их национальным республикам».⁸⁹

Критиковали национальную политику партии и три видных деятеля грузинской группы «уклонистов», группы Мдивани (Мдивани, Махарадзе и Цинцадзе). Они подчеркивали, что в программной части внутри РКП(б) нет расхождений по национальному вопросу. Расхождения начинаются по вопросу — как осуществить программные положения. Все голосуют за программу партии в национальном вопросе, но на практике — одни пытаются осуществить права угнетенных народов, а другие, заверяя свою преданность равноправию наций, централизуют управление так, что равноправие остается только на бумаге. Махарадзе приводил пример: почти на другой день после советизации Грузии было произведено объединение железных дорог всего Закавказья (Азербайджана, Грузии, Армении) «при полном отсутствии членов грузинского правительства (не было также представителей Азербайджана и Армении. — И. М.). Ведь вопрос идет не о том, чтобы железные дороги не были объединены. Вопрос идет о том, каким способом это происходит».

Конкретно о способе объединения железных дорог Закавказья говорил Цинцадзе. Он привел содержание телеграммы из центра, в которой предписывалось принять из России для обслуживания закавказских железных дорог до 15 тысяч человек взамен местных работников. При чем даже таких как сторожей 396 человек, ремонтных рабочих — 6916, чернорабочих — 2209 и т. д. Хотя закавказские железные дороги функционировали и до этого, но нужно было местные национальные кадры заменить приезжими «интернациональными». Можно себе представить какое впечатление производила такая «интернационализация» на общественность Грузии, которая еще несколько недель перед этим гордилась перед всей Европой своей независимостью!

Махарадзе утверждает, что «через это объединение как

раз проскальзывают элементы сменовеховские, о которых сегодня т. Сталин говорил, а я говорю — чистейшие колонизаторы, обрусители, которые не признают ничего».

Махарадзе привел еще одно весьма убедительное сообщение насчет якобы опасного стремления местных коммунистов к независимости: «Какая это независимость. Ведь у нас одна партия, один Центральный Орган, который в конечном счете определяет для всех республик, даже для самых малюсеньких все решительно... вплоть до назначения ответственных руководителей... так что говорить при этих условиях о независимости, — это в высшей степени непонятное само по себе положение».⁹⁰

На XII съезде РКП(б) выступало несколько защитников существующей национальной политики ЦК РКП(б). Они же критиковали тех, кто эту политику осуждал. Наиболее типичным в этом смысле было выступление несменяемого с 1918 г. секретаря Президиума ЦИКа СССР А. Енукидзе. Грузин по происхождению Енукидзе успел на работе в центральных аппаратах превратиться в противника всяких автономий. Его рассуждения на XII съезде партии сводились вот к чему: «Ничего принципиально неверного в национальной политике ЦК РКП не было и нет. Нечего тут пугать русских товарищей остротой национального вопроса, что они слишком равнодушно к нему относятся и т. д. Равнодушия тут нет, но и искусственно обострять вопрос не следует. Тут т. Махаридзе жаловался, что целый ряд вопросов решался в Грузии помимо учреждений республики, что по многим вопросам государственного значения их не спрашивали. Я думаю, что это не так... и прямо скажу, что ни одно советское учреждение на территории РСФСР не пользуется такой свободой действий, как грузинский Совнарком или грузинский ЦИК в Грузии... Много было здесь нареканий... что политика Орджоникидзе была политикой насилия, политикой держиморды... это слово значит и в документе Ленина... Тов. Орджоникидзе проводил политику ЦК, и он должен был проводить эту политику, иначе он был бы негодным представителем центра... т. Ленин

сделался жертвой односторонней неправильной информации. Когда к человеку, по болезни не имеющему возможности следить за повседневной работой, приходят и говорят, что там-то и таких товарищей обижают, бьют, выгоняют, смещают и т. д., он, конечно, должен был написать такое резкое письмо. Но все то, что приписывается в этом письме т. Орджоникидзе, ни малейшего отношения ни к национальному вопросу, ни к товарищам уклонистам не имеет...» «Общая политика, — говорил Енукидзе, — которую проводил в Грузии т. Орджоникидзе, намечалась здесь. Она была правильна, и если были нарекания в способе ее проведения в Грузии, — в этом повинны местные условия и то шовинистическое по отношению к России настроение, которое осталось еще от меньшевиков».⁹¹

О третьем течении в РКП(б), людей не выступавших ни в прениях, ни в печати, но решительных противников каких-либо реформ и уступок в национальном вопросе, говорили на съезде разоблачители этого течения. Это «молчащее большинство» партии ярко представил в своей речи Бухарин. Он сказал: «Вы заметьте, что с т. Зиновьевым произошло, когда он говорил против местного шовинизма, — гром аплодисментов отовсюду посыпался. Какая замечательная солидарность! Но что это означает? Это означает, что в тех местах речей, где речь идет о местных шовинистах, все против... Но когда речь идет о русском шовинизме, там только кончик торчит, и это есть самое опасное...». (Подчеркнуто у Бухарина. — И. М.).

На тему о «молчаливом большинстве» говорил также представитель Украины Гринько. Он сказал, что на Всеукраинской партийной конференции, состоявшейся за несколько дней перед XII съездом РКП(б), резолюция по национальному вопросу в духе тезисов Сталина была принята единогласно. Но у руководителей КП(б)У было пессимистическое настроения насчет того, будут ли партийные кадры осуществлять эту резолюцию. Не останутся ли тезисы Сталина «пропавшей грамотой». Гринько отметил, что у докладчика по национальному вопросу на конференции

КП(б)У М. Фрунзе слышался пессимизм, когда он в заключительном слове сказал, что в зале находится большое количество товарищей, которые могли бы возражать, но не возражали. А это затрудняет проведение национальной политики прежде всего внутри партии. Внутри партии, говорил Гринько, есть глубочайшая централизаторская инерция, которая давит, гнет, часто очень ответственных руководителей и является одной из крупнейших преград для налаживания государственных отношений внутри СССР. И Гринько приводит примеры, когда центральные аппараты, вопреки конституции, решают важнейшие вопросы союзных республик, не спрашивая правительство этих республик.

О молчаливом большинстве в РКП(б) говорил на съезде и старый украинский большевик Скрыпник. Он сказал: «По национальному вопросу в нашей партии были различные точки зрения: точка зрения Розы Луксембург и точка зрения Ленина. Увы, товарищи, имеется еще и третья точка зрения, которая имеет наибольшее число сторонников: это точка зрения партийного болота, людей, которые боятся здесь выступить с определенной линией. Имеются ли противники тезисов Сталина или их нет? Имеются ли в нашей партии товарищи, которые являются принципиальными великодержавниками, русотяпами? Так почему же они здесь не выступают, а только на практике искажают партийную линию? Не важно принять резолюцию, а важно ее провести». И Скрыпник приводит пример как на Всеукраинской партконференции один председатель губисполкома, проголосовавший за резолюцию по национальному вопросу, по выходе из зала заседаний, на сделанное к нему на украинском языке обращение какого-то беспартийного кооператора, ответил: «Говорите со мной на понятном языке». Он «проголосовал» за резолюцию по национальному вопросу, он с нею «вполне согласен». «Вот это противоречие между теорией и практикой, эту линию болота, — говорил Скрыпник, — необходимо выжечь каленым железом, необходимо, чтобы наша теория, принципиальная линия действительно осуществлялась на практике».⁹² Но «каленым железом» было

выжжено не «молчаливое болото», а наоборот — болото выжгло Скрыпника и ему подобных. Когда болото пришло к слову, оно затравило Скрыпника так, что он застрелился в июле 1933 г.

По докладу Сталина XII съезд РКП(б) принял резолюцию по национальному вопросу, в которой были изложены основные положения доклада Сталина и в смягченном виде указания больного Ленина, изложенные в его письмах Центральному Комитету РКП(б) (так называемое «Завещание Ленина»).⁹³

Через два месяца после XII съезда РКП(б) 9—12 июня 1923 г. в Москве было созвано Всесоюзное партийное совещание по национальному вопросу. Задачей совещания было наметить практические мероприятия по проведению в жизнь резолюции XII съезда по национальному вопросу. Но характерно, что первым вопросом на совещании было осуждение татарского коммуниста Султан-Галиева за национальный уклон. Таким образом, вопреки решению XII съезда о борьбе с главной опасностью — великорусским шовинизмом, партия начала борьбу с национальным уклоном среди угнетенных народов. Весь период борьбы за осуществления решений XII съезда по национальному вопросу не знает случая осуждения хотя бы одного представителя великодержавного русского национализма. Между тем борьба с местным национализмом и его конкретными носителями разлилась широким потоком во всех национальных республиках.

Дело Султан-Галиева следует рассмотреть особо. Он был представитель Татари, а татары еще в царской России были одним из наиболее национально сознательных и национально активных народов. Татары являются единственным в России народом, который сам двести лет господствовал над Россией и потому татарам не присущ комплекс неполноценности перед русскими. Скорее наоборот — они где только можно было подчеркивали свое превосходство. Поэтому пожалуй ни в какой другой нации Российской империи революция 1917 г. не разбудила такого бурного национального возрождения, такого острого противопоставления

себя русским, как среди татар. И если Татария не стала союзной республикой СССР, а лишь автономной республикой РСФСР, то по причине объективной. Союзной республикой имела право стать по Конституции СССР только страна, находящаяся за границей России, чтобы при случае выхода из СССР имела возможность осуществить его. Но Татария оказалась островом среди русского этнографического моря и поэтому осталась автономной частью России.

При советской власти не только беспартийные татары, но даже и татары-коммунисты в национальном вопросе противопоставляли себя русским коммунистам. Последние, страшась этой татарской обособленности, ездили в 1920 г. из Казани к Ленину, чтобы лично протестовать против образования Татарской автономии. Это были — председатель Казанского губисполкома И. Ходоровский, секретарь губкома РКП(б) Г. Гордеев и председатель губпрофсоюза А. Догадов. Одновременно русское население Казани проводило на улицах города демонстрации против образования Татарской автономии, называя это возвращением времен Батыея и Чингиз-хана.⁹⁴

До образования Татарской республики и обкома партии ЦК РКП(б) постановил 8. 6. 1920 передать руководство всей Татарией Казанскому губкому РКП, состоящему из трех татар и шести нетатар. Тогда Областная конференция коммунистов-татар 26. 7. 1920 г. приняла решение (без ведома губкома партии) переименовать Мусульманское бюро при губкоме в Татарское областное бюро коммунистических организаций. Это бюро, вопреки постановлению ЦК РКП(б), стало самостоятельно назначать работников в учреждения Татарии. В то же время Центральная мусульманская военная коллегия противилась приказу о переводе из Казани в Москву мусульманских военных курсов и сама не спешила переезжать в Москву согласно приказу из центра.

Тогда Казанский губком обвинил одного из самых популярных татарских большевиков Ш. Усманова в националистической агитации среди войск (Усманов был зам. председателя Мусульманской военной коллегии) и по тре-

бованию губкома он был переведен в Туркестан. Идеальный вождь татарских большевиков М. Султан-Галиев был членом коллегии Народного комиссариата национальностей в Москве и одновременно председателем Центральной Мусульманской военной коллегии при Народном комиссариате военно-морских сил. Коллегия находилась в Казани, но упомянутое постановление ЦК РКП(б) от 8. 6. 1920 г. особо указывало, что Султан-Галиев должен оставаться в Москве. В Казань его не отпускали, где татарские коммунисты настаивали назначить его председателем ревкома всей Татарии.⁹⁵

Чтобы ослабить динамизм татарского национального возрождения, особенно опасного после XII съезда РКП(б), предоставившего больше прав нероссийским народам, было придумано «дело Султан-Галиева», ставшее первым пунктом повестки дня Всесоюзного совещания по национальному вопросу в июне 1923 г. Изобретатель этого дела был Сталин, который преследовал здесь более широкие цели, чем только ударить по татарскому национальному возрождению. Делом Султан-Галиева было положено начало борьбе ЦК РКП(б) с местными национальными уклонами во всех нацреспубликах вместо борьбы с великороссийским шовинизмом, как того требовал XII съезд РКП и «Завещание» Ленина. После осуждения Султан-Галиева, через два года была объявлена борьба с национальным уклоном на Украине (Мыкола Хвильовый, позже Александр Шумский, еще позже Мих. Волобуев). Далее борьба с «нацдемовщиной» в Белоруссии и т. д. Но об этом будет сказано далее. Этой борьбой с местными национализмами Сталин завоевывал доверие шовинистически настроенного партийного аппарата.

По делу Султан-Галиева Партийное совещание по национальному вопросу 9.—12. 6. 1923 г. приняло грозную резолюцию, которая обвиняла Султан-Галиева мало не в шпионаже. В резолюции было сказано, что Султан-Галиев «противодействовал мероприятиям центральных партийных органов... подрывал доверие ранее угнетенных националь-

ностей к революционному пролетариату... стремясь связаться со своими сторонниками в некоторых восточных государствах (Персия, Турция) и сплотить их на платформе, противопоставленной политике советской власти в области национального вопроса... в попытке связаться с поддерживаемым международным империализмом бухарско-туркестанским басмачеством через одного из его вождей Заки-Балидова».⁹⁶ За такие дела, как связь с буржуазными государствами и с повстанческим басмачеством, Султан-Галиев должен был подлежать расстрелу. Но он был только арестован, при чем вскоре освобожден из-под ареста, что указывало на то, что вины не было. Дело было явно придумано Сталиным совместно с аппаратом ГПУ, и члены Политбюро, в частности Троцкий, сожалели, что они дали согласие на арест Султан-Галиева. А Л. Каменев говорил, что «это был первый случай ареста выдающегося члена партии, произведенного по распоряжению Сталина, которому после этого понравился вкус крови».⁹⁷ С разгромом уклона Султан-Галиева в Татарии была произведена массовая чистка партии.⁹⁸

Начиная погромы против национальных уклонов в нероссийских республиках, Сталин одновременно на Всесоюзном партийном совещании по национальному вопросу продолжал, в соответствии с решениями XII съезда РКП(б), осуществлять коренизацию, расширять национальные права нероссийских народов. В частности он подчеркнул, что борьбе с великодержавным шовинизмом надо уделять 75% внимания, а с местным — 25%. Но эта декларация опровергается «делом Султан-Галиева» и другими, более поздними фактами борьбы только с местными национальными уклонами. Сталин играл двойную игру: национальным республикам он давал коренизацию, а великодержавный русский шовинизм он успокаивал преследованием уклонов к местному якобы национализму. В действительности это были не уклоны, а требования осуществлять намеченную XII съездом партии национальную политику. Сталин укреплял свою личную власть, а это было невозможно

для него — грузина, без поддержки шовинистически настроенных руководящих партийных кадров и аппарата ЦК РКП(б). Ему, как нерусскому инопородцу, нужно было завоевать доверие русского шовинизма. И он это доверие завоевал борьбой с национальными уклонами среди нерусских народов.

Всесоюзное совещание по национальному вопросу, которое официально называется «Четвертое совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей» приняло по второму вопросу — «Практические мероприятия по проведению в жизнь резолюции XII съезда партии по национальному вопросу» резолюцию, в которой перед союзными республиками была поставлена задача расширить партийные организации за счет местного элемента. «Лишь тогда советская власть будет крепка в республиках и областях, — сказано в резолюции, — когда там упрочатся действительно серьезные коммунистические организации». Резолюция подчеркивает необходимость иных методов партийной работы в отсталых окраинах, чем применяемые в промышленных центрах СССР. Там надо «идти навстречу элементам, являющимся революционно-демократическими или даже просто лояльными в отношении к советской власти. Роль местной интеллигенции в республиках и областях во многих отношениях иная, чем роль интеллигенции в центральных районах Союза Республик. Окраины настолько бедны местными интеллигентными работниками, что каждый из них должен быть привлекаем на сторону советской власти всеми силами . . . Только таким образом можно будет изжить успешно местный национализм и перевести на сторону советской власти широкие слои местного населения».

Совещание утвердило сталинский проект представительства в Совете Национальностей. Этот проект резко критиковал представитель Украины Х. Раковский. Он говорил: «Зачем создана двухпалатная система? Затем, чтобы она давала гарантии отдельным республикам. В этом смысл двухпалатной системы. При том решении двухпалатной

системы, которое было принято сегодня, двухпалатная система не только не дает нам, отдельным республикам, никакой гарантии, но, наоборот, она закрепляет фактически еще больше ту систему, которую мы теперь имеем, систему, которая выражается в том, что на 350 делегатов союзного ЦИКа (Верховный Совет. — И. М.) 280, а может быть еще и больше, имеет РСФСР и только 80 все остальные республики вместе взятые». Раковский внес следующую поправку: «Ни одно из государственных объединений, входящих во вторую палату (Совет Национальностей), не должен иметь больше двух пятых голосов». Поправка была отклонена. Не приняты были также другие предложения украинцев (напр., создание в центре не слитых, а лишь директивных наркомата иностранных дел и наркомата внешней торговли). Совещание подчеркнуло, что «это предложение неприемлемо, если считать, что мы действительно образуем одно союзное государство, могущее выступать перед внешним миром, как объединенное целое». Выступления Раковского на XII съезде РКП(б) и на Всесоюзном совещании были позже характеризованы как оборона конфедерации против федерации.

Совещание рекомендовало ряд мер по внедрению местного языка в государственных учреждениях и школах, в частности «расширение сети всех ступеней учебных заведений и создание рабфаков на местных языках». «Прекращение переселений», «перенос фабрик и заводов в республики, избыточные соответствующим сырьем». Создание в отдельных республиках национальных частей красной армии. Чтобы облегчить рост партии за счет национальных элементов «допускать некоторые отступления от принятых норм». приема в партию.⁹⁹

Решения XII съезда РКП(б) по национальному вопросу осуществлялись на протяжении менее десяти лет. Эти годы считались эпохой коренизации. Несмотря на травлю местного национализма, за эти годы происходил бурный расцвет национальной культуры и государственного строительства всех союзных республик, а также национальное воз-

рождение автономных республик и областей. Все низшие и средние школы в национальных республиках и областях были переведены на родной язык местного населения. В союзных республиках на местный язык переводилось также преподавание в высших учебных заведениях, хотя не везде этот перевод был проведен к моменту ликвидации коренизации в начале тридцатых годов. В союзных республиках вся пресса и книгоиздательство были тоже переведены на местные языки. Считалось, что русское население может быть обслужено газетами и книгами на родном языке из Москвы и других центров РСФСР. Подавляющее большинство театров были тоже переведены на местные языки. В славянских республиках (Украина и Белоруссия), где местные языки были близки к русскому, русское население в особенности рабочие и мелкие служащие, массово посылало своих детей в национальные школы, как более перспективные. В некоторых уездных и губернских городах улица заговорила на родном языке, который в дореволюционное время вытеснялся более «культурным» русским языком. Словом, выглядело так, что если бы коренизация продолжалась еще десяток лет, национальный вопрос в нерусских республиках и областях был бы полностью решен в пользу местного населения.

Но это поставило бы взаимоотношения союзных республик с Москвой в иную плоскость, потребовало бы расширения прав этих республик, сведение их связи с всесоюзным центром до минимума, против чего уже к концу двадцатых годов возражали все центральные аппараты, в том числе и партийный. Что оставалось делать грузину Сталину-Джугашвили, чтобы удержаться у власти над всей страной? Он должен был показать центральным московским аппаратам, что никакой русский по национальности руководитель не способен проводить такую безудержную, великодержавную политику, как он — «национал». И он стал ее проводить. В своем письме (записках) об «автономизации» Ленин сказал: «Известно, что обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части истинно русского настроения». И Ле-

нин дал такому грузину кличку — «грубый великорусский держиморда».¹⁰⁰ К этому надо добавить, что «обрусевшие инородцы пересаливают» в угоду великодержавному российскому шовинизму согласно его воле, а не против его воли. Это следует подчеркнуть потому, что сторонники великодержавия часто говорят, якобы национальное угнетение в России осуществляли в большинстве случаев не русские, а инородцы.

VI. РАЗГРОМ КОРЕНИЗАЦИИ КАК РЕВИЗИЯ РЕШЕНИЙ XII СЪЕЗДА РКП(б)

Вслед за «султангалиевщиной» борьба с национальным уклоном на Украине. — Украинский коммунист Волобуев защищает независимость национальных экономик от централизма московских аппаратов. — Резолюция съезда КП(б) Белоруссии тормозит коренизацию. — Как и почему технический аппарат ЦК РКП(б) превратился в политический фактор. — Изменение структуры партийных органов. — Ликвидация автономий и самоуправлений советских учреждений и организаций. — Ликвидация хозяйственной автономии 25 миллионов крестьянских дворов путем их коллективизации сделана для установления власти партийного аппарата над сельскохозяйственным производством. — Ликвидация национальных автономий — победа великодержавной линии в партийном аппарате. — Возрождение великодержавной идеологии. — Террор против «буржуазного национализма» нероссийских народов. — Первые мероприятия по «сближению» и «слиянию» наций. (Стр. 104—129).

Осуществление решений XII съезда РКП(б) по национальному вопросу шло в двух, можно сказать противоположных, направлениях: с одной стороны, довольно успешно проводилась коренизация в национальных республиках. Тем более успешно, что она сливалась в одно могучее русло с массовым национальным возрождением снизу в каждой республике. С другой стороны, осуществлялся удар по «национальному уклону» односторонне, только среди нероссийских народов. Хотя XII съезд партии требовал, наоборот, удара в первую очередь по великорусскому шовинизму, как главной опасности для единства СССР.

История партии не знает ни одного заметного удара по великорусскому национализму того времени. Между тем

случаев борьбы с местным национализмом было много. Началось это, как уже сказано, с удара по «национальному уклону» Султан-Галиева. (Кстати сказать, в наше время понятие «национальный уклон» заменено более грозным понятием «буржуазный национализм», при чем применяется это понятие только к национализму местному. Для русского национализма существует более смягченное понятие — «великодержавный национализм», не «буржуазный»).

Через два с лишним года после разгрома Султан-Галиевщины началась борьба с «национальным уклоном» на Украине. Первой жертвой здесь оказался писатель-коммунист Микола Хвильовый. Пропаганда против «хвильовизма» велась не только на Украине, но и по всему СССР, особенно в национальных республиках. Поэтому на уклоне Хвильового следует остановиться подробнее. В 1925 г. Хвильовый напечатал серию памфлетов о путях развития украинской литературы. Эти памфлеты имели политическую направленность. Лейтмотивом статей Хвильового было: хоть XII съезд партии провозгласил равноправие в развитии наций, но на деле такого равноправия не достигнуто и после XII съезда. Рекомендуемое этим съездом национальное возрождение угнетенных народов невозможно осуществить на Украине без деруссификации украинского города, без украинизации пролетариата. «Даешь пролетариат!» — бросает Хвильовый лозунг. «Пока пролетариат не овладеет украинской культурой, невозможно чтобы культурная революция на Украине дала желаемые результаты... Но что же нам мешает провести деруссификацию рабочих?... Русский мещанин, которому в печенках сидит эта украинизация... который со «скрежетом зубным» изучает этот «собачий язык», который кричит в Москву: «Спасайте!»... который чувствует, что теряет под собой почву...».

Вслед за деруссификацией пролетариата, Хвильовый выдвинул другую задачу — «ошарапить 'по башке' русского мещанина... который сидит в рабочих клубах, в культурно-правовых учреждениях... убедить этого мещан-

нина, что . . . все равно ему придется передать 'бразды правления' в более надежные руки . . .».

В отношении путей развития украинской литературы Хвильовый пишет, что она должна ориентироваться «во всяком случае не на русскую литературу . . . Не надо смешивать нашего политического союза с Россией с литературой . . . Поляки никогда не дали бы Мицкевича, если бы они не перестали ориентироваться на русское искусство. Дело в том, что русская литература веками тяжелеет над нами, как господин положения, который приучил нашу психику к рабскому подражанию. Следовательно, воспитать на русской литературе наше молодое искусство — значит задерживать его развитие. Идеи пролетариата нам известны и без московского искусства . . . Наша ориентация — на западно-европейское искусство, его стиль, его приемы . . . 'даешь' свой собственный ум! Москва сегодня это центр всесоюзного мещанства».

Хвильовый бросает клич — «Прочь от Москвы!» Но тут же он оговаривает, что он призывает отталкиваться не от Москвы пролетарских заводов и компартии, не от Москвы Коминтерна, которые как всемирный оазис держатся среди мещанской пустыни.¹⁰¹ В конце Хвильовый, как коммунист, повторял то, что писал Ленин в своем «Завещании», где он защищал «инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности подлнца и насильника, каким является типичный русский бюрократ».¹⁰² У Хвильового этот бюрократ назван «всесоюзным мещанином».

Таким образом Хвильовый критиковал не коммунизм, призывал отталкиваться не от российского пролетариата, а от российского мещанства. Свои выступления он обосновывал марксизмом. Но его ориентация на независимое развитие украинской культуры напугала московские аппараты, которые инспирировали кампанию против «хвильовизма», как национального уклона. 26 апреля 1926 г. Сталин написал письмо секретарю ЦК КП(б)У Л. Кагановичу и членам Политбюро КП(б)У, в котором квалифицировал выступле-

ние Хвильового как неправильное, ослабляющее диктатуру пролетариата на Украине. Сталин писал: « В то время как западно-европейские пролетарские классы и их коммунистические партии полны любви к Москве, цитадели международного революционного движения, ... украинский коммунист Хвильовый не может сказать ничего в пользу Москвы, кроме как призывать украинцев как можно быстрее уходить от Москвы». Сталин писал также, что «чисто украинских марксистских кадров теперь недостаточно». Но он призывал не увеличивать эти кадры, а громить «национальный уклон» — «хвильовизм». Кстати сказать письмо Сталина не было тогда напечатано (Сталин не напечатал и упомянутое «Завещание» Ленина). Письмо Сталина было напечатано только в его сочинениях, после разгрома коренизации.¹⁰³

Но «уклон» Хвильового касался больше литературно-культурных проблем, а аппарату ЦК ВКП(б) нужно было бороться с национальным уклоном на Украине как с общеполитическим явлением. Для этого фигура писателя Хвильового не подходила. Для этого взят был член ЦК КП(б)У, бывший лидер компартии боротьбистов, Александр Шумский. Он поддержал основную мысль Хвильового об ускоренной украинизации (деруссификации) пролетариата и тогда Шумского обвинили тоже в «национальном уклоне». Поскольку в защиту Шумского стала Коммунистическая Партия Западной Украины — КПЗУ (в Польше), дело перешло на рассмотрение Исполкома Коминтерна, где русская делегация имела решающее влияние и Шумский был осужден, а КПЗУ была разгромлена и составила меньшинство. Шумский был выслан на работу в Москву.

Но особенно ярко проявилось отступление ЦК ВКП(б) от решений XII съезда партии по национальному вопросу, уклон ЦК в русское великодержавие на примере борьбы с «уклоном» украинского коммуниста Михаила Волобуева. «Уклон» Волобуева проявился в области экономики. Если Хвильовый защищал равноправие Украины с Россией в области культуры, Шумский в области общеполитической,

то Волобуев обосновывал равноправие в области экономики. Он утверждал, что московские центры продолжают царскую империалистическую политику в области экономики и иллюстрировал это цитатами и цифровыми данными.

В журнале «Большевик Украины» № 2—3 за 1928 г. Волобуев напечатал исследование «К проблеме украинской экономики». Вначале Волобуев описал историю колониальной зависимости Украины от России. Далее он говорит о перспективах развития экономики социализма. Его схема такова: когда победит всемирная коммунистическая революция, будет создан всемирный СССР и в него каждая нация войдет как равноправная. Украина уже сейчас должна готовить себя к непосредственному вступлению в мировой союз равных социалистических республик. Для этого ее экономика должна гармонически развиваться в ее природных национально-экономических границах. Лишить украинский народ права распоряжаться своей экономикой, а тем более эксплуатировать украинскую экономику во вред украинскому народу — это враждебно коммунизму.

Эту коммунистически обоснованную схему Волобуев противопоставил схеме московских планирующих аппаратов, в частности схеме автора экономического районирования СССР, дореволюционного русского специалиста проф. И. Г. Александрова. План Александрова, по мнению Волобуева, полностью игнорировал национальные экономики бывших российских колоний и предлагал централизованное районирование СССР на старых великодержавных принципах. Волобуев цитирует Александрова: «С тех пор как окно в Европу закрылось, а все государство было окружено врагами и его раздирали с середины, Москва вновь взяла на себя роль собирателя, как 400 лет до... переживаемого сейчас периода».¹⁰⁴ Волобуев замечает, что для таких взглядов место не в советском издании, а в каком-либо юбилейном сборнике вроде к «300-летию дома Романовых». Он отмечает, что в книге проф. Александрова нет даже слова «Украина» а только «Юг России».

По плану Александрова не каждая республика СССР

должна руководить своей экономикой (по общим директивам всесоюзного центра, как предлагает Волобуев), а все руководство должно находиться в руках центра. Волобуев цитирует другого дореволюционного русского специалиста Барановского: «сверхмагистралы, дополненные их электрификацией, свяжут Москву со всеми нужными ей источниками сырья и топлива — Донбасс, Баку, Туркестан, Сибирь, Север, заграница; тем самым выгоды центрального положения Москвы, которые она сумела сберечь и расширить, скажутся и при будущей перестановке на электрическую силу . . .».¹⁰⁵

Волобуев не соглашается с Александровым, Барановским и другими специалистами Госплана СССР не только по политическим соображениям, но и по экономическим. С цифрами в руках он доказывает, что планируемое специалистами Госплана СССР сосредоточение металлургии в восточных районах РСФСР менее выгодно по сравнению с донецко-криворожской металлургией. То же и с сахарной промышленностью. Волобуев защищает для всех республик принцип приближения промышленного производства к сырью. Он был уверен, что ЦК ВКП(б) поддержит его коммунистический подход к планированию экономики СССР. Но ЦК ВКП(б) поддержал не Волобуева, а проф. Александрова и других специалистов Госплана. Взгляды же Волобуева были официально объявлены «национальным уклоном».

Надо еще раз подчеркнуть, что борьба с «национальным уклоном» на Украине носила тогда характер идейной борьбы. То есть «уклонистов» из компартии не исключали, хотя им не давали и оправдываться, а допускалось только «раскаяние». Разгром с исключением из партии и арестами на Украине, Белоруссии, в Закавказье и в Средней Азии пришел в тридцатых годах. Татары составляли исключение. Там, как было сказано, борьба с национальным уклоном у татар началась с репрессий и террора с ареста Султан-Галиева в 1923 г., без каких-либо публичных доказательств его виновности. Невинность его подтвердилась тем фак-

том, что он был освобожден из-под ареста в том же 1923 г. Лишь позже, когда уже арестовывали троцкистов и других «уклонистов», Султан-Галиев был вторично арестован в 1929 г. (тоже без конкретных обвинений) и приговорен к 10 годам заключения. Еще позже он был расстрелян.

Более незаконным выглядело внезапное исчезновение в январе 1928 г. председателя ЦИКа (по современному — Верховного Совета) Крымской АССР татарина Вели Ибрагимова. Никакого суда над Ибрагимовым не производилось, даже в советской печати ничего не сообщалось о его аресте. Исследователь крымско-татарского национально-освободительного движения Эдиг Киримал сообщает только, что Ибрагимов был расстрелян 5 мая 1928 г.¹⁰⁶ В СССР ходили слухи, якобы Ибрагимов вел тайные переговоры с Турцией о присоединение к ней Крыма. Но известно точно, что Ибрагимов много сделал для коренизации Крыма в соответствии с решениями XII съезда РКП(б). Сам типографский рабочий и сотрудник татарской газеты коммунист Ибрагимов руководил национальным возрождением крымских татар и ликвидацией исторической несправедливости к ним со стороны Российской империи. Он создавал в крымской степи новые поселения, куда переселялись татары из густо заселенных южных местностей Крыма. Разработал проект переселения из-за границы (главным образом из Турции) крымских татар, бежавших туда от царских преследований. Ибрагимов сделал татарский язык в Крыму равноправным с русским. Татарский язык стал так быстро распространяться, что многие русские, украинцы и др. вынуждены были его изучать.¹⁰⁷ Беззаконная расправа с главой автономной республики Ибрагимовым была неслыханным явлением для «либеральных» 20-х годов. Лишь через десять лет, в годы «ежовщины», такая расправа стала массовым явлением.

Чтобы ослабить национальное возрождение нероссийских народов, партийный аппарат стремился нанести идеологические удары по так называемому местному национализму, натравить на него национальные меньшинства в

каждой союзной республике. Типична в этом отношении была резолюция XI съезда КП(б) Белоруссии 22—29 ноября 1927 г. «Об итогах национально-культурного строительства и политико-просветительной работы к десятилетию Октябрьской революции». В резолюции этой с большей открытостью чем в других большевистских резолюциях говорится, что «мелкобуржуазный национализм не только бывает оборонительным в отношении к великодержавному шовинизму. Очень часто он ведет политику наступления по отношению к слабым национальностям в своей республике. В обстановке Белоруссии оборонительный мелкобуржуазный белорусский национализм по отношению к великорусской нации одновременно может быть и бывает наступательным великодержавным шовинизмом по отношению к евреям, полякам, латышам и т. д. Если мелкобуржуазный национализм и национал-демократизм в Белоруссии в прошлом был прогрессивным явлением, боролся с самодержавием и давал отпор угнетению русского царизма, то в условиях диктатуры пролетариата он сделался контрреволюционным явлением, направленным против диктатуры пролетариата. Поэтому борьба против националистов всех наций и оттенков... должна быть решительно продолжена и далее...» Резолюция эта конкретизирует понятие «белорусский национализм»: «Часть белорусской интеллигенции на почве белорусизации пыталась расширить свои националистически-шовинистические влияния и осуществить мелкобуржуазные идеалы. Часть работников русской и еврейской национальности реагировала на белорусизацию укреплением великодержавных настроений... Проводимая партией коренизация, которая ставила своей целью создание кадров местных работников для национально-культурного строительства, толковалась неправильно как выделение исключительно белоруссов и благодаря этому часто болезненно воспринималась нацменьшинствами Белоруссии. Все эти уклоны просачивались иногда в партию, задевая отдельных коммунистов...».¹⁰⁸

Если в резолюции XII съезда РКП(б) сказано, что вели-

корусский шовинизм порождает, как самозащиту, местный национализм, то в резолюции XI съезда КП(б)Б получается, что в эпоху диктатуры пролетариата белоруссизация «укрепляет великодержавные настроения» белоруссов. И вообще контрреволюцией является возрождение угнетенных наций, а не великодержавный русский национализм. В великодержавном национализме съезд КП(б)Б обвиняет... белорусский национализм. Об опасности в Белоруссии настоящего великодержавного (русского) национализма резолюция съезда КП(б)Б старается не говорить. Конечно это тормозило белоруссизацию и коренизацию, тормозило осуществление решений XII съезда РКП(б).

Но открытый удар по коренизации, открытая ревизия решений XII съезда РКП(б) пришла лишь в начале 30-х годов. Это было связано с передвижкой власти внутри коммунистической партии — от власти выборных партийных органов к власти наемного партийного аппарата. Настоящей внутрипартийной демократии в смысле свободной, без какого — либо давления сверху, выборности партийных комитетов в РКП(б) не существовало от самого прихода большевиков к власти в октябре 1917 г. Центральный Комитет партии, как и местные ее органы формировались на партийных съездах и конференциях по «рекомендации» руководящего ядра партии. ЦК мог распускать нижестоящие выборные партийные органы и назначать новые, составленные по усмотрению ЦК. Так, например, в 1919 и 1920 гг. два раза были распущены выборные центральные Комитеты автономной Коммунистической Партии (большевиков) Украины и назначены новые. В данном случае игнорировался организационный принцип партии — принцип «демократического централизма».

Но это было в период гражданской войны, когда вооруженная контрреволюция угрожала самому существованию советской власти и поэтому партия воспринимала такое нарушение «демократического централизма» без особых возмущений, как явление чрезвычайное. Кроме того авторитет Ленина был непоколебим, его «слово» не раз меняло мнение

большинства. Наконец, выдвигаемый сверху руководящим ядром партии состав ЦК и нижестоящих партийных органов подбирался из наиболее авторитетных старых партийных деятелей — выдающихся теоретиков, полководцев, публицистов, трибунов и организаторов, против которых никто не мог возражать. Наемный партийный аппарат имел в то время чисто технические функции и был ничтожно мал. Так, в 1918 г. в аппарате ЦК РКП(б) работало всего 80 человек, между тем как уже в 1968 г. в аппарате ЦК работало — «не менее 6—8 тысяч человек».¹⁰⁹ Секретарем ЦК РКП(б) избирался второстепенный член ЦК. В первый раз в секретари ЦК был избран более влиятельный член ЦК и Политбюро Сталин. Это было после гражданской войны в 1922 г., когда Ленин был уже болен и не мог заниматься организационной работой. Тогда по предложению не Ленина, а Зиновьева и Каменева Сталин был избран генеральным секретарем ЦК. Но еще и в это время аппарат ЦК насчитывал всего свыше 600 работников.¹¹⁰ В это время партия мало знала Сталина и считала его второстепенным членом Политбюро, менее значительным чем Троцкий, Бухарин, Зиновьев и Каменев.

Функции аппарата ЦК и нижестоящих партийных комитетов заключались в пропаганде идей коммунизма, в технике назначения и перемещения партийных кадров. В соответствии с этим аппарат ЦК и партийных комитетов имел только три важнейших отдела — организационно-инструкторский, агитационно-пропагандистский и учетно-распределительный. Все советско-хозяйственное строительство происходило без какого бы то ни было вмешательства отделов ЦК и его аппарата. Этим занимались сами советские органы во главе с их ответственными руководителями-коммунистами.

ЦК партии и нижестоящие партийные комитеты назывались в партийных уставах «исполнительными» органами. Начиная с тридцатых годов они стали называться «руководящими» органами партии. Еще в 20-е годы говорилось, что компартия выполняет волю народа. Теперь употребля-

ется выражение — народ выполняет решения партии, которая заботится о народе. Но это наступило после того, когда утвердилась власть над партией и над народом наемного партийного аппарата, когда установился абсолютизм партийного аппарата. Как это произошло?

В 1923 г. вспыхнула дискуссия в РКП(б). Троцкий выступил с критикой бюрократизма в партийном аппарате. Против него партийный аппарат поднял по указанию ЦК (Сталина) кампанию. С начала дискуссии представлялось, что в этом столкновении вождя партийного аппарата Сталина с творцом красной армии и популярнейшим в стране вождем революции Троцким победит Троцкий. Поэтому Сталин сразу же решил опереться не на свои личные качества, которыми он не блеснул, и не на свою популярность, которой он не имел, а на организованную силу наемного партийного аппарата, который был Сталиным превращает из технического орудия всей партии в орудие только сталинской группы. От членов партии, работавших в аппарате, требовалось принимать участие в борьбе с «троцкизмом». Были, например, случаи, когда сторонник Троцкого в аппарате какого-нибудь губкома должен был выполнять задания по борьбе с троцкизмом — организовывать собрания против Троцкого, в прессе кампанию против «троцкизма» и т. д.

Для запугивания колеблющихся членов партии, сталинский ЦК РКП(б) провел чистку партийных организаций высших учебных заведений, в которых особенно сильно было влияние Троцкого. Из компартии было вычищено много студентов-коммунистов. Их потом всех восстановили членами партии и чистка эта была самой мягкой в истории РКП(б), но она вскрыла совершенно новое явление в партии, и именно — участие в оппозиции, т. е. борьба за собственные убеждения, карается исключением из партии. А исключение из правящей партии было большим ударом в особенности для интеллигентов.

Для политически активных членов партии это означало конец активной политической деятельности и превращение в «презренного обывателя», а для всех вообще исключенных

интеллигентов — это означало удар по жизненной карьере — вместо блестящего выдвижения на командные должности, жалкое прозябание в роли беспартийного «спеца».

После чистки вузовских партийных организаций троцкисты могли получить при голосовании открытое большинство только в фабрично-заводских партийных организациях, где рабочий ничего не терял, голосуя за Троцкого. В организациях советских учреждений, состоящих из служащих и интеллигенции, принимались резолюции только антитроцкистские, хотя многие голосовавшие против Троцкого в душе были за него. Сталин назвал такое поведение «двурушничеством», хотя он же его и воспитал преследованием инакомыслия. Да и сам он показывал «блестящие» примеры двурушничества когда говорил одно, а делал другое.

После чистки вузовских партийных организаций стало ясно, что троцкистская и какая бы то ни было другая оппозиция в компартии никогда не получит открытого большинства голосов. Но победа сталинской фракции над троцкистской превратила партийный аппарат из технического средства в политический фактор. Тем более, что борьба с левой троцкистской, а позже с правой бухаринской оппозицией длилась более десяти лет и основным орудием Сталина в этой борьбе был наемный, независимый от партии партийный аппарат уже как чисто политическая сила. Это усиление роли и власти партийного аппарата быстро происходило на всем протяжении двадцатых годов.

Но особенно большой скачок к усилению власти партийного аппарата произошел в начале 30-х годов, в период проведения сплошной коллективизации на основе ликвидации кулака как класса. В действительности кулачество ликвидировалось не только как класс, но и физически. Кулаков целыми семьями вывозили фактически на вымирание в Сибирь и Крайний Север. Кроме того произвольно стиралась грань между кулаками и не кулаками. Если крестьянин бедняк противился высылке кулаков и насильственной коллективизации, его зачисляли в «подкулачнич-

ки», арестовывали и высылали уже без семьи как врага. Кроме того организован был искусственный голод (в основном в национальных районах), чтобы подавить сопротивление коллективизации.

Такая политика встретила сопротивление в левой (троцкистской) и правой (бухаринской) оппозиции, а также среди широких партийных масс и вообще среди народа. Для подавления этого сопротивления сталинскому руководству пришлось опереться только на партийный аппарат. В начале 30-х годов этот аппарат перестраивается по совершенно новому, неведомому до сих пор принципу. Не доверяя коммунистам, руководящим разными советскими учреждениями, Сталин организует в подчиненном ему наемном аппарате ЦК и нижестоящих партийных органах отделы по руководству разными отраслями экономики и советского строительства. Например, промышленный отдел (позже он дифференцировался на отделы тяжелой, средней, легкой и др. промышленности), отдел торговли и кооперации, военный и всякие другие отделы. Это были фактически политические комиссары над органами советской власти. Им были подчинены государственные хозяйственные и административные органы. Так, сегодня облисполком подчинен обкому партии. Разница только та, что министры и облисполкомы хотя бы формально избираются советскими съездами, тогда как заведующие отделами ЦК и обкомов партии, которые руководят министерствами и всеми советскими органами на местах, являются лицами наемными, никем не избираемыми, а подбираемыми по рекомендации органов госбезопасности (КГБ). Позже их вводят в состав ЦК или нижестоящих партийных комитетов. Типична в этом отношении была карьера Г. Маленкова, который из технического секретаря при Сталине превратился в первого вождя после Сталина, не побывав ни на какой избираемой работе вне аппарата ЦК.

Система власти партийного аппарата не терпела, конечно, никаких автономий и самоуправлений. В начале 30-х годов автономные (относительно) профсоюзы были подчинены отделам ЦК и обкомов партии. Была упразднена са-

моуправляющаяся рабочая кооперация, которая к началу 30-х годов, когда частная торговля была ликвидирована, разрослась в могучую систему снабжения городского населения. Городская кооперация была заменена подчиненной партийному аппарату государственной торговлей. Ликвидация городских кооперативов сопровождалась зачем-то шумными судебными процессами над их коммунистическими руководителями, которых обвиняли во всякого рода вредительстве и связях с оппозицией. Почти все они были приговорены к расстрелу.

Ликвидирована была самая нестерпимая для партийного аппарата хозяйственная автономия двадцати пяти миллионов индивидуальных крестьянских дворов. Их всех было насильственно объединено в несколько сот тысяч колхозов, подчиненных в своей хозяйственной деятельности государству (партийному аппарату). Ошибочно считается, что это была борьба за социализм. Если бы так, то зачем были ликвидированы сельскохозяйственные коммуны, которые Ленин называл наивысшей социалистической формой в сельском хозяйстве. При чем коммуны были превращены в более низкую форму «социализма» — в колхозы, а идеалистов-коммунаров судили за перегибы в обобществлении с. х. и большинство председателей коммун было присуждено к расстрелу.

Это была борьба не за социализм, а за власть партийной бюрократии над сельскохозяйственным производством.

Наконец интересы бюрократии требовали ликвидации всяких национальных автономий. Такой ликвидации требовала не только сама природа централизованной бюрократической власти, как она требовала ликвидации автономии профсоюзов, кооперации, крестьянских хозяйств и т. д. Ликвидации национальных автономий требовала и националистическая великодержавная природа аппарата компартии, который, как уже было сказано, не терпел национального возрождения нероссийских народов.

Ликвидация национальных автономий началась с возрождения великодержавного шовинизма в советской прак-

тике и одновременно сужения национально-культурного роста нероссийских наций. Конкретно это выразалось вот в чем. В 1929 г. выходит из печати роман Алексея Толстого «Петр I», явно апологизирующий имперские завоевательные цели первого русского императора, о котором украинский народный поэт Шевченко писал — «Этот первый, распинавший нашу Украину». Академик М. Покровский, старый большевик, возглавлявший советскую историческую науку, весьма критически оценивал историческую роль Петра I. Между тем роман А. Толстого «Петр I» был издан большими тиражами, а издательства национальных республик были принуждены печатать этот роман в переводе на местные языки. Школа М. Покровского была раскритикована и вместо него русскую историческую науку возглавил беспартийный историк Б. Греков. Он был известен как апологет империи, а также противник исторической школы М. Грушевского, который обосновывал самобытность истории украинского народа.

В национальных республиках, в особенности на Украине, руководство исторической наукой было разгромлено не только идеологически, но и полицейски. Академик М. Грушевский был выслан в Ленинград (как член АН СССР), но в 1934 г. загадочно умер в Кисловодске от «гриппа» на 68 году жизни. Фактически руководивший после Грушевского наукой истории Украины профессор-коммунист М. Яворский был обвинен как шпион в пользу Австрии (он происходил из Галиции) и сослан, а позже расстрелян. Возглавлять украинскую историческую науку было поручено не как в Москве беспартийному историку патриоту империи (Грекову), а выдвинувшимся в борьбе с украинским патриотизмом партийным историкам. Подобный разгром, но несколько позже, был произведен и в Белоруссии, где глава белорусской исторической школы академик В. Игнатовский покончил в 1930 г. самоубийством.

Откровенной апологией российского великодержавия было и выступление Сталина 4. 2. 1931 года на Всесоюзной конференции работников промышленности. Там Сталин, ко

всеобщему удивлению, высказался так: История строй России состояла, между прочем в том, что нас непрерывно били за отсталось. Били нас татары, турки, били нас поляки, шведы, французы, японцы и так далее. В собрании сочинений Сталина вычеркнуто слово «нас» и вообще в речи несколько сглажена русская националистическая ее заостренность, так возмущавшая тогда коммунистов поляков, украинцев, татар и многих других. Но даже в сглаженном тексте это место в речи Сталина никак не подходило для «вождя мирового пролетариата» (в том числе польского, шведского, французского, японского и. т. д.). Конечно Сталин в своей речи приспособлялся к великодержавным настроениям работников промышленности и партийного аппарата.¹¹¹

Можно было бы привести немало примеров откровенно великодержавных настроений и действий партийного аппарата и покровительствовавшего ему Сталина от начала 30-х годов. И одновременно с этим открытым прорывом великодержавной стихии в центральных аппаратах разжигается борьба с местным «национализмом», то есть с защитниками равноправия нероссийских народов.

Борьба эта началась в славянских республиках — на Украине и в Белоруссии и лишь в середине 30-х годов перекинулась она на другие республики. Удар в первую очередь по Украине и Белоруссии объясняется тем, что русский великодержавный шовинизм не хотел, как и сегодня не хочет, признавать их как отдельные нации, но лишь как разновидность единой русской нации, а их языки как русское наречие. Именно эта концепция стала основой для сегодняшней политики «сближения» и «слияния» со «старшим братом» — русским народом прежде всего славянских народов — белоруссов и украинцев.

Эта ревизия партийным аппаратом постановлений XII съезда РКП(б), осудившего великорусский шовинизм как главную опасность и постановившего содействовать возрождению нерусских наций, началась после того как партийный аппарат убедился, что возрождение нероссийских наций

означает усиление их независимости и возможный распад империи. Автор этих строк лично читал печатную стенограмму заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) (такие стенограммы рассылались по республикам для прочтения и возврата руководящими работниками), в которой присутствующие на заседании с возмущением отмечали, что в Киеве студенты не умеют говорить по-русски. Это было в 1932 г. накануне разгрома коренизации.

Переход от идеологической борьбы с «национальным уклоном» в союзных республиках к полицейской борьбе органов ГПУ начался на Украине и в Белоруссии с 30-х годов. В 1930 г. на Украине был организован показательный процесс «Спілки Визволення України» (СВУ). Судили несколько десятков украинских профессоров и общественных деятелей, создавших якобы СВУ для борьбы за реставрацию на Украине капиталистического строя. Обвиняемые были осуждены на высылку за пределы Украины (в годы «ежовщины» все были уничтожены). Но процесс СВУ был важным не этим осуждением ни за что группы украинских деятелей. Более важное значение имели негласные аресты нескольких десятков тысяч украинской интеллигенции по всей республике, как деятелей СВУ на местах. Это была расправа над участниками национальной революции 1917—1920 гг. Этих людей уже расстреливали и ссылали на долгие сроки заключения. Украинским коммунистам, активно проводившим украинизацию, было сказано, что теперь весь процесс национально-культурного возрождения переходит в их руки. В действительности через три года пришла расправа и с украинскими коммунистами.

Эта расправа началась с 1933 г. На Украину был назначен якобы вторым секретарем ЦК КП(б)У П. Постышев. В действительности его полномочия были намного выше официальных рангов. Его указаниям фактически подчинялся первый секретарь ЦК КП(б)У С. Косиор. Постышеву была дана директива — разгромить украинизацию (коренизацию) и организовать голод на селе, чтобы сломить сопротивление коллективизации украинских крестьян. Эти

два мероприятия увязывались одно с другим. Украинский «кулак» якобы питал украинский национализм, а украинские националисты в КП(б)У якобы поддерживали кулацкое сопротивление коллективизации.

Голодом 1932 и в особенности 1933 годов было уничтожено несколько миллионов человек. Русские дисиденты утверждают, что «на Украине вымерла третья часть сельского населения».¹¹² Характерно, что в РСФСР (в центральных областях) никакого голода не было. Достаточно сказать, что украинские крестьяне соседних с РСФСР сел ходили в села РСФСР менять одежду и другие вещи на хлеб.

П. Постышев был назначен главным инспектором по переселению при министерстве земледелия СССР. Для кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б) это выглядело как унижение. Но в действительности это был исключительно важный пост. Постышев организовал переселение в вымершие от голода украинские села крестьян из центральных русских областей. Этим переселенцам давали кредит, коров и так далее. Целями эшалонами они прибывали на Украину и торжественно, под музыку гармошек, занимали опустевшие, но еще с постелью, посудой и т. д. украинские хаты, пороги которых уже заросли бурьянами. Если носителем национализма на Украине была до сих пор главным образом украинская интеллигенция, то организованный из Москвы голод посеял национализм в самых широких массах украинского народа (вымирали от голода не только села, но и небольшие города, не получавшие хлеба от государства).*

* По поводу голода на Украине в 1932—1933 гг. известный исследователь аграрного вопроса проф. К. Кононенко писал: «Глубоко ошибается тот, кто считает созданный на Украине в 1932—1933 гг. голод, репрессией, примененной для подавления сопротивления украинского крестьянства коллективизации. Опухшее, гибнущее от голода крестьянство меньше всего способно было сопротивляться. Единственным содержанием челове-

Диктатор Украины П. Постышев снял с поста наркомпроса М. Скрыпника, как организатора украинизации, и травил его как укрывателя «буржуазных националистов». Старый большевик не выдержал позора, а также из протеста против удушения голодом украинского народа — застрелился 7. 7. 1933 г. Два месяца перед тем застрелился по тем же причинам писатель М. Хвильовый. В предсмертном письме он написал, что его единомышленников арестовывают, «может потому, что мы самые искренние коммунисты».

Чем больше трудностей возникало на пути коллективизации, тем свирепее расправлялся Сталин с «буржуазным национализмом» нерусских народов. Он хотел этим подкупить великодержавный русский шовинизм, демонстрируя перед ним расправу с сепаратистами и прочими «буржуазными националистами». Эта кровавая расправа до-

ческого мышления ставала тогда мысль о куске хлеба и ничего больше. Да и о каком сопротивлении можно говорить, если... еще в 1931 г. было уже коллективизировано 65% всех крестьянских хозяйств на Украине. Было бы странно думать, что весь ужас тридцатых годов был содеян для того, чтобы увеличить цифру коллективизации на 4% и довести ее до 69%, что и произошло в том году. Нет, голод был не просто полицейским мероприятием, а содержанием экономической политики на Украине не расплатой или наказанием, а самой целью». Кононенко пишет, что еще до революции на Украине существовало большое аграрное перенаселение. Занятость украинского крестьянства составляла не больше 33% годового запаса рабочей силы. Правительство СССР в годы коллективизации стало решать аграрное перенаселение на Украине не хозяйственной помощью крестьянам, а путем уничтожения той их части, которая была «излишней». Производство хлеба могло быть обеспечено меньшим количеством крестьян. Механизация сельского хозяйства дальше уменьшала потребность в рабочей силе. «Уничтожение 'излишнего' крестьянства стало прямым путем к повышению товарности хлеба...» (Константин С. Кононенко. Украина и Россия. Мюнхен 1965, стр. 276, 277).

стигла апогея в годы «ежовщины» (1937—1938). Если до самоубийства М. Скрыпника на Украине НКВД расправлялось в основном с участниками национальной революции 1917—1920 гг., то после разгрома коренизации (украинизации) расправа перекинулась на украинских коммунистов. Последний из них — председатель Совнаркома УССР бывший боротьбист Панас Любченко, которым П. Постышев прикрывал уничтожение украинских коммунистов, ожидая ареста, застрелился в 1937 г. вместе с женой коммунисткой.

Но пришла очередь и на П. Постышева. Он был снят с Украины и понижен за то, что якобы допустил в своем аппарате троцкистов. В действительности снятием, а позже и уничтожением Постышева Сталин хотел подчеркнуть, что неслыханный в истории человечества геноцид над украинским народом учинил не он, Сталин, а Постышев. Словом, «мавр сделал свое дело, мавр может уйти». Таким же мавром оказался и грозный организатор террора эпохи «ежовщины» Николай Ежов. Его руками Сталин истребил миллионы граждан, в том числе наиболее честных членов компартии, чтобы потом приписать все эти «перегибы» «мавру» Ежову...

Подобно, как и на Украине, была произведена расправа над белорусским национальным возрождением и над белорусизацией (коренизацией). В Белоруссии она началась приблизительно в то же время, как и на Украине. Недостаточную коренизацию здесь критиковали белорусские коммунисты. Один из них Алексей Адамович в романе «Кривичи» (1929 г.) так характеризовал казенную белорусизацию: «Искал Белоруссию, а нашел белорусизацию... Это ставка на форму. Овладеть формой, отделить ее от содержания, использовать ее, выкрутить, высушить и выкинуть вон... Научиться владеть белорусским языком, чтобы легче было сговориться с крестьянами — это не решение национального вопроса. Это только замена «солдатской» колониальной политики на колониальную политику «иезуитскую». Это весьма вредное сужение проблемы национальной культуры, это политика торгащей с рынка, которые... обра-

щаются к крестьянам на родном языке, чтобы... легче обмануть их». ¹¹³

Другой деятель белорусского возрождения Михась Зарецкий писал в 1930 г.: «Белорусское возрождение будет идти с корней белорусского народа. Всякие искусственные формы, в которые кто бы то ни было хотел вложить его, отпадут, рассыпятся в прах... Всякие опекуны белорусского движения... все они отметутся историей. Снизу, с земли вырастет наш ренесанс... И он уже растет, подымается, уже бушует такими могучими волнами, какие много чего, много могут посметать со своей дороги». В Белоруссии, еще в большей степени чем на Украине, коренизацией занимались люди из партийного аппарата не белорусской национальности. Такая «белорусизация» выглядела, конечно, уродливой.

Аппарат полицейского насилия ГПУ не обладал достаточной фантазией, чтобы для расправы над белорусской интеллигенцией изобрести организацию хотя бы с оригинальным названием. Нет, ГПУ использовало опыт предыдущего года на Украине. Там в 1930 г. была придумана организация «Спилка Визволення Украины», а в Белоруссии — «Союз Визволення Белоруссии» (СВБ). Но судебный процесс над СВБ не получился. Во главе обвиняемых ГПУ хотело поставить лидера белорусского коммунизма, упомянутого академика Всеволода Игнатовского. Затравленный в печати Игнатовский покончил самоубийством.

Разгром белорусского возрождения и белорусского коммунизма вошел в историю под названием борьбы с «национал-демократизмом» («нацдемовщина»). Секретарь ЦК КП(б)Б Гикало Николай заявил на XV съезде КП(б)Б, вопреки решению XII съезда РКП(б), что «местный белорусский национализм является в данный момент главной опасностью в области национального вопроса». С Белоруссии были отозваны в другие районы СССР многие белорусские деятели (позже все они, как и сам Гикало, были расстреляны). В 1937 году, в разгар «ежовщины» покончил самоубийством председатель БЦИКа (Верховного Совета) Бело-

руссии А. Червяков. То же самое сделал председатель Совнаркома БССР М. Голодед. Арестован и приговорен к расстрелу на процессе Бухарина в Москве первый секретарь ЦК КП(б) В. Шарангович. Это было завершением разгрома коренизации в Белоруссии.

В отличие от не славянских национальных республик, с которых речь ниже, в Белоруссии и на Украине разгром коренизации сопровождался резким поворотом в сторону руссификации. Она зиждилась на старой дореволюционной концепции, что языки белорусский и украинский только «наречия русского языка». Да и сами эти народы «единокровные» братья русского народа, без своей особой истории, с общей с русским народом историей. И задача коммунизма, а отличие от решений XII съезда РКП(б), слить эти народы в единый славянский (русский) народ. За этой концепцией стояла, конечно, не наука, а политика: стремление быстро устранить национальные различия пока хотя бы между славянскими народами СССР, чтобы СССР представлял единый национальный монолит, с единой русской армией, для предстоящего столкновения с внешним миром.

Конкретно руссификация на Украине и в Белоруссии после разгрома коренизации выражалась в следующем. В соответствии с указаниями из Москвы Совнарком Украины и ЦК КП(б)У издали в апреле 1938 г. постановление «Об обязательном изучении русского языка в нерусских школах». Эта установка касалась всех республик СССР. В газете «Правда» 7. 7. 1938 г. передовая статья была озаглавлена — «Русский язык — достояние советских народов». Прибывший на Украину в январе 1938 г. первым секретарем ЦК КП(б)У Н. Хрущев, заявил на XIV съезде КП(б)У в июне 1938 г.: «Враги народа, буржуазные националисты знали силу и влияние русского языка, русской культуры. Они знали, что это — влияние большевизма, влияние учения Ленина-Сталина . . . Поэтому они вытравливали из школ русский язык. Во многих украинских школах изучали немецкий, французский, польский и другие языки, но только не русский . . . Товарищи, восклицал Хрущев, — сейчас все

народы будут изучать русский язык».¹¹⁴ Это заявление касалось уже всех народов СССР, а не только украинского и белорусского. Но на Украину и в Белоруссию русский язык приходил не как в других республиках в виде обязательного дополнения к родному языку, а как замена родного языка. В неславянских республиках такая замена пришла значительно позже — в эпоху Брежнева.

Внедрение русского языка в украинских школах дошло до того, что количество часов на русский язык (4—5 часов в неделю) начало превышать количество часов на родной язык. Сейчас это стало правилом во всех национальных школах СССР. После разгрома коренизации на Украине и в Белоруссии стало расти здесь количество русских школ и уменьшаться количество школ на родном языке. Кроме того стали создаваться смешанные школы — рядом с классами на родном языке в школах создавались классы на русском языке. В столицах и во всех областных центрах создавались кроме газет на местных языках, также газеты на русском языке. Это касалось всех союзных республик, а не только Белоруссии и Украины. На Украине и в Белоруссии русские газеты сразу стали более влиятельны, чем газеты на местных языках, так как здесь партийный аппарат стал быстро приспосабливаться к понятному ему языку «Ленина-Сталина». В Белоруссии и на Украине стали открываться русские театры рядом с местными, а часто и взамен местных. Ликвидированы были украинские школы вне Украинской ССР, где проживает несколько миллионов украинцев сплошными национальными группами (Кубань, часть Воронежской и Курской областей, Поволжье, Дальний Восток и т. д.). Были ликвидированы все украинские воинские части и закрыты украинские школы красных командиров (в Харькове и в Киеве).

В национальных школах всех нерусских республик даже с родным языком преподавания вытеснялось национальное содержание и подменялось великодержавным русским. Царские завоевания и присоединение к России нерусских народов во всех нерусских школах должно изобраа-

жаться как прогресс, совершенный в интересах этих народов. Украинский гетьман Мазепа, боровшийся против царя Петра I за независимость Украины, был, как и при царях, объявлен «изменником», чего в 20-е годы, годы коренизации, конечно, не было. Герой Дагестана и Чечни Шамиль, боровшийся против порабощения народов Кавказа русским самодержавием, стал рассматриваться в новой советской историографии как реакционер. Присоединение к России Грузии, Армении и других народов Закавказья должно изображаться тоже как прогресс. Национально-освободительные движения народов Средней Азии расценивались как реакционные а их завоевание Россией — прогрессом. Потому что русская Октябрьская революция принесла присоединившимся к России народам освобождение (хотя этой революции никто тогда не предвидел).

В это время среди всех наций СССР стали укореняться понятия «старший брат» — «великий русский народ», «дружба народов», о которой в лучшие годы коренизации и относительного равноправия никто не говорил. «Дружба» появилась после разгрома коренизации и торжества великодержавного шовинизма.

В неславянских республиках и районах СССР ликвидация коренизации выразилась, кроме мероприятий, о которых сказано выше, в искусственном сближении их алфавита с русским. В двадцатых годах традиционный арабский алфавит народов Туркестана был заменен латинским. В этом новшестве не видно было, во всяком случае, русского национализма. Наоборот, в прессе поднят был вопрос о введении латинского алфавита и в русский язык. Но введение латинского алфавита в язык народов Средней Азии и некоторых кавказских сближало их с культурой Западной Европы больше, чем с русской. Чтобы ликвидировать европейские влияния среди этих народов и больше привязать их к русской культуре, латинский алфавит в республиках Средней Азии и в Азербайджане был заменен русским. Такого насильственного «сближения» не пытался делать даже царский режим.

Кстати сказать, насилие учинено и над кирилличными алфавитами белорусского и украинского языков. Например, из украинского алфавита устранена не существующая в русском языке твердая буква «Г», без которой многие украинские слова выглядят искаженными. Кроме того ликвидированы выработанные Академией Наук Укр. ССР правила украинского правописания, больше отличавшие украинский язык от русского и введены правила, подобные русскому языку. Эти правила устанавливались уже не самостоятельно Академией Наук Укр. ССР, а через аппарат ЦК компартии совместно с КГБ (последний карал за сознательное нарушение новых правил).

«Сближение» коснулось и языковых словарей нероссийских народов. В словари народов с менее развитыми языками искусственно внедрялись русские слова с грамматическим приспособлением к данному языку. Это засорение народных языков русизмами дошло до того, что, как сообщалось в печати, в таджикском языке русских слов имеется уже около восьмидесяти процентов. Усиленно внедряются русские слова и в славянские языки белорусский и украинский. Здесь это делается под личиной борьбы с «архаизмами» — старинными народными словами и выражениями, хотя в русском языке модой становятся архаизмы. В Белоруссии и на Украине требуется вводить новые рускоподобные или просто русские слова.

Для народов СССР переводы произведений западно-европейских писателей делаются с... русского языка. Произведения Маркса-Энгельса даже на Украине издаются в переводе с русского языка. Хотя эти произведения на Украине были уже изданы в переводе с оригинала, но такие переводы оказались теперь под запретом.

Разгром руководящих кадров во всех союзных республиках был закончен в период «ежовщины». В Грузии была ликвидирована группа большевиков во главе с Буда Мдивани и Леван Гегоберидзе. Мдивани был обвинен в том, якобы он вместе с другим грузинским большевиком С. Кавтарадзе готовили убийство Сталина. В Узбекистане

уничтожена была руководящая верхушка во главе с председателем правительства Файзулой Ходжаевым. Во всех республиках Закавказья и Средней Азии были истреблены руководящие партийные работники и много беспартийных граждан. Ликвидированы были национальные армейские формирования в республиках Закавказья и Средней Азии, а их командный состав расстрелян.¹¹⁵

В годы разгрома коренизации были репрессированы национальные кадры также и в автономных республиках РСФСР. Здесь наиболее потерпели татары, как наиболее динамичная нация. Цитированный уже историк советской Татарии Т. Давлетшин пишет: «Демонтаж автономных прав Татарстана завершился расформированием во второй половине тридцатых годов татарских воинских частей, сформированных в двадцатые годы. Личный состав Татарской дивизии был небольшими группами влит в общесоюзные воинские части; Татаро-Башкирская военная школа и Татарская военно-политическая школа были закрыты, их руководители репрессированы; военная газета на татарском языке «Кызылармеец» прекратила свое существование. Взамен расформированных национальных частей на территорию Татарстана были переброшены смешанные войска с русским офицерским составом».¹¹⁶ Эта ликвидация национальных воинских частей была произведена во всех республиках СССР.

Разгром коренизации в 30-х годах был ревизией решений XII съезда РКП(б) по национальному вопросу и отступлением от «Завещания» Ленина, которое уже XII съезд осуществил неполностью. С конца 30-х годов началась новая национальная политика ВКП(б)-КПСС, в основу которой легли принципы не национального равноправия, а ассимиляции и руссификации, направленные на ликвидацию отдельных наций, поглощение их российской нацией, скрытой за псевдонимом «советский народ».

VII. НОВЫЙ КЛАСС — ПАРТИЙНАЯ БЮРОКРАТИЯ И ЕЕ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Новый господствующий класс — партийная бюрократия («Номенклатура»). — Чем отличается национальная политика бюрократии от политики партии в досталинский период. — Советский бонапартизм. — Раздел Польши и собирание Москвой имперских земель (Прибалтика, Бесарабия, Западноукраинская Волынь, война с Финляндией). — Коммунизм господствующей и коммунизм угнетенной нации. — Усиление великодержавного шовинизма после Второй мировой войны. — Ликвидация малых народов. (Стр. 130—151).

Разгром коренизации происходил одновременно с возникновением нового господствующего слоя. Этот слой, созданный партийным аппаратом и бюрократией, зарождался еще при Ленине из введенного еще Лениным «единоначалия». Власть «единоначальников» над экономикой и всей советской системой существовала уже в 20-х годах. Но партийная власть была явлением только политическим а не социальным. Все партийные руководители получали зарплату в виде «партмаксимума», то есть суммы, не превышающей средней зарплаты квалифицированного рабочего. Так что беспартийный инженер на предприятии получал иногда больше, чем коммунист-директор. Правда, для ответственных коммунистических кадров уже в 20-х годах существовали негласные дополнения к официальному заработку. При наркомздраве была учреждена Центральная Лечебная Комиссия (ЦЛК), которая оплачивала коммунистам отдых на курортах и выдавала денежную помощь в размерах в зависимости от ранга получающего. Иногда «помощь» была весьма высокой. Для руководящих работников существовали секретные (негласные) фонды, во много раз превышающие официальный партмаксимум. Например, в

1923 г. для председателя ВУЦИКа (Верховного Совета) Украины Г. Петровского была построена под столицей Харьковом вилла, с асфальтовой дорогой к ней, откуда Петровского ежедневно возили автомобилем на работу. Хотя в Харькове было достаточно роскошных вилл от дореволюционного времени и население Харькова в то время голодало.

В 30-х годах партмаксимум был отменен. Пресса заговорила против «уравниловки», якобы противоречащей учению К. Маркса об оплате «по труду». Хотя Маркс имел в виду физический труд для всех (при социализме). Определить же количество и стоимость труда не физического, например, партийного работника или следователя КГБ, по теории Маркса невозможно. Словом, в 30-х годах вместо «партмаксимума» была введена повышенная зарплата ответственным коммунистам и, например, директор-коммунист на заводе стал получать самую высокую ставку, выше всех инженеров-специалистов. То же самое и партийные работники в партаппарате. При этом дополнительная помощь из разных закрытых фондов не была отменена, а даже увеличена. Например, созданы закрытые распределители, в которых ответственные работники могли купить лучшие и отсутствующие на рынке товары (часто заграничные) по более дешевой цене. В общем партийная власть превратилась из общественного долга в материальную привилегию. Сегодня секретарь обкома КПСС может иметь в своем личном распоряжении такие материальные возможности, какие имеют в капиталистических странах только весьма крупные миллионеры.

Превращение руководящего слоя в привилегированный класс делалось преднамеренно, с целью изоляции его от масс, от их «тлетворного» влияния. Допрашивавший меня как арестованного в 1937 г. следователь НКВД (КГБ) рассказывал мне, что в лесопартке под Харьковом строится для работников НКВД современный поселок с люксовым оборудованием, куда вход для простых смертных недоступен. Кстати, этот старый чекист (позже расстрелянный) расска-

звал об этом с иронией. Так что установка центрального партаппарата на привилегии для руководящего слоя часто опережала желания многих партийных работников.

Старый коммунист академик Е. Варга в своем предсмертном (умер в 1964 г.) произведении, выпущенном Самиздатом — «Российский путь к социализму и его результаты» пишет о новом господствующем классе СССР так: «Видимо, к началу 30-х годов в среде господствующего класса была осознана необходимость создать некую негласную, но по сути дела юридическую ограниченность правящих партийно-бюрократических верхов от всех прочих слоев населения, придающую им внешнюю замкнутость и внутреннюю устойчивость, лишая их личный состав случайности, текучести, вхождения в него непроверенных и ненадежных элементов. Такая ограниченность господствующего класса получила свое выражение в понятии 'номенклатура', в создании персональных списков особо выделенных, проверенных, облеченных высшим партийным доверием лиц, которым можно поручить ответственную партийную и государственную работу. 'Номенклатурные' работники были поставлены тем самым в привилегированное положение по отношению ко всей массе трудящегося населения. Этим партийно-бюрократические верхи освободили себя от общественного мнения трудящихся, привыкли пренебрегать им. Их деятельность стала протекать при относительной, а иногда, помимо общественной, нередко и внутрипартийной бесконтрольности. Естественно, что при этом правящие верхи стремились подкрепить свою негласно-юридическую привилегированность — привилегированностью материальной: негласным законом пользование различными имущественными благами... Сюда относится высокая заработная плата, дополнительные денежные пакеты, продовольственные пайки, закрытые столовые, большие, часто роскошно обставленные квартиры, а также дачи с садами, цветниками, теннисными кортами, бассейнами, персональные машины с шоферами, санатории высшего уровня».¹¹⁷

Дисиденты С. Зорин и Н. Алексеев так характеризуют

новый господствующий класс — «номенклатуру»: «Номенклатура не отчуждаема так же, как и капитал в буржуазном обществе. Она служит правовой основой нашего строя аналогично праву частной собственности при капитализме... Государственная собственность на средства производства и централизованное планирование означают, что всеми суммами бюджета, всеми прибавочными продуктами, создаваемыми трудом народа, коллективно распоряжается замкнутый круг лиц, каждый в соответствии с рангом. Здесь номенклатура выступает как форма собственности. По существу это единый государственно-монополистический трест, в котором положение и пост равносильны пакету акций».¹¹⁸

О том, как сегодня новый господствующий класс использует народное хозяйство в своих интересах, как он изолирует себя от народа, рассказывает академик А. Сахаров:

«По специальному решению правительства всех без исключения рядовых граждан выселяют из центральной части Москвы — им предоставляют отдельные квартиры на каждую семью, конечно, очень тесные по западным стандартам, но много лучше московских «коммуналок», их поселяют в окраинных новых районах, застроенных стандартными многоэтажными домами и они этому очень рады». В центре Москвы все старые строения «безжалостно сметаются для строительства люкс-домов, заселяемых тщательно отобранной элитой. Все снабжение и обслуживание тут — по самому высшему стандарту, строится даже специальный канал для водоснабжения особо чистой водой... Кругом Москвы — кольцо персональных роскошных дач, окруженных непроницаемыми высокими заборами — это главный бастион торжествующей номенклатуры, символ власти и благополучия. Дача, оставшаяся у меня от моего прошлого, выглядит примерно так же».¹¹⁹

Но такой господствующий класс нельзя было выдвинуть из поколения старых большевиков, воспитанных в царском подполье или в гражданской войне, то есть из людей идейных и жертвенных. Отбор нового класса происхо-

дил из более молодого поколения, воспитанного не в условиях борьбы за народные интересы, а борьбы за выполнение пятилеток и коллективизации, с жестокой эксплуатацией народных масс. Достаточно сказать, что в годы «ежовщины», когда арестовывали сотни тысяч партийного актива, на место арестованных приходили те, кто помогал раскрывать «врагов народа», т. е. приходили люди беспринципные, карьеристы, которые хорошо знали, что вычищенные и арестованные их предшественники, люди ни в чем неповинные и никакие «враги народа». Но положение в аппарате часто обязывало очернять таких людей, иначе и сам мог попасть в опалу. Словом, подбор новых руководителей происходил «применительно к подлости». (Салтыков-Щедрин).

В общем смена поколения руководителей представляла собой настоящий государственный переворот, в котором было ликвидировано большинство членов ЦК партии, большинство членов правительства и Верховного Совета. Из 139 членов и кандидатов ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии (1934 г.), было расстреляно 98 человек и 4 умерло «своей» смертью.¹²⁰

В союзных республиках принцип «коренизации» сохранялся только формально, то есть, на руководящие посты выдвигались в основном люди данной национальности, но выдвигались по тому же принципу «применительно к подлости» — безидейные карьеристы, вовсе не заинтересованные в национальном возрождении своего народа. Наоборот, их руками производилась ликвидация национальных учреждений, руссификация и ассимиляция. На Украине такое поколение «коренных» руководителей получило презрительное наименование «малороссы».

Точно также как Сталин не доверял коммунистическим кадрам, работавшим вне партийного аппарата, он не доверял национальным кадрам, замкнутым в своем родном языке. Поэтому национальные языки были вытеснены из употребления прежде всего в партийных аппаратах. Позже это перекинулось и на другие советские аппараты. Нацио-

нальный вопрос стал решаться не в интересах нероссийских народов, а для удобства партийного управления этими народами. Это сочеталось также с возрождаемыми имперскими русскими традициями и создавало новый гибрид партработника, в котором сливались интересы нового господствующего класса с привилегиями российского национализма.

В связи с этим совершенно изменились принципы национальной политики большевизма. Раньше — в сочинениях Ленина, в партийной программе 1919 г. и во всех решениях партийных съездов и партийных органов национальный вопрос рассматривался как составная часть борьбы рабочего класса против всякого угнетения человека человеком — социального и национального. В 1914 г. Ленин писал в своей работе «О праве наций на самоопределение»: «В каждом буржуазном национализме угнетенной нации есть общедемократическое содержание *против* угнетения, и это-то содержание мы безусловно поддерживаем». (Подчеркнуто у Ленина).¹²¹ После выделения из партийных кадров нового господствующего класса этот освободительный принцип в решении национального вопроса был отодвинут принципом «партийной целесообразности», то есть решения национального вопроса в интересах укрепления власти коммунистической партии. Но так как власть партии превратилась во власть нового господствующего класса партийной бюрократии, а интересы бюрократии, как сказано, сливались с интересами русского великодержавного национализма, то «партийная целесообразность» в решении национального вопроса означала отмену коренизации, руссификацию и ассимиляцию.

Но здесь следует отметить еще одно важное обстоятельство. Возглавляемый Сталиным партийный аппарат рассматривал срастание коммунизма с российским шовинизмом как использование шовинизма в интересах мировой победы коммунизма. Однако Сталин уже понимал, что оккупация советской армией других стран будет означать русскую гегемонию в них, потому что советская армия воспитана на

суворовских имперских традициях и оторвать ее от них уже невозможно. Сталин понимал, что это будет уже не ленинская национальная политика, а сталинская, великодержавно националистическая.

Понимал ли он, что он создал новый эксплуататорский режим с новым господствующим классом? Из его произведений надо заключить, что не понимал, или, скорее, отогнал такую мысль. Сталин всюду выступал и писал, что эксплуатация человека человеком родится только на базе частной собственности на средства производства. С большой натяжкой, повидимому в порядке самовнушения, Сталин старался не видеть разницы между национализацией (огосударствлением) частной собственности на средства производства с ее социализацией, т. е. обобществлением. Самовнушением следует назвать это потому, что Сталин не мог не знать утверждений хотя бы того же Ленина, о принципиальной разнице между национализацией и социализацией. Национализация, говорил Ленин, может стать началом социализма, если рабочие начинают при этом брать в свое управление национализированные (огосударственные) средства производства. По Ленину выходило так, что утверждение социализации означает ликвидацию национализации, замену государственной собственности на средства производства общественной. Это Сталин, конечно, знал, но он «не хотел этого знать», считал свой режим единственно возможной формой социализма в СССР. То есть такой формой, когда государственная собственность на средства производства находится в неограниченной власти партийного аппарата. А чтобы этот аппарат и вся партийная бюрократия была более послушна ему, Сталин взялся проводить перманентные чистки. Первая такая кровавая чистка (ежовщина) ему удалась. На второй, начинавшейся процессом кремлевских врачей, дело сорвалось. В загадочных обстоятельствах Сталин умер. Расстрелянный им кандидат Политбюро Сырцов назвал Сталина эмпириком, не понимающим событий дальше злободневности. До самой смерти он не хотел понять, что эксплуатация человека человеком может

быть и без частной но при государственной собственности. Не хочет этого признать и теперешнее руководство КПСС. Всякими дорогами оно обходит понятие «государственный капитализм».

Но уже в довоенные годы, после кровавой коллективизации, Сталин понял, что созданный им в СССР режим может быть только террористическим, без какого бы то ни было демократического примирения с народом и в особенности с нероссийскими нациями. Поэтому выход для «коммунизма» пришлось искать в экспансии на капиталистический мир — в перенесении на Западную Европу любыми методами сталинской коммунистической власти, советских «завоеваний революции».

Для подготовки этого в годы «ежовщины» была произведена чистка также в коммунистических партиях Европы. Находившиеся в Москве представители этих партий были в большинстве уничтожены, а их партии были обсажены верными Сталину (приспособившимися к нему) руководителями. Партийная база для возможного захвата Европы была создана. Началась горячая подготовка к войне.

Этот период можно считать началом советского бонапартизма, то есть перенесения созданного революцией режима на другие страны военной силой. То, что делал Наполеон Бонапарт в Французской революции. Советский специалист по Французской революции академик Е. Тарле (представитель того русского национализма, который пошел на симбиоз со сталинским коммунизмом) выпустил в 1936 г. книгу «Наполеон», в которой подсказывал Сталину (и советской бюрократии) тактику при возможном столкновении СССР с Европой. Для большей убедительности Тарле пользовался цитатами из К. Маркса. В частности привел такую характеристику Марксом бонапартизма: «Режим террора, который сделал свое дело во Франции, Наполеон в других странах применил в форме войны». В другом месте Тарле приводит слова Маркса о том, что Наполеон очищал авгиевы конюшни Европы от остатков феодализма. С другой стороны, Тарле уверял своих единомышленников спра-

ва, что Наполеона ни в коем случае не следует считать завершителем революции, а с полным правом — ее ликвидатором.¹²² Характеристика бонапартизма академиком Тарле оказалась позже очень совпадающей с исторической ролью сталинизма (прошлого и сегодняшнего).

Бонапартистские настроения Сталина проявлялись уже в начале 30-х годов. Так, в день своего рождения 21 декабря 1932 г. Сталин в тесном кругу партийных деятелей произнес тост: «Нас обвиняют в красном империализме. Ну, что же — выпьем за красный, империализм!»¹²³ Уже с этого времени СССР начинает «догонять и перегонять» Европу в... вооружениях. Так, по советским данным 1940 г., стрелковый корпус советской армии мог выпустить в одну минуту около 79 тысяч кг снарядов, гранат и пуль. В то время как стрелковый корпус французской армии только около 61 тысячи кг, а корпус немецкой армии лишь свыше 59 тысяч кг. «Все другие роды войск советской армии также оснащены техническими средствами борьбы лучше, чем какая бы то ни было капиталистическая армия... Красная армия выросла количественно».¹²⁴

Бонапартистские планы в отношении «капиталистического окружения» меняли национальную политику господствующего класса бюрократии не только по отношению к советским нациям, но и нациям капиталистических стран. Фактически сталинизм их не признавал. Даже такой исторической нации как Польша, государственную независимость которой признавал весь мир. После разгрома гитлеровской армией Польши СССР заключил с Германией договор 28 сентября 1939 г., об «установлении точных границ между обоими государствами», то есть о разделе Польши. Таким образом ЦК ВКП(б) совместно с партией Гитлера ликвидировал национальное самоопределение польского народа. Советский источник того времени заявил: «Польское государство — уродливый плод Версальской системы... было разгромлено и развалилось на протяжении каких-либо десяти дней... был создан тем самым крепкий фундамент для длительного мира в Восточной Европе... В

Польше не нашлось ни одной общественной силы, которая желала бы сохранить существование лоскутного, искусственно созданного государства»... Договор 28. 9. 39 о разделе Польши «предусматривает, что необходимое государственное переустройство производится на одной части этой территории немецким, на другой — советским правительством». По советским источникам того времени виновником войны оказалась не нацистская Германия, а Польша: «На вооруженную войну с Германией толкнули Польшу те же Англия с Францией... Таким образом, агрессорами и поджигателями войны являются два крупнейшие государства Западной Европы, которые напали на Германию и ведут борьбу за колонии и за мировое господство».¹²⁵

Если даже согласиться с сегодняшними сталинистами, что раздел Польши был со стороны Кремля лишь тактическим приемом и временной уступкой Гитлеру, то Гитлеру все же не нужны были такие заявления советской пропаганды как — «в Польше не нашлось ни одной общественной силы, которая желала бы сохранить существование искусственно созданного государства». Наоборот, воинствующему нацизму бóльшим комплиментом было бы заявление, что нацизм сумел за десять дней разгромить даже крепкое польское национальное государство... Так что большевистская пропаганда искренне убеждала народы СССР, что польское государство, самоопределение польского народа для коммунизма не нужны, что это вредит интересам партии. Это был совершенно новый и, конечно, отличный от ленинского курс в национальной политике компартии.

Таким же бонапартистско-захватническим приемом оказалось присоединение к СССР летом 1940 г. независимых прибалтийских государств Эстонии, Латвии и Литвы. Захватывая эти государства Москва, правда, провозгласила их «равноправными» союзными республиками СССР. Но что это было за «равноправие», свидетельствует сегодняшний этноцид в этих республиках: там местные народы скоро будут сведены до национального меньшинства, так как коренных эстонцев, латышей и литовцев выселяют и заме-

няют переселенцами из РСФСР и других союзных республик. Такое «равноправие», конечно, хуже временного раздела Польши в 1939 г., потому что после окончания войны полякам удалось избавиться от удела быть «братской» союзной республикой с этноцидом вроде прибалтийского. Польше удалось, при поддержке западных союзников отстоять свою, пока хотя бы и сателитную, государственность.

Полным игнорированием принципа самоопределения наций было также типично бонапартистское нападение СССР на Финляндию в ноябре 1939 г. Присоединение ее к СССР «мирным» путем (как позже присоединение Прибалтики) не удалось осуществить. Поэтому пришлось вести войну. Но при всем техническом превосходстве и численности советских вооруженных сил (см. выше — «лучше, чем какая бы то ни была капиталистическая армия»), СССР в этой войне продемонстрировал свою военную слабость и, прежде всего моральное состояние армии, а также отрицательное отношение населения СССР к этой захватнической войне. Поэтому советское правительство ухватилось за возможность заключить с Финляндией мир, который и был подписан в Москве 12 марта 1940 года. Финляндия отстояла свою национальную независимость и спасла себя от участи Эстонии, Латвии и Литвы.

Но неудержимая экспансия советского бонапартизма толкала его к дальнейшим захватам. Вероятно с молчаливого согласия Гитлера, обремененного войной на Западе, СССР захватил этнически румынскую Бессарабию, населенную в основном румыно-молдаванами. В советском словаре сказано: «28 июня 1940 г. Советское правительство мирным путем возвратило Бессарабию СССР».¹²⁶ «Мирной путь» означал ультиматум Румынии. Советское правительство ссылалось на то, что Бессарабия в 1812 г. была отторгнута от Румынии царским правительством, а в 1918 г. Румыния возвратила ее себе. Тепер сталинский коммунизм продолжал воссоединять имперские территории России. Характерно, что когда Румыния стала с 1947 г. коммунистическим

государством, СССР не захотел отдать ей коренных румынских национальных территорий, именуемых теперь Молдавской «союзной» республикой. Это создало отчужденность «братских» коммунистических стран, проявлением чего является массовые публикации в Румынии статей Маркса-Энгельса, высказывавшихся против захвата царской Россией Бессарабии, и, наоборот, запрещением публикации этих статей в СССР.

Но особенно ярким разрывом с коммунистическим принципом «самоопределения наций» было отторжение от коммунистической Германии (ДДР) Восточной Пруссии, выселение оттуда (по гитлеровскому методу) всех немцев, даже коммунистов, и заселение ее русскими и некоторыми другими национальностями СССР, но, конечно, без обеспечения их национальных интересов, то есть с господством русского языка, что является теперь типичным методом ассимиляции и руссификации. Если внутри СССР насильственная ассимиляция все еще оправдывается «интересами коммунистической партии», то отторжение Восточной Пруссии от коммунистической Германии нельзя уже оправдывать коммунизмом. Суворовский принцип строения советской армии и всей государственной идеологии требует от КПСС вещественных, а не только словесных доказательств русского патриотизма. Впрочем суворовские вещественные доказательства (вроде присоединения к СССР чужих, даже коммунистических территорий) повидимому стали теперь близки к сердцу и руководителям КПСС.

Захват чужих территорий с нарушением суверенитета наций уже с конца 30-х годов осуществляется Советским Союзом под всевозможными предлогами. Для верных Москве коммунистических партий оправданием территориальных захватов является расширение границ коммунизма. Для российского национализма — воссоединение старых территорий Российской империи (Прибалтика, Бессарабия, неудачная война с Финляндией, попавшая в 1920 г. под власть Польши украинская Волынь); или расширение границ империи (захват украинской Галиции, захват японских

Курильских островов, попытка оторвать от Турции во время войны турецкую часть Армении и захватить Дарданеллы и т. д.). Для нероссийских народов СССР оправданием захвата выдвигается «воссоединение» с «единокровными» братьями (украинцев приднепровских с украинцами галицийскими, белоруссов восточных с западными, армян советских с турецкими, молдаван (румын) советских с бесарабскими, «карело-финов» с финами в Финляндии и т. д.). Для мирового коммунизма и российского национализма аргументом захвата выдвигается также стратегическая важность захваченных чужих территорий (северная часть Финляндии, Прибалтика, Восточная Пруссия, Курильские острова, оккупация китайской Внешней Монголии и т. д.). Понятие «стратегическая важность» весьма туманное и растяжимое. Сегодня это — Восточная Пруссия, завтра может быть Амстердам или даже французский Брест. Сегодня это — Курилы, завтра — целая Япония как заслон от США и т. д.

Надо сказать, что аргумент — расширение путем войны территории коммунизма, не сталинское изобретение. Этот аргумент существовал и при Ленине. Сталин сделал его только универсальным орудием советского бонапартизма. Опираясь на этот аргумент, ленинская РСФСР захватила военной силой независимую Украинскую Народную Республику, которая и без военного захвата могла бы стать советской, но независимой от России республикой, а такой советской Украины Москва признать не хотела. При Ленине военным захватом были советизированы Закавказские республики (Грузия, Азербайджан, Армения). Была попытка сразу же после Октябрьского переворота захватить военной силой Финляндию, Прибалтийские государства. В 1920 г. войной с Польшей Советская Россия пыталась советизировать ее и превратить позже в союзную республику СССР. При всех этих завоеваниях использовался и российский национализм (дескать красная армия воссоединяла старые имперские территории). В 1923 г. Л. Троцкий планировал наступление красной армии через Польшу на Германию для

поддержки происходившей тогда германской революции. Этот план был отвергнут сталинским руководством, учтившим, что в таком наступлении красная армия не найдет поддержки русского национализма, какую она имела при походе на Варшаву в 1920 году.

Конечно, завоевательные войны ленинских времен инспирировались в основном интернациональными целями русского коммунизма и национализм русский использовался при этом только тактически. Политический симбиоз коммунизма с русским национализмом осуществил Сталин. Сталину этот симбиоз был навязан его изолированностью в компартии и в стране, изолированностью связанной с его нерусским происхождением, и с целым рядом его политических неудач и провалов (брутальный разгром всех оппозиций, неудачная коллективизация, ежовский террор, создание нового господствующего класса и т. д.). В ленинские времена в коммунистическом лагере предполагалось, что завоевание красной армией других стран принесет туда только социальное освобождение, не нарушая национального суверенитета завоеванных стран. Сегодняшние троцкисты и теперь утверждают, что если бы не Сталин, если бы сохранилась ленинская линия в коммунизме, наступательные войны коммунизма на другие страны не нарушали бы ихнего национального суверенитета. Однако опыт уже ленинских времен свидетельствовал, что приход русской красной армии, например, на Украину в значительной степени ликвидировал ее национально-освободительные завоевания и реставрировал в ней русское господство. Это тем более легко давалось, что украинские города были колонизированы и руссифицированы империей. Но то же русское господство только в смягченной форме принесла бы красная армия и в Польшу, если бы Советская Россия своей силой насаждала и там коммунизм.

Вообще после завоевания власти коммунизмом в Октябре 1917 г. в его теории национального вопроса возникло противоречие. С одной стороны коммунизм провозглашал ликвидацию национального угнетения. С другой стороны,

для коммунистического государства в капиталистическом окружении жизненно важным стало расширение его границ для поддержки «братьев-пролетариев» в других странах. При чем это расширение границ силами национально чужой красной армии было неизбежно связано с ограничением а то и полной ликвидацией национального суверенитета «освобожденных» (завоеванных) стран. Причиной такого противоречия в коммунизме является повидимому сама природа государства, которое при «диктатуре пролетариата» является особенно мощным орудием насилия. В чьих национально (прежде всего языково) руках находится это орудие насилия, тот и решает национальный вопрос «по образу своему и по подобию».

В связи с этим неизбежно и некоторое противоречие между коммунизмом господствующей и коммунизмом угнетенной нации. Для первого, не испытывавшего национального угнетения своего народа, важнейшей задачей коммунизма является расширение его государственных границ. Для второго не менее важной задачей является также завершение национального освобождения своего народа, закрепление его национального равноправия и суверенитета. Тем более, что в аппаратах советского государства и после Октябрьской революции не ослабевала тенденция господствовать над нерусскими народами. Коммунисты господствующей нации, даже если они искренние интернационалисты, отодвигают практическое (не декларативное только) решение национального вопроса угнетенных народов на будущее. Так Ленин за год до смерти в декабре 1922 г. писал, как уже сказано, что переделать царско-буржуазный государственный аппарат, а значит и правильно решить национальный вопрос в России «в пять лет при отсутствии помощи от других стран и при преобладании «занятий» военных и борьбы с голодом не было никакой возможности». Но эта «возможность» отсутствовала еще и потому, что Ленин, как представитель господствующей нации, впадал в ее менталитет, когда говорил о национальном угнетении. Так, в «Письме к рабочим и крестьянам Украины по поводу побе-

ды над Деникиным» (1919 г.) Ленин писал: «Среди большевиков есть сторонники полной независимости Украины, есть сторонники более или менее тесной федеративной связи, есть сторонники полного слияния Украины с Россией. Из-за этих вопросов расхождение недопустимо... Было бы единство против ига капитала, за диктатуру пролетариата, а из-за вопроса о национальных границах, о федеративной или иной связи между государствами коммунисты расходиться не должны».¹²⁷

Здесь Ленин, признавая за коммунистами угнетенной нации право защищать независимость своей страны (Сталин уже расстреливал за это), все же ставил на одну доску коммунистов, борющихся против национального неравенства, и коммунистов отстаивающих поглощение господствующей нацией нации угнетенной («полное слияние Украины с Россией»). Такое поглощение Ленин почему-то не считал отступлением от коммунизма. Украинские коммунисты не заметили этого отступления и поверили Ленину, пока Сталин в борьбе за «полное слияние Украины с Россией» не удушил голодом миллионов десятков украинцев. Тогда только украинским коммунистам стало ясно, что отодвигать на второй план борьбу за равноправие и независимость своего народа — преступно.

В системе сталинского коммунизма в настоящее время можно назвать два типа партийных работников с разным отношением к национальному вопросу — работников наций зависимых и работников наций господствующих. Представителем первой группы можно назвать, например, председателя Объединенной Социалистической Партии Германии (СЕД) Гонекера в Германской Демократической Республике. Он не только считает совместимым с идеями коммунизма отторжение от германской территории и присоединение к России Восточной Пруссии, выселение оттуда всех немцев (даже и коммунистов) и заселение ее русским по языку населением, не только прочие ущемления национальных интересов немецкого народа, но наверное пошел бы и на полное поглощение Советским Союзом немецкого на-

рода, как поглощаются все нации в СССР единым «советским народом». Пошел бы, если бы этого от него потребовали установленные Москвой «интересы коммунизма».

И другой тип сталинского коммуниста — партийные работники КПСС (представляющие господствующую нацию), которые тоже считают совместимым с идеями коммунизма присоединение Восточной Пруссии к России, а если бы понадобилось, то и поглощение немецкого (и всякого другого) народа «новой исторической общностью людей — советским народом». Но этот другой тип сталинского коммуниста ни за что не согласился бы, чтобы в мировом коммунизме образовалась еще более мощная чем «советский народ» «новая историческая общность людей» (например, с центром в Пекине), которая потребовала бы «в интересах коммунизма» поглощения в себя также и «советского народа». Руководители массовых европейских компартий (Италии и Франции) повидимому почувствовали нависшую над ними угрозу братского «сближения» и «слияния» в «новой исторической общности людей — советском народе» и пытаются оттолкнуться от такой перспективы.

Переориентация компартии СССР во время Второй мировой войны с марксизма-ленинизма на российский национализм, так сказать с Маркса на Суворова была не только дипломатической тактикой, но и жизненной необходимостью. Во-первых потому, что Марксом и Лениным нельзя уже было объяснить и оправдать появление в СССР взлелеянного партией нового господствующего над народом класса. Нельзя было объяснить беспощадную эксплуатацию этом классом рабочих и колхозников с растущими материальными привилегиями для нового класса. Во-вторых, целое десятилетие перед войной русские партийные кадры воспитывались на культе Петра I, Суворова, Кутузова и других имперских деятелей, а также на завоеваниях и покорениях других народов. Правда, этот культ отталкивал от режима КПСС завоеванные и покоренные народы, но с этим отталкиванием КПСС уже не считалась, жесточайше преследуя отталкивающихся как «буржуазных националистов».

Надо признать, что освобождение СССР от гитлеровского нашествия обеспечила не только авиация союзников, парализовавшая Германию, но и раздуваемый компартией русский шовинизм. И Сталин вынужден был воздать этому шовинизму должное, провозгласив в Кремле 24 июня 1945 года на банкете офицеров армии свой исторический тост в честь русского народа. При этом Сталин говорил: «Я пью прежде всего за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, которые входят в состав Советского Союза. Я пью за здоровье русского народа не только потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящая сила Советского Союза среди всех народов нашей страны... но и потому, что у него ясные ум, стойкий характер и терпеливость... он верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа стало той решающей силой, которая обеспечила решающую победу».¹²⁸ Другим народам СССР, которые понесли во время войны еще большие чем русский народ жертвы, Сталин не воздал никакой чести. О белорусах и украинцах, которые оказались полностью под нацистской оккупацией, Сталин не сказал ни слова. Из уничтоженного во время войны имущества — 679 млрд. рублей по всему СССР, на долю только Украины приходилось 285 млрд. В результате войны Украина потеряла 15% своего населения, из которых 1,5 миллиона гражданского было уничтожено нацистами, а 4,7 мил. не вернулось с фронта, с тыла и из Германии.¹²⁹ Таких (относительно) потерь РСФСР не знала.

Восхваляя только русский народ, Сталин карал террором и геноцидом другие народы СССР, якобы за «измену родине». Так еще в начале войны — в сентябре 1941 г. было выселено в Сибирь немецкое население автономной республике «Немцев Поволжья», а республика эта была в 1945 г. официально ликвидирована. В 1944 г. была ликвидирована Чечено-Ингушская автономная ССР, а ее население выселено. В 1943 г. была ликвидирована Калмыкская

АССР и население ее выселено. В 1944 г. из Кабардино-Балкарской АССР выселено балкар а их имя вычеркнуто из названия республики. В 1944 г. из Карачаевско-Черкесской автономной области были выселены карачаевцы. Сразу же после войны были выселены из Крыма татары, а их автономная республика 25 июня 1946 года была официально ликвидирована. Выселению подлежал и украинский народ, но помешало слишком большое количество украинцев, как об этом признался Хрущев на закрытом заседании XX съезда КПСС. Характерно, что выселяемые из своих родных мест народы поселялись в Сибири и Казахстане не компактной массой, а рассеянно, то есть ликвидировались национально, как этническая целость.

Выселение производилось без какого-либо классового «марксо-ленинского» подхода. Ночью в села заезжали грузовыми автомобилями вооруженные агенты КГБ и забирали все национальное население. Брали всех, в том числе и администрацию, местных коммунистов, героев и инвалидов «Отечественной» войны. Аргументом для выселения считалась «измена родины», коллаборация с немецким оккупантом. Но коллаборировало с немцами, во-первых, не все население и наверно не коллаборировали герои и инвалиды войны, члены компартии и советская администрация. Среди всех народов СССР были «коллаборанты», в том числе не малое количество и среди русских. Напр., коллаборантом считалась Российская Освободительная Армия — РОА, во главе с генералом Власовым. Перенося на весь народ (нерусский) коллективную ответственность за поступки отдельных его представителей или групп, Сталин и ЦК КПСС тем самым признавал национальный фактор более важным чем классовый. Эта установка ЦК КПСС подвела логический базис под сегодняшние националистические движения угнетенных в СССР нерусских народов.

Настоящей причиной выселения малых народов была не «измена», а запланированная ЦК КПСС ликвидация многонационального состава империи, ассимиляция сначала малых народов в российском этническом море. Громадную

роль играли также стратегические планы советского бонапартизма. Например, выселение из Крыма мусульман татар, с Северного Кавказа других мусульманских народов диктовал страх Москвы как бы эти народы не стали базой для интервенции со стороны расово и религиозно близкой им Турции. Здесь снова национальный аргумент превалирует над классовым: КПСС все больше срастается с российским национализмом, становится выразителем его интересов. Сталин понимал, что если русскому народу противно истребление малых народов СССР, то для исторических планов российского великодержавия это выгодно и что он, «иноходец», может более решительно осуществлять эти планы, чем русский по национальности политик.

Понимал Сталин и то, что потерявшие от его шовинистической великодержавной политики нероссийские народы будут готовиться к национальному сопротивлению. Поэтому он стремился разложить их пропагандой, задобрить внешними, ничего не значащими уступками. Это касалось в особенности близких к Западу советских народов — украинцев и белоруссов. Для них Сталин выговорил у союзников право представительства в ООН. Впрочем, это представительство было выгодно прежде всего Москве: два лишних голоса в ООН и возможность маневрировать там — выступает дескать не Москва, а Украина или Белоруссия и т. д. В мае 1944 г. сразу же после освобождения Украины от немецкой оккупации IV сессия Верховного Совета УССР приняла закон о расширении конституционных прав УССР — право на дипломатические связи с иностранными государствами и на формирование украинского войска. Но эти уступки были сезонного порядка — пока гитлеровские армии не были окончательно разбиты. Вместо украинских войск оперировавшие на территории Украины русские войска были переименованы в 1-й и 2-й украинский фронт, название, которое с концом войны исчезло. Созданное в Киеве военное министерство Укр. ССР до последнего момента не имело даже помещения, а теперь, конституцией СССР 1977 г., вообще ликвидировано. Дипломатические свя-

зи Украины и Белоруссии не разрешены не только в отношении капиталистических государств, но и «братских» стран Варшавского блока — страх, а что если с «братскими» странами начнется не контролируемое Москвой сближение.

Но под прикрытием таких сезонных пропагандистских уступок отдельным союзным республикам, сразу же после войны начался во всех союзных республиках реальный погром «буржуазного национализма». Особенно широкий размах он получил в период так называемой «ждановщины». Последняя имела многостороннее направление. Во-первых, это была борьба против «низкопоклонства» перед «гнилым Западом». Миллионы советских людей побывали в Западной Европе (как солдаты и как рабочие на принудительных работах в Германии), увидели более высокий материальный и культурный уровень жизни и заразились «низкопоклонством», то есть увлечением к Европе. «Ждановщина» должна была это искоренить. Наибольшее обвинение в «низкопоклонстве» было брошено «бездомным космополитам», под которым разумелись в основном евреи. Таким образом «ждановщина» прикрывала начавшийся после войны партийный антисемитизм — чистку наиболее ответственных аппаратов от еврейских кадров.

Но в национальных республиках и в особенности в тех, которые побывали под нацистской оккупацией, «ждановщина» была направлена кроме того против местного «буржуазного» национализма. «Ждановщина» требовала, чтобы национальные культуры теснее сближались с культурой «великого русского народа». Неофициальное название — «ждановщина» произошло от имени второго после Сталина секретаря ЦК компартии — А. Жданова, руководившего идеологическими вопросами в партии и дававшего указания по борьбе с «низкопоклонством».

Со «ждановщиной» совпадала и перманентная чистка кадров партии, в особенности в республиках, бывших под нацистской оккупацией. Например, на Украине только за полтора послевоенных года было сменено около 50% ру-

ководящих работников обкомов и аппарата ЦК КП(б)У, 38% секретарей райкомов партии, 64% председателей райисполкомов, 66% директоров МТС. На официальном языке это называлось «текучестью кадров».¹³⁰ Но в действительности это была чистка, тесно связанная с борьбой против «буржуазного национализма».

VIII. НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КПСС В ЭПОХУ ХРУЩЕВА

Победа партийного аппарата в межаппаратной борьбе после смерти Сталина и продолжение им шовинистической политики в интересах господствующего класса бюрократии. — Закон Хрущева «О связи школы с жизнью» самый сильный после Октябрьской революции удар по национальным правам нероссийских народов СССР. — Хрущевские совнархозы усилили позиции нероссийских народов. — Осуждение культа Сталина укрепило национализм нероссийских народов. — Жесткие меры против «буржуазного национализма» угнетенных народов. — Новая программа КПСС открыто русско-националистическая. — Народы СССР руссифицируются «добровольно». — Национальные (нерусские) языки должны прославлять руссификацию. — Национальные (нерусские) школы поставлены в условия бесперспективности. — Формы сопротивления этноциду. — Причины падения Хрущева. (Стр. 152—174).

Смерть Сталина 5 марта 1953 г. внесла замешательство и панику в ряды его наследников. Прежде всего они боялись появления нового тирана в лице Г. Маленкова, которого Сталин выдвигал как своего преемника. Поэтому уже 14 марта Маленкова вынудили отказаться от поста первого секретаря ЦК КПСС и он остался только главой правительства. Далее, могущественный Секретариат ЦК, из которого выросла личная диктатура Сталина, был превращен в технический орган ЦК КПСС и составиля из второстепенных работников ЦК. Все было сделано, чтобы не допустить новой личной диктатуры. Был поднят даже вопрос об отказе от созданной Сталиным в 30-х годах структуры партийного аппарата и возврата к ленинской структуре, существовавшей до конца 20-х годов. То есть отказе от многочисленных отраслевых отделов в ЦК и в обкомах,

оперативно руководивших работой хозяйственных и советских органов, и возврате к трем основным отделам — оргинстр, агитроп и учраспред, чтобы коммунистам в советских и хозяйственных органах была предоставлена автономия, как то было при Ленине и в 20-х годах.

На эту тему в «Правде» 16. 4. 53 была напечатана статья заведующего партийным отделом газеты Л. Слепова «Коллективность — высший принцип партийного руководства», в которой говорилось, что «партийные комитеты — органы политического руководства. Они не могут переносить в практику своей работы методы, присущие административно-распорядительным органам... Надо покончить с такими явлениями, как перенесение в партийные организации административных методов руководства, которые ведут к бюрократизации партийной работы».

Через два дня «Правда» 18. 4. 53 напечатала передовую статью «Правильно сочетать политическую и хозяйственную работу». Не называя имени Слепова, передовая «Правды» категорически отрицает его предложение: «Тот, кто думает в нашей практической работе отделить хозяйство от политики, усилить хозяйственную работу ценой преуменьшения политической работы, или наоборот... обязательно попадает в тупик... Метод партийного руководства хозяйственными органами заключается в том, чтобы повседневно направлять и контролировать их деятельность... Требование всемерно улучшать партийно-политическую работу... не значит, что партийные организации могут хоть в малейшей мере ослаблять свое внимание хозяйственным проблемам, а тем более отойти от хозяйственной работы. Наоборот, речь идет об усилении партийного руководства государственной и хозяйственной деятельности».¹³¹ Победил партийный аппарат над попыткой отобрать у него власть над страной, власть, которая была так расшатана после смерти Сталина. И хоть власть эта продолжала оставаться сильно ослабленной, хоть в аппарате ЦК оставался работать только один и то наименее влиятельный тогда член Президиума (Политбюро) Н. Хрущев, все же сохранение сталинской структуры аппара-

рата ЦК помогло ему быстро овладеть ситуацией и восстановить свою власть полностью как было при Сталине или даже больше.

Смерть Сталина вызвала волнения и бунты в стране. Об этом много писала тогда заграничная пресса. Были бунты среды политзаключенных, а также в национальных республиках. В Западной Украине действовали в лесах отряды УПА (Украинской Повстанческой Армии). После смерти Сталина бунты начались и в Приднепровской Украине. Так, 24 марта 1953 г. один колхозник с Правобережной Украины писал в письме земляку-эмигранту: «В последнее время здесь стало неспокойно. Появились хлопцы в Черном Лесу. Больше писать не буду, сам понимаешь что это такое».¹³²

События на Украине вызвали неожиданную реакцию ЦК КПСС. В печати появилось сообщение о снятии с поста первого секретаря ЦК КПУ Л. Г. Мельникова за «извращения ленинско-сталинской политики, выразившееся в порочной практике выдвижения на руководящую работу в западных областях Украины преимущественно работников из других областей УССР, а также в фактическом переводе преподавания в западно-украинских вузах на русский язык». Постановление это вынес пленум ЦК КПУ, но, конечно, по указанию ЦК КПСС. В постановлении далее сказано, что «пленум ЦК КПУ наметил практические меры по... проведению ленинско-сталинской национальной политики... Пленум снял с поста первого секретаря и вывел из состава Бюро ЦК КПУ Украины тов. Мельникова Л. Г., как не обеспечившего... проведения национальной политики партии».¹³³ Первым секретарем ЦК КПУ вместо Мельникова (москвич) был избран А. И. Кириченко. Впервые за двадцать лет на пост первого секретаря ЦК КПУ был избран украинец.

Конечно, Мельников не проводил специально антиукраинской политики, он действовал точно по инструкциям из ЦК КПСС. Последний, снимая Мельникова, только демонстрировал изменение своей национальной политики на Украине. При чем демонстрировал совсем не по-сталин-

ски. При Сталине, от ликвидации коренизации (начало 30-х годов) и до смерти Сталина, никогда не говорилось о перегибах в руссификации. Теперь сказано впервые. Правда, для смягчения впечатления от этого «прорыва» в национальной политике, Мельникову была приписана вина и за «крупные ошибки» в колхозном строительстве в той же Западной Украине. Смягчать впечатление должна была и локализация ошибок Мельникова только территорией Западной Украины. Но в действительности уступки в национальной политике касались, хоть и не в такой решительной форме, всей Украины. И не только Украины.

Последовавшие за пленумом ЦК КПУ события подтверждают это. Вот один только факт. Передовая статья республиканской газеты «Радянська Україна» 28. 6. 53 критиковала руссификацию вузов по всей Украине и требовала их украинизации, так как «вполне естественно, что это обстоятельство утрудняло обучение тысяч студентов, отрицательно сказывалось на их успешности. Надо решительно покончить с недооценкой украинского языка в вузах, наладить преподавание на родном языке». И так далее.

В других республиках дело пошло тоже на смягчение национальной политики. В этом отношении большую роль играл Л. Берия — член руководящего триумvirата, выделенного «коллективным руководством» (Президиумом ЦК КПСС). Этот триумvirат — Маленков, Молотов, Берия — постоянно выступал как бы в одном лице. Учитывая рост национального сопротивления в нероссийских республиках, Берия решил опереться на них в своей политической линии. Между 10 и 15 апреля он учинил локальный государственный переворот в Грузии, изгнав из руководства сталинистов и поставив вместо них людей, которых Сталин вычистил за «грузинский национализм».¹⁸⁴ И в других союзных республиках Берия поддерживал национальные настроения. Это было одной из причин его падения.

Но в то время все «коллективное руководство» ЦК КПСС брало более либеральный курс в национальной политике.

Достаточно сказать, что 17. 4. 53 отдел пропаганды ЦК КПСС разослал для напечатания в местных газетах статью С. Кривошеева «Выдающаяся веха в истории Коммунистической партии», посвященную XII съезду РКП(б) (его тридцатилетию). Статья популяризирует решение XII съезда по национальному вопросу, в частности пишет: «... тормозом в деле объединения народов и республик в единый братский союз были великорусский шовинизм и местный буржуазный национализм в отдельных республиках».¹³⁵ Хотя здесь решение XII съезда несколько извращено, так как съезд не ставил на одну доску оба национализма — великорусский и местный, наоборот, в резолюции съезда сказано, что великорусский национализм — *главная* опасность и что он рождает местный национализм, все же сам факт популяризации XII съезда, который при Сталине, как и сегодня при Брежневе, замалчивается (в части национального вопроса), было неслыханным явлением в партийной пропаганде.

Или другой факт. Член ЦК КПСС, бывший редактор журнала «Коммунист» снятый Сталиным за левый перегиб, П. Федосеев напечатал в «Коммунисте» (вторая половина июня 1953 г.) статью, прямо направленную против русского национализма. Федосеев писал: «Преодолеть разные попытки продвигать под знаменем патриотизма и национальных традиций шовинистические и националистические предрассудки», повести борьбу «против попыток разных историков приукрасить реакционную политику царизма», прекратить «замыкание советских народов от влияния культур чужих стран». и т. д.

Но после разгрома Берии эта либерализация прекратилась. Руководимый Хрущевым партийный аппарат поднял голову и на сентябрьском пленуме ЦК КПСС 1953 г. укрепил свое положение как первенствующая сила в стране. На этом пленуме Хрущев получил титул первого секретаря ЦК КПСС, как руководитель этого аппарата.

Чтобы понять причины победы партийного аппарата и выдвижение в связи с этим Хрущева как «вождя партии»,

а впоследствии и всей страны, надо отметить, что период от смерти Сталина и до избрания Хрущева первым секретарем ЦК был периодом бессилия руководителей КПСС закрепить свою твердую власть. Влияние партийного аппарата на Президиум ЦК было сведено на нет. Президиум ЦК составлялся из представителей разных ведомств и в него входил только один представитель партийного аппарата — Хрущев. Ведомства конкурировали между собой за большее влияние в Президиуме ЦК, в особенности такие аппараты как КГБ, военный и возглавляемый Маленковым советский аппарат. Возникла своеобразная шизофрения аппаратов когда каждый из них делал по-своему, разлаживая единую диктатуру партии. Особенно опасной показалась членам Президиума ЦК «конкуренция» Л. Берия, который якобы стремился установить свой контроль и над Президиумом ЦК.

После ликвидации «заговора» Берия все члены Президиума ЦК пришли к выводу, что надо сделать один аппарат руководящим и авторитетным для всех остальных и что этим аппаратом должен стать, конечно, аппарат ЦК КПСС. Не только потому, что так было при Сталине, но, главное, потому, что только партийный аппарат мог применить диктаторскую систему руководства посредством партийной дисциплины, ограничивающей всякие рассуждения. Более либеральная «социалистическая законность», которой могли руководствоваться, все другие аппараты, разлагала крепкую диктаторскую власть и сеяла хаос. Вот что сделало Хрущева «вождем», а не его личные качества.

Это важно иметь в виду и сейчас, в эпоху Брежнева, чтобы понять возрастающий культ его личности. В действительности это культ аппарата ЦК, персонифицированный в одном лице. Поэтому нельзя расценивать как приспособление и подхалимство, когда советские академики цитируют доклады Брежнева как авторитетные для себя указания. Доклады Брежнева составляет аппарат ЦК КПСС, который берет материалы из разных институтов, то есть, у тех же академиков. Так что цитируя Брежнева, академики ци-

тируют себя... По важным государственным вопросам в СССР не публикуются индивидуальные мнения. Такие мнения подвергнуты «сплошной коллективизации», а составлять такие коллективные мнения имеет право только аппарат ЦК КПСС.

Национальная политика в СССР после смерти Сталина — это политика укрепившего свою власть, начиная с сентябрьского 1953 г. пленума ЦК КПСС, его аппарата, персонафицированного в личности Н. Хрущева. Поэтому и этот период будет называться — национальной политикой в эпоху Хрущева.

Первым официальным актом хрущевского аппарата ЦК КПСС по национальному вопросу были известные «Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654—1954 г.г.)», «одобренные Центральным Комитетом Коммунистической Партии Советского Союза». Они были напечатаны во всей советской прессе, в частности в «Правде» 12. 1. 1954 г. 300 -летие присоединения Украины к России было поводом для изложения принципов национальной политики послесталинского ЦК КПСС. 1953 год был объявлен всесоюзным праздником и по всем республикам СССР прорабатывались «Тезисы» о 300-летию присоединения Украины к России, как демонстрация новой национальной политики хрущевского аппарата ЦК КПСС. Поэтому на этих «Тезисах» следует остановиться подробнее.

Первые послесталинские годы в СССР считались годами своеобразной либерализации, которая в художественной литературе получила даже соответствующее название — «оттепель». Действительно, в эти годы на культурном и вообще на идеологическом фронте началось некоторое оживление. Подобно тому, как в русской литературе появились произведения критического реализма (напр., роман В. Дудинцева «Не хлебом единым»), то же самое имело место и в литературе нерусских народов СССР. Либеральные настроения начали проникать и в партию и лихорадили ее до XX съезда КПСС 1956 г., осудившего культ Сталина. Свидетельством беспокойного положения в партии

была известная крылатая угроза Хрущева критикам, когда он сказал, что «меч революции еще острый и не притупился» . . .

Но либерализация совершенно не коснулась одного участка идеологического фронта — принципов национальной политики КПСС. На практике на местах по разному прорывались устремления угнетенных народов, они проникали даже в местные партийные аппараты, но принципы национальной политики КПСС, изложенные в «Тезисах» к 300-летию присоединения Украины к России, остались неизблевыми. Что же это были за принципы?

«Тезисы» к 300-летию собрали воедино разрозненные положения сталинской национальной политики, которые были изложены отчасти перед войной, но в особенности во время и после войны. Основная идея «Тезисов» заключалась в том, что присоединение Украины, как и других покоренных Россией стран, было прогрессом для этих стран. Присоединение к России освобождало Украину и другие народы от национального порабощения, обеспечивало . . . национальное развитие. В «Тезисах» сказано буквально следующее: «Русское централизованное государство сыграло огромнейшую роль в исторических судьбах русского, украинского, белорусского и других народов нашей страны. С самого начала своего возникновения оно явилось притягательным центром и опорой для братских народов, борющихся против иноземных поработителей . . . Соединившись с Россией в рамках единого Российского государства, Украина была спасена от порабощения шляхетской Польшей и поглощения султанской Турцией». (Подчеркнуто — И. М.).

Чтобы убедительнее звучала эта освободительная роль царской России, «Тезисы» к 300-летию говорят об освобождении Украины из-под ига польских панов и воссоединение с русским народом. Русских панов (бояр и царей) в «Тезисах» нет. А если надо было упомянуть о роли царей, то «Тезисы» утверждали, что «царское правительство . . . поддерживало стремление украинского народа к объединению с Россией». Дескать украинский народ стремился на-

садить у себя самое жестокое в Европе русское крепостное право, ну, и царское правительство поддержало это стремление... Ни в каком другом документе ЦК КПСС не защищал так открыто царский империализм, как в «Тезисах» к 300-летию воссоединения Украины с Россией.

Историки Переяславского договора 1654 года, в том числе и большинство русских историков царского времени, рассматривали этот договор как военно-политический союз с протекцией над Украиной московского царя. По этому договору Украина сохраняла государственную независимость в вопросах внешней и внутренней политики. Позже все это было отобрано царями. Договор с протекторатом был исторической ошибкой гетьмана Богдана Хмельницкого и народ соответственно воздал гетьману словами своего поэта Т. Шевченко, который говорит: «Ой, Богдане, Богданочку, если бы я знала, тебя в люльке удушила б, под сердцем приспала...».¹³⁶ Советская же историография расценила Переяславский договор, как добровольный отказ Украины от самостоятельного существования.

Так же примитивно советская историография объясняет и присоединение Грузии к России. Советский словарь пишет об этом так: «Чтобы освободить Грузию от усиливавшегося турецко-иранского гнета, грузинский царь Ираклий II вступил в 1783 г. под протекторат России. В 1801 г. Восточная Грузия, а затем западно-грузинские княжества были присоединены к России, что избавила Грузию от разорительных набегов персов и турок».¹³⁷ Как Украину поработали и разоряли только поляки, татары и турки, а спасла царская Россия, так и с Грузией — началось с протектората, а кончалось царским «сближением» и брежневским «слиянием» в единый «советский народ».

То же самое советские литературные источники стали говорить и о других присоединенных к России странах. Например, об Узбекистане советский словарь пишет, что завоеванные «Кокандское, Бухарское и Хивинское ханства признали вассальную зависимость от царской России. В 1867 г. Кокандское ханство было упразднено и вошло в со-

став Туркестанского генерал-губернаторства... Присоединение Узбекистана к России имело прогрессивное значение, положило конец феодальным усобицам, способствовало развитию экономики...» и т. д.¹³⁸

В связи с празднованием 300-летия присоединения Украины к России, к Украинской ССР была присоединена Крымская область, как «подарок» правительства СССР. До этого Крым был составной частью РСФСР. После выселения из Крыма татар, большинство его населения составляли украинцы и русские. Но со времени разгрома коренизации украинцы за пределами Украинской ССР не имеют никаких национальных прав — ни украинских школ, ни прессы, ни других национально-культурных учреждений. Украинцев трактуют как русских. Поэтому в Крыму до присоединения его к Украинской ССР не было никаких украинских учреждений. Присоединение к Украине произошло после разгрома коренизации, поэтому украинское население Крыма не получило нужного количества школ, прессы, театров и т. д. В национально-культурном отношении Крым считается фактически русской областью. Поэтому на Украине сложилось мнение, что присоединение Крыма к УССР задумано не как включение его в украинскую национальную жизнь, а наоборот, как разводнение украинской национальной жизни по всей УССР русским элементом для облегчения руссификации всей Украины. Кроме того национальные элементы Украины считают, что национальное обличье Крыма окончательно определится только после возвращения туда коренных жителей Крыма — крымских татар.

В период празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией громче чем когда-либо прозвучала партийная линия на выдвижение трех славянских наций СССР — русских, украинцев и белоруссов как руководящей силы страны. Эта тенденция чувствовалась в приветствии ЦК КПСС и правительства СССР украинскому народу в связи с 300-летием присоединения. После смерти Сталина в руководящих сферах КПСС существовало мнение, что славянские народы СССР должны стать цементом, скрепляющим импе-

рию, должны «сливать» в ней все другие народы. Но эта концепция не нашла поддержки среди украинцев и белорусов. Празднование 300-летия продемонстрировало, что ЦК КПСС мыслит союз славянских народов как союз с единым для всех их русским языком, т. е. как попытку ликвидировать украинскую и белорусскую нации.

В возрождении и культе великодержавных имперских традиций ведущую роль играли офицерские кадры советской армии, воспитывавшиеся еще с передвоенных лет на русских националистических суворовских, а не на интернациональных марксо-ленинских традициях, как это предусматривалось Октябрьской революцией. Значение военных аппаратов в послевоенные годы значительно выросло. После разгрома Берия а вместе с ним кадров КГБ, происходившего при участии генералитета, значительно возросло влияние военных верхов на политику КПСС, в частности на национальную политику. Выражением этого было выдвигание маршала Жукова в военные министры и в члены Президиума ЦК КПСС. При этом Жуков пытался вытеснить партийное влияние из советской армии. Партийному аппарату удалось ликвидировать эту опасность и Жуков был в 1957 г. снят с поста министра обороны и выведен из состава Президиума ЦК и членов ЦК КПСС.

Аппарат ЦК КПСС преодолел угрозу обособления от партийного руководства советской армии, но это была победа так сказать организационная, а не идейная. Все, что требовала армия в идейной сфере, удовлетворялось безоговорочно. В первую очередь по линии национальной политики. Верхушка советского офицерства была поставлена в наиболее привилегированное положение. Офицерство не желало, чтобы его дети в национальных республиках обучались местному языку. Более того, оно требовало, чтобы на языках нерусских народов СССР прославлялась имперская история с победами «русского оружия», чтобы из национальных школ был устранен антиимперский, «сепаратистский» дух. Все это ЦК КПСС удовлетворял полностью.

Такие требования исходили не только со стороны офи-

церского корпуса, но и других слоев нового господствующего класса — работников КГБ, директоров всесоюзных предприятий, от всесоюзных министерств и т. д. Так в общем созрели условия для пресловутого закона Хрущева от 25. XII. 1958 «О связи школы с жизнью». Закон касался политехнизации школы, но важнейшей политической частью закона был его параграф 9, в котором говорилось о языке преподавания в школах национальных республик. Прежде всего было объявлено, что в русских школах национальных республик местный язык становится не обязательным. А это означало, что вышедший из русской школы гражданин национальной республики имел право требовать, чтобы администрация республики обращалась к нему только на понятном ему языке, то есть на русском.

Но еще более важным моментом параграфа девятого закона Хрущева о школе было требование, чтобы вопрос о языке преподавания в национальных (нерусских) школах решался родителями учеников. Существование национальных школ (нерусских) закон Хрущева поставил в зависимость от решения родителей учеников. А так как воля родителей в СССР ограничена волей партийных органов (если партийный комитет постановит перевести школу на русский язык преподавания, родителей легко «убедить» не сопротивляться воле партии), то фактически судьба национальной школы в СССР поставлена вне закона. И если ЦК КПСС не приказал низовым партийным органам массово переводить национальные школы на русский язык преподавания, то лишь из осторожности — перед сопротивлением населения и неподготовленностью к этому системы образования. Куда, например, девать учителей национальных школ неприспособленных обучать детей на русском языке?

Закон Хрущева о руссификации нерусских школ был продиктован не только нажимом высших слоев советского общества (прежде всего офицерского корпуса), но и страхом перед так называемым «местничеством», перед центробежными силами в национальных республиках. В особенности расцвело местничество в связи с хозяйственной ре-

формой Хрущева, основанной на децентрализации управления экономикой. В феврале 1957 г. пленум ЦК КПСС принял постановление о реорганизации управления промышленностью и строительством СССР. Существовавшая со сталинских времен отраслевая система управления с многочисленными союзными министерствами для каждой отрасли промышленности, была в 1957 г. постановлением пленума ЦК заменена территориально-производственной системой. Отраслевые министерства в Москве были ликвидированы и все управление промышленностью и строительством передано местным совнархозам (советы народного хозяйства). Каждая союзная республика имела свой республиканский совнархоз, который самостоятельно управлял промышленностью, расположенной на ее территории. Это усиливало экономическую независимость союзных республик. Лишь республиканские совнархозы среднеазиатских республик были объединены в Межреспубликанский средне-азиатский совнархоз, что не дало этим республикам такой экономической автономии, какую получили другие республики СССР. В больших республиках существовали еще областные или территориальные совнархозы, подчиненные общереспубликанскому. К 1964 г. таких территориальных совнархозов имелось в РСФСР 24, на Украине — 7, в Казахстане — 7. Во всех остальных республиках было по 1 совнархозу, управляющему промышленностью на территории всей республики и подчиненному только правительству данной республики.

Отраслевые министерства в Москве были заменены Государственными комитетами, которые однако не вмешивались в управление промышленностью, а занимались только научно-техническими и плановыми проблемами. В результате учреждения совнархозов союзные республики сосредоточили в своих руках управление почти всей промышленностью, расположенной на их территории. Достаточно сказать, что например на Украине 97% всей промышленной продукции вырабатывали предприятия, подчиненные правительству Украинской ССР. Высшие технические учебные

заведения подчинены были не Москве, а местным совнархозам.

Создание совнархозов усилило так называемые местнические тенденции. Они существовали и раньше, как сопротивление мест централизму Москвы. Слово «местничество» вошло даже в советские словари хрущевских времен. Словарь определяет это понятие так: «Противопоставление местных, частных интересов общегосударственным, общенародным». ¹³⁹ Например, совнархозы стремились удовлетворить своей продукцией прежде всего местные интересы. Но местничество в национальных республиках неизбежно усиливало национальные тенденции, сливалось с ними. Например, республики стали задерживать выпускников вузов у себя, не отдавая их другим республикам. Это естественное стремление молодых специалистов данной национальности остаться работать на территории родной земли и нежелание их руссифицироваться в другой республике (потому что там от них требовали пользоваться только русским языком) было резко пресечено ЦК КПСС. От республик было отобрано право распределять выпускников вузов. На XXII съезде КПСС в октябре 1961 г. в докладе мандатной комиссии проскользнула руссификаторская цель распределения специалистов из центра: «Анализ состава делегатов по национальной принадлежности от союзных республик показывает, что в стране идет постоянный обмен квалифицированными кадрами между нациями. И чем шире будут масштабы коммунистического строительства, тем этот обмен будет большим... недопустимы в советских республиках какие-либо проявления национальной обособленности в воспитании и использовании работников различных национальностей. Нерушимая дружба народов СССР выдержала все испытания». ¹⁴⁰ Эта «дружба», сопровождаемая «обменом кадрами», привела к тому, что, например, в Казахстане казахи составляют теперь меньшинство населения. То же происходит в Прибалтике, где кроме «дружбы» большую роль играют стратегические соображения (заселение Эстонии, Латвии и Литвы русским населением или населением вынужденным

пользоваться только русским языком). Сталинское переселение целых народов, проводившееся демонстративно в виде наказания за какую-то «измену», теперь проводится в виде «братского обмена кадрами».

Осуждение культа Сталина XX съездом КПСС (1956 г.) не смягчило великодержавную националистическую политику КПСС. Правда, преодолевая культ Сталина, ЦК КПСС вынужден был напечатать в журнале «Коммунист» № 9 (июнь) 1956 г. неопубликованные до тех пор документы Ленина, в частности его критику сталинского проекта «автономизации», носившего явно великодержавный характер. Эти документы Ленина развивали критическое отношение в национальных республиках и к хрущевской национальной политике. Тем более, что сталинская «автономизация» была менее лжива, чем хрущевский Союз «равноправных» республик, права которых были сведены к уровню ниже «автономизации». Достаточно сказать, что уже при Хрущеве союзная республика, даже такая большая, как Украина, не смела начинать уборки хлебов без разрешения из Москвы...

Критическое отношение к национальной политике КПСС среди нероссийских народов СССР усиливали и события в коммунистических странах Восточной Европы. Титоизм был первой попыткой коммунистической страны отстоять свою независимость от СССР. Такой же попыткой была революция в Венгрии, события в Чехословакии и в особенности в Польше. Здесь польские коммунисты изгнали поставленного над Польшей советского маршала Рокоссовского, задачей которого было «братское сближение и слияние» сначала польской армии с советской, а потом и всей Польши с СССР. Решительная, иногда и вооруженная самозащита коммунистических стран Восточной Европы от поглощения их Москвой, не могла не повлиять на настроения в национальных республиках СССР. Однако рост сопротивления народов СССР не только не смягчил великодержавно-шовинистического курса нового господствующего класса, но,

наоборот, усилили этот курс. По старорусской государственной традиции — не уступать.

Началось жестокое преследование критиков национальной политики ЦК КПСС. А эта критика прорвалась прежде всего среди членов КПСС нерусских национальностей. Так, на Украине был организован в 1961 году процесс против группы молодых юристов (в основном членов компартии) во главе с Львом Лукьяненко, бывшим партийным работником, а позже адвокатом. Группа поставила своей целью пропагандировать статью 17 Конституции СССР и статью 14 Конституции УССР о праве выхода Украинской ССР из состава СССР. Хотя деятельность группы Л. Лукьяненко основывалась на Конституции СССР, суд приговорил Лукьяненко к расстрелу, а остальных членов группы к самым высоким срокам заключения. Верховный суд заменил Лукьяненку расстрел пятнадцатью годами заключения.

Характерно, что группа Лукьяненко основывала свои требования марксо-ленинской теорией. Назвала себя группа — «Украинская Рабоче-Селянская Спилка». Лукьяненко в своих показаниях заявил: «Я никогда не ставил своей целью замену советов, этой формы диктатуры рабочего класса, какой-либо иной властью ни до, ни после выхода УССР из состава СССР... Стоя на позициях исторического материализма, я отстаивал и буду отстаивать социалистическую экономику теперь и коммунистическую в будущем... Украина, не находясь в составе СССР, шла бы к коммунизму, то есть оставалась бы в социалистическом лагере. Да и мог ли бы кто мечтать о реставрации капитализма на Украине, когда она со всех сторон окружена социалистическими странами?»¹⁴¹

Приговор Лукьяненка к расстрелу обосновывался таким образом не изменой социализму, а отмежеванием от великодержавной шовинистической империи. Группа Л. Лукьяненко была только началом современного национального сопротивления на Украине, которое позже, в эпоху Брежнев, охватило все угнетенные народы СССР. Всем этим национальным движениям приписывается «буржуазный на-

ционализм» и стремление к реставрации капитализма. Но в действительности все эти движения борются за равноправие своих народов с русским народом, против великодержавного национализма КПСС, против нового эксплуататорского строя, который советские дисиденты (Сахаров, Плющ и др.) называют государственным капитализмом.

Завершением великодержавной националистической политики ЦК КПСС в эпоху Хрущева была новая программа КПСС, принятая XXII ее съездом 31. X. 1961 г. Национальный вопрос в этой программе решается более реакционно, чем даже у Сталина. Насаждая в СССР культ имперских традиций и вообще российский шовинизм, Сталин в теории все же не рвал с интернационалистическим подходом к этому вопросу. В своей работе «Марксизм и вопросы языкознания» (1950 г.) Сталин писал, что «после победы социализма... не может быть и речи о подавлении и поражении одних и победе других языков». Языки, по Сталину, «сольются в один общий международный язык, который, конечно, не будет ни немецким, ни русским, ни английским, а новым языком»...¹⁴²

Эта утопическая и примитивная теория Сталина примечательна тем, что автор ее еще не осмеливается официально навязывать другим народам русский язык.

У Сталина будущий общий «мировой язык» не будет ни русский, ни какой-то другой из существующих языков, а совершенно новый язык. Программа же КПСС, принятая XXII ее съездом, провозглашает русский язык каким-то наднациональным, долженствующим вытеснить языки других народов. И не только народов СССР, но и других, находящихся в сфере влияния СССР (восточно-европейские сателиты СССР, Монголия). В разделе о национальной политике КПСС ее новая программа 1961 г. сначала декларирует национальное равноправие: «Обеспечить, — сказано в программе, — свободное развитие языков народов СССР, полную свободу для каждого гражданина СССР говорить, воспитывать и обучать своих детей на любом языке, не допуская никаких привилегий, ограничений или принужде-

ний в употреблении тех или иных языков. В условиях братской дружбы и взаимного доверия национальные языки развиваются на основе равноправия и взаимного обогащения».

Но вслед за этим идеологическим прикрытием о равноправии, которое никого не обязывало, а наоборот, — кто его подчеркивал, того, как дисидента, сажали и сажают в тюрьму, вслед за этим идут формулировки, которые открывают двери руссификации и ассимиляции: «Процесс добровольного (???) изучения наряду с родным языком русского языка имеет положительное значение, так как это содействует взаимному обмену опытом и приобщению каждой нации и народности к культурным достижениям всех других народов СССР и к мировой культуре. Русский язык фактически стал общим языком межнационального общения и сотрудничества всех народов СССР». Тем же нациям, которые защищают свою национальную самобытность (и равноправие), программа КПСС объявляет «непримиримую борьбу», говоря, что это «проявления и пережитки национализма и шовинизма . . . тенденции к национальной исключительности».¹⁴³ Если русские писатели воссоздадут русскую старину и вводят архаизмы в литературный язык (напр. Солоухин), никто их за это не травит. Но если, например, украинский писатель выступит за возвращение украинскому языку выкинутой при Сталине буквы «Г» (оставлена одна только «Г», как в русском языке — признак «братского сближения»), его травят, как «буржуазного националиста». Если бы узбекский писатель или ученый высказался против неестественного и варварского внедрения в языки среднеазиатских народов русского алфавита, их строго осудили бы как «буржуазных националистов». Даже если бы они отстаивали интернациональный латинский алфавит для народов Средней Азии. Так что речь идет не о присоединении народов СССР к мировой культуре, как сказано в Программе КПСС, а о руссификации их, о торможении их связей с цивилизованным миром.

После XXII съезда КПСС русский язык в СССР стал называться «вторым родным языком» с тенденцией сделать

его первым. Принятие новой программы КПСС утвердило курс на полную руссификацию сначала народов автономных республик Российской Федерации. Там в национальных школах обучения детей переводится на русский язык уже со второго класса. Нет уже целой национальной школы. Медленнее, но тем же путем идет политика в союзных республиках СССР, особенно в славянских — в Белоруссии и на Украине. В столице Белоруссии Менске не осталось ни одной белорусской школы. Конечно, с «добровольного» согласия родителей.

Кстати, о «добровольности». Национальная (нерусская) школа в СССР поставлена в условия бесперспективности. На русский язык в ней отведено больше часов, чем на родной, и уже по одному этому языковый уровень учеников в ней ниже, чем в русской школе, которой «двуязычие» неизвестно. Но и родной язык в национальной школе является орудием не национального воспитания, а руссификации. На родном языке учеников приучают любить великодержавную «родину», с ее имперскими традициями. Приучают презрительно относиться к историческому прошлому своего народа, к его борьбе против национального порабощения Россией. Из национальной школы, которая в общем хуже поставлена чем школа русская, выпускнику труднее попасть в высшую школу, где язык преподавания русский и вся терминология (математика, естественные науки и т. д.) неизвестна учащемуся национальной школы. Труднее попасть в военные училище и даже просто в советское учреждение на службу. Видя такую бесперспективность для своих детей, обучающихся в национальных школах, родители нередко «добровольно» отдают их в русские школы, тем более, что правительственные и партийные органы всемерно поощряют такие шаги родителей, а в государственных отчетах торжественно отмечается, что столько-то миллионов нерусских признали своим родным языком русский . . .

Не следует забывать кроме того, что для некоторой части граждан весьма невыгодно показывать в анкете, что их родной язык не русский. Если, например, офицер армии

белорус напишет, что его родной язык белорусский, он наверное попадет под подозрение и его военная карьера закончена. Кроме того усвоение нерусскими русского языка — это далеко еще не потеря национального сознания. Последнее может развиваться и на неродном языке. Вот, например, 20-тилетний комсомолец Юрий Дзюба пишет (март 1971 г.) письмо с просьбой разрешить покинуть СССР. В письме Ю. Дзюба пишет: «Уже тот факт, что украинец пишет это письмо на русском языке, говорит о сильном упадке национальной украинской культуры в Украинской ССР. С самого детства меня заставляли даже думать по-русски... В магазинах, ресторанах и столовых все изъясняются только на русском языке. Если заговоришь с ними по-украински, то это вызовет в некотором роде даже отвращение к тебе. Где же Украина? В книжном магазине никогда нельзя достать произведения Т. Шевченко... В библиотеках, когда берешь читать книгу на украинском языке, замечаешь брезгливую улыбку библиотекаря... по всей видимости это пренебрежение к украинскому языку он приобрел от своих наставников. Заверения Москвы о процветании украинской культуры в СССР выглядят смешотворными. Вызывает уважение желание прибалтийских народов сохранить свой язык и культуру. Однажды, будучи в Таллине, мне приходилось изъясняться с молодыми эстонцами по-английски, так как они абсолютно не реагировали на мои вопросы по-русски».¹⁴⁴

В 1968 г. министр просвещения Татарии М. Махмутов с едва скрытой горечью писал в журнале «Русский язык в национальной школе»: «В Казани имеется семь хороших средних татарских школ, но в них на родном языке обучается не более 10% детей... Такая же картина в остальных 15 городах Татарии». Махмутов отмечает и факты национального возрождения: «Начиная примерно с 1960 г. удельный вес числа татарских школ и учащихся в них... несколько стабилизировался... В 1961 г. число учащихся татарских школ... увеличилось почти на 50 тыс. человек». Махмутов показывает настоящее лицо программы КПСС по на-

национальному вопросу: «Четкие положения Программы КПСС... облегчают решение сложнейшей задачи, какой является переход национальной школы с родного на русский язык обучения».¹⁴⁵

К слову сказать, цитируемый журнал «Русский язык в национальной школе» чрезвычайно дешевый, но тираж его только 16,4 тысячи экземпляров, то есть на него не подписываются сотни тысяч преподавателей русского языка в нерусских школах. Почему? Не потому ли, что задача журнала антипедагогическая — отрывать нерусских детей от естественных условий развития, дрессировать их в неизвестном или малоизвестном языке *обучения*? То, что выдающийся русский педагог прошлого столетия К. Ушинский называл обеднением природы человека.

По переписи населения СССР 1970 г. ЦСУ СССР отметило, а руководители КПСС торжественно подчеркнули, что 13 миллионов людей нерусской национальности указали в качестве родного языка русский. Но имеется исторический опыт дореволюционной России, когда, например, на Украине все до единого учителя школ тоже называли своим родным языком русский. А когда пало самодержавие, то через девять месяцев была создана Украинская Народная Республика и ее движущей силой оказался тот учитель, который год перед тем называл своим родным языком русский... Он литературно не владел родным языком, но спешил изучить его по наскоро создаваемым словарям, тиражи которых в 1917 г. достигли колоссальных размеров. Нужны были только демократические свободы, от веяния которых падало национальное порабощение, как от трубных звуков падали стены библейского Иерихона.

Хрущев пытался позаимствовать от Сталина роль неограниченного диктатора партии и страны. Кое-что ему давалось, так как партийному аппарату по самой его природе нужен хотя бы маленький царек. Но Хрущев ранил жизненный нерв партийного аппарата — он посягнул на его основное завоевание — пожизненную власть и привилегии «номенклатуры». На XXII съезде КПСС Хрущев до-

бился в новом уставе КПСС постоянного обновления состава руководящих партийных органов. Напр., состав ЦК КПСС и его Президиума на каждых очередных выборах должен был обновляться не менее чем на одну четвертую часть. А члены Президиума должны были избираться не более чем на три созыва подряд. На местах темпы обновления должны были по хрущевскому Уставу происходить еще быстрее. Этого требовал § 25 нового Устава.

Такого удара «номенклатура» не стерпела. Ведь источником власти была она, а не Хрущев. Мирным заговором Хрущев был отстранен от поста первого секретаря ЦК КПСС и главы правительства СССР. Играли роль и другие его провинности, в частности децентрализация управления промышленностью (совнархозы), приведшая к росту местничества и национальных сил в нероссийских республиках. Октябрьский пленум ЦК КПСС 1964 г. отстранил Хрущева от власти. На его место первым секретарем ЦК КПСС был избран Л. Брежнев.

Через несколько месяцев после падения Хрущева система совнархозов была ликвидирована и восстановлены существовавшие при Сталине отраслевые министерства, которым было передано управление всей советской промышленностью, кроме местной, оставленной в распоряжении союзных республик. Восторжествовал централизм. А на очередном XXIII съезде КПСС (1965 г.) был исключен из Устава партии параграф 25-й (обновление состава руководящих органов, то есть ограничение власти «номенклатуры»). В постановлении съезда «О частичных изменениях в Уставе КПСС» в пункте 3 об этом сказано: «Принимая во внимание предложения многих партийных органов и коммунистов и учитывая, что в партии при выборах происходит регулярное обновление состава партийных комитетов с учетом конкретных условий, а также деловых и политических качеств работников и что регламентация в этих вопросах на практике себя не оправдала, считать нецелесообразным сохранять в дальнейшем в Уставе КПСС положения, которые определяют нормы обновления и сменяемость состава пар-

тийных органов и секретарей партийных организаций. В связи с этим параграф 25 из устава исключить».¹⁴⁶

Партийный аппарат («номенклатура») выдвинул своим руководителем возвращенного в его среде Л. Брежнева, лишённого, в отличие от Хрущева, стремления к единовластию и личной диктатуре. Неограниченным диктатором стал сам партийный аппарат. Ликвидировав децентрализацию в управлении экономикой и вообще всей страной, партийный аппарат взял и более решительный курс в проведении руссификации и ассимиляции нероссийских народов. Тем более, что пришедшие на смену старым молодые кадры другого курса и не знали, сами были воспитаны в великодержавном националистическом духе.

IX. НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КПСС К ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЮ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ликвидация хозяйственной автономии союзных республик после снятия Хрущева. — Формула Брежневца — «советский народ — новая историческая общность людей» — сигнал к тотальной руссификации и ассимиляции. — Ликвидация малых национальностей внутри РСФСР. — Основная нация каждой союзной республики рассматривается как национальное меньшинство целого СССР. — Письмо 17-ти латышских коммунистов к компартиям Западной Европы с протестом против руссификации. — Канадский коммунист Иван Коляска встретился в Киеве не с коммунизмом, а с русским шовинизмом. — Народы СССР поняли, что «социализм» и «дружба народов» — прикрытие для великодержавного русского шовинизма и потому рост их сопротивления. — Перенесение идеи «советского народа» на коммунистические страны Варшавского блока. — Югославская критика великодержавной политики КПСС. — Советскому бонапартизму нужна унификация восточно-европейских наций для завоевания Западной Европы. (Стр. 175—212).

Историю КПСС и ее национальную политику нельзя понять только по официальным ее источникам и материалам. Настоящая история КПСС с важнейшими изменениями и поворотами в ее политике глубоко законспирирована. Ее можно проследить не по печатным постановлениям, а по результатам законспирированных решений. Например, нигде в печатных документах КПСС нельзя найти хотя бы упоминания о «Самиздате», т. е. о наличии в СССР политической оппозиции. Ничего не говорится о многочисленных материалах «Самиздата», которые формируют мировоззре-

ние и политическую линию многих тысяч советских граждан, прежде всего молодой элиты.

Особенно многочисленна национальная оппозиция в нероссийских республиках. Если русская политическая оппозиция сосредоточена в основном в Москве и отчасти в Ленинграде, то в национальных регионах она существует всюду — по всем районам прибалтийских республик — Эстонии, Латвии, Литвы. Во многих областях Украины. В республиках Средней Азии повсеместно, например, массовое национальное религиозное движение мусульманской молодежи. По официальным же документам КПСС никакой оппозиции в СССР нет, а существует «единодушное» одобрение партий и всеми народами СССР «ленинской» политики ЦК КПСС.

Такого разрыва между действительным положением дел в СССР и официальным их изображением в печатных документах партии не существовало даже при Сталине. Поэтому освещение национальной политики КПСС эпохи Брежнева приходится делать, еще больше чем в предыдущие периоды, не на основе официальных печатных документов, а по материалам «Самиздата» и другим неофициальным источникам.

После отстранения Хрущева от власти на октябрьском 1964 г. пленуме ЦК КПСС была восстановлена хозяйственная централизация, лишаящая союзные республики какой бы то ни было экономической автономии. Но партийный аппарат облыжно утверждал противоположное. Так, через год, на сентябрьском 1965 г. пленуме ЦК Брежнев об этом заявлял следующее: вводится «расширение прав союзных республик в области планирования, капитального строительства, финансирования, труда и заработной платы. Это позволит хорошо сочетать общегосударственные интересы с интересами каждой республики».¹⁴⁷ В действительности произошло противоположное — союзные республики в хозяйственных правах были приравнены к областям, в их распоряжении оказалась только мелкая местная промышленность. Всесоюзным отраслевым министерствам было пе-

редано планирование и управление всей машиностроительной промышленностью и получилось, что правительство, например, Белоруссии не могло знать, что делает, скажем, минский тракторный завод и чем может помочь ему правительство БССР.

Пороки централизации вскоре отрицательно сказались на работе промышленности. Советская печать приводила такие, например, факты. В период хрущевских совнархозов один рижский машиностроительный завод получал детали с соседнего рижского же завода. После ликвидации совнархозов оба завода из ведения латышского совнархоза перешли в ведение разных отраслевых министерств в Москве и рижский машиностроительный завод для получения деталей был прикреплен своим министерством к его же заводу в Новосибирске. Потому что прежний рижский поставщик деталей принадлежал теперь другому министерству в Москве, которое не нашло возможным снабжать чужое министерство деталями своего завода. В связи с этим увеличились дальние межреспубликанские перевозки, что удорожало промышленную продукцию и тормозило выполнение промышленных планов, так как не всегда транспорт своевременно доставлял, скажем, те же детали из Новосибирска в Ригу. Вместо «местничества», которое при совнархозах вредило «общегосударственным интересам», теперь возникли «ведомственные интересы» которые стали вредны для всех.

На Всесоюзном экономическом совещании 1968 г. было отмечено, что вывоз заготовок (деталей) за пределы Украины на далекое расстояние возросло в 1968 г. (до мая) сравнительно с 1965 г. почти в два раза. Возросла также беспхозяйственность. Например, в период совнархозов создавались общие для многих заводов данной территории громадные котельни, литейные заводы и т. д. Теперь же каждое министерство захотело иметь при своем заводе пусть небольшую, но собственную котельную или литейный цех. Так, например, на Харцызском (Донбасс) машиностроительном заводе был построен в период совнархозов корпус

для производства 12 тыс. тонн ковкого чугуна, предназначенного для сорока предприятий Украины и двенадцати предприятий РСФСР. После ликвидации совнархозов отраслевое министерство в Москве, которому был передан Харцызский завод, превратило литейный корпус завода в механический цех только для этого завода и упомянутые 40 и 20 предприятий Украины и РСФСР остались без чугунных деталей харцызского завода.¹⁴⁸

Экономический централизм аппарата ЦК КПСС обанкротился. Пришлось делать некоторые изменения в сторону децентрализации. Но децентрализации в обход интересов союзных республик. Например, создаются межреспубликанские специализированные промышленные объединения, которые охватывают заводы нескольких республик и тем расшатывают их хозяйственные, административные и национальные границы. Такое расшатывание проводится не только по линии промышленности. Например, создаются региональные отделения Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина (ВАСХНИЛ), охватывающие несколько республик. Так была ликвидирована Всеукраинская сельскохозяйственная академия, которая конкурировала с ВАСХНИЛ, и в Киеве было открыто региональное отделение ВАСХНИЛ для Украины и Молдавии с назначенным из Москвы председателем. Так как для Молдавской ССР украинский язык не обязателен (он употреблялся в сельскохозяйственных научных учреждениях только для Украины), то теперь региональное отделение ВАСХНИЛ в Киеве должно пользоваться общим, обязательным для Украины и для Молдавии русским языком. И так по всему СССР. В итоге, согласно постановлению ЦК КПСС и правительства СССР от 10. 9. 1976 г. о сельскохозяйственной науке, вся научно-исследовательская работа по сельскому хозяйству в союзных республиках должна быть подчинена региональным отделениям ВАСХНИЛ. Так что малоизвестному в условиях Украины молодому научному работнику, возглавляющему в Киеве

региональное отделение ВАСХНИЛ, подчинено теперь планирование всей сельскохозяйственной науки на Украине и в Молдавии, хотя в одной только Академии Наук Украинской ССР есть более выдающиеся ученые в области сельского хозяйства, чем руководитель регионального отделения ВАСХНИЛ. Страх руководителей КПСС перед автономностью в союзных республиках даже науки становится тормозом ее развития.

Централизуя все и вся брежневское руководство ЦК КПСС ликвидировало даже самостоятельные министерства народного просвещения союзных республик, которые с ленинских времен независимо от центра руководили народным образованием своих народов. Теперь создано всесоюзное министерство народного просвещения, а министерства союзных республик подчинены ему. Планы и программы обучения в народных школах союзных республик, подготовка учительских кадров, печатание учебников и т. д. — всем этим руководит теперь министерство народного просвещения в Москве. Подавление национальных автономий до таких пределов не мог позволить себе даже всемогущий диктатор Сталин. Брежневское руководство ЦК КПСС ликвидировало также самостоятельные республиканские министерства общественного порядка, и теперь союзные республики лишены права распоряжаться даже своей милицией. В последнее время были подчинены Москве и самостоятельные республиканские министерства социального обеспечения. От автономии (не говоря уже о «суверенности») союзных республик СССР не осталось и следа. Происходит сплошная ликвидация национальных автономий в таком же спешном порядке, как когда-то спешно проводилась «сплошная коллективизация», то есть ликвидация автономий мелких крестьянских хозяйств и их свободных кооперативных объединений, даже и ленинских коммун.

В таких конкретных формах реализуется симбиоз великодержавного шовинизма с бонапартизмом партийного аппарата. Первому нужна ликвидация ненавистных национальных автономий, второму нужно создание необходимой

для войны централизованной хозяйственной и административной системы. В сегодняшних конкретных условиях СССР без такого симбиоза ни одна сторона не получила бы своих выгод.

Одновременно с практической ликвидацией национальных автономий и с развернутой еще при Хрущеве руссификацией нероссийских народов, партийный аппарат дает и «теоретическое» обоснование такого насильственного процесса. В докладе Л. Брежнева на XXIV съезде КПСС 30. 3. 1971 он дал такую формулировку национальной политики партии по национальному вопросу: «За годы социалистического строительства в нашей стране возникла новая историческая общность людей — советский народ».¹⁴⁹ Сама по себе эта формула Брежнева ничего нового не представляла. Выражение «советский народ» в смысле все нации СССР существует с первых лет советской власти. Известна ведь еще с передвоенных лет песенка «Если завтра война», в которой сказано — «как один человек весь советский народ за любимую родину встанет». И до XXIV съезда КПСС никто не видел в этом выражении покушения на национальную самобытность советских наций. Выражение «советский народ» многими нерусскими людьми толковалось почти так, как если бы кто сказал «весь европейский народ». Тем более, что все европейские народы намного ближе друг другу, чем, например, русский и узбекский или таджикский. Никому в голову не приходило толковать выражение Брежнева «советский народ» как покушение на национальную самобытность узбеков, таджиков или грузинов, армян и так далее, тем более, что это невинное как будто выражение Брежнева сопровождалось самыми горячими заверениями в дружбе, братстве, равноправии народов.

Свою формулу о «новой исторической общности людей — советском народе» Брежнев окружил именно такими любвеобильными заверениями. А именно: «В образовании, укреплении и развитии могучего союза равноправных народов... сыграли свою роль все нации и народности нашей страны и прежде всего великий русский народ». Далее

Брежнев делает, правда, шовинистическое отступление в духе упомянутого тоста Сталина 24. 6. 45 в честь русского народа. Брежнев почти буквально повторял здесь Сталина. Не воздавая никакой хвалы другим народам СССР, Брежнев говорил о русском народе так: «Его революционная энергия, самоотверженность, трудолюбие, глубокий интернационализм по праву снискали ему искреннее уважение всех народов нашей социалистической Родины». Повторяет Брежнев и избитое, но с коварным содержанием, выражение «сближение наций», которое он дополняет успокаивающим словом — «постепенное». И кроме того это сближение происходит у Брежнева якобы в условиях «внимательного учета национальных особенностей развития социалистических национальных культур. В условиях постоянного учета как общих интересов всего нашего Союза, так и интересов каждой из образующих его республик — такова суть политики партии в этом вопросе. Партия — говорил Брежнев на XXIV съезде КПСС — и впредь будет воспитывать всех трудящихся в духе социалистического интернационализма (вроде, например, присвоения всем военным училищам СССР наименования — суворовские? — И. М.), непримиримости к проявлениям национализма и шовинизма... в духе глубокого уважения ко всем нациям и народам».

Такими «задушевными» обещаниями сопровождал Брежнев свою формулу «новая историческая общность людей — советский народ». Как сказано, нового здесь было мало. Но многих в СССР эта формула насторожила. Не новизной, а слишком большим вниманием генерального секретаря ЦК КПСС к национальному вопросу и слишком большими разглагольствованиями о «равноправии», «дружбе», «сближении» наций и т. д. Внимательные люди привыкли понимать, что если партийные руководители наговорили слишком много хороших слов по какому-либо вопросу, значит в этом вопросе принимаются важные засекреченные мероприятия. Например, в борьбе за мир и разоружения. Ни одна страна в мире не говорит так много о разоружении и «разрядке»

как СССР. А между тем советские дисиденты утверждают, что тон вооружения в мире задает СССР. «Военно-промышленный комплекс у нас в стране подчинил себе все хозяйство, оттеснил все мирные нужды... Наши хозяева навязали и продолжают навязывать миру опасную гонку вооружений. Все нас боятся и потому вооружаются».¹⁵⁰ Собственно и партийная пропаганда заверяет, что советская армия самая сильная в мире. Итак, шум и крик о разоружении и разрядке, с одной стороны, и напряженные вооружения с самым низким в Европе уровнем жизни населения, с другой.

То же самое в национальном вопросе: цитируемая выше декларация Брежнева на XXIV съезде КПСС о равенстве и дружбе наций, с одной стороны, и засекреченный, а часто и открытый этноцид «инородцев», перерастающий, как увидим ниже, в геноцид, с другой стороны.

Сразу же после отстранения Хрущева от власти и восстановления централизма в экономике приняты были меры по усилению ассимиляции и руссификации, по осуществлению изложенной позже на XXIV съезде КПСС формулы Брежнева о «советском народе», как «новой исторической общности людей». Согласно формуле Брежнева это общность уже сложилась. В действительности же Брежнев говорил только о желаемом, а не о существующем. Попытки реализовать желаемое начались еще при Сталине.

В чем конкретно проявлялось «желаемое» после смерти Сталина? Оно проявлялось в целом ряде насильственных мероприятий. Например, в запрещении выселенным из своих исторических территорий народам возвращаться в родные места. Как известно, после XX съезда КПСС (1956 г.) были изданы правительственные постановления, реабилитировавшие выселенные народы (крымские татары, немцы Поволжья, Северо-Кавказские народности), постановления, признавшие эти народы ни в чем неповинными. За незаконное и преступное выселение этих народов признан был виновным и снят с поста министра КГБ Иван Серов. Но реабилитация ограничилась только признанием невинности

выселенных народов, а не восстановлением их прежнего положения: не восстановлены их автономные республики, не разрешено выселенным народам возвращаться в эти республики. Например, крымские татары расселены по Средней Азии и Сибири, но и после формальной их реабилитации попытки отдельных татарских семейств вернуться в Крым до последнего времени строго пресекаются — их оттуда выкидают. Не позволяют возвратиться на родину и реабилитированным, но оставшимся в выселении немцам Поволжья.

Интересна в этом отношении беседа делегации выселенных немцев Поволжья с председателем Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микояном, состоявшаяся 7. 6. 1965 г. Эта беседа напечатана в «Политическом Дневнике» «Самиздата». Представитель немецкой делегации Ф. Г. Шеселер заявил Микояну: «Мы много раз обращались в ЦК и в Президиум Верховного Совета о восстановлении нашей республики, но конкретных ответов нет. Сейчас обвинение с нас снято, но наказание все же осталось. Наша территория была освоена с 1794 г. Наши предки заплатили за нее выкуп в 4 миллиона рублей. Мы вместе с русским народом воевали в гражданскую войну за советскую власть... Сейчас на нашей бывшей территории сельские районы заселены только на 25—30%. Большинство сел разрушено. Только восстановление республики на Волге будет настоящей реабилитацией».

Другие члены немецкой делегации отмечали перед Микояном потери немцев Поволжья после выселения и ликвидации их республики: нет ни одной немецкой школы. Такого положения не было даже и в царской России. «Законно возникает вопрос: являемся ли мы советским народом?» Остался в силе Указ от 26 ноября 1948 г. о вечном переселении немцев с наказаниями их каторжными работами до 20 лет, если они покинут места поселения. Остался в силе Указ от 13 декабря 1955 г. (то есть уже после смерти Сталина) о запрещении советским немцам возвращаться в родные места и о конфискации их личного и общественного имущества.

Таким образом указ о реабилитации немцев Поволжья от 29. 8. 1964 не устранил их национальной дискриминации. «Элементарная логика подсказывает — невинных не наказывают... Указ утверждает, что в новых местах жительства немцы укоренились, якобы нашли там свою вторую родину. Но это неверно, — говорили немецкие делегаты Микояну — насильственным изгнанием люди не укореняются». Рассеянные мелкими группами по СССР немцы Поволжья «лишены своей государственности и не могут иметь своих депутатов в Совете Национальностей и в Совете Союза СССР. Территория для восстановления АССР немцев Поволжья на Волге есть. Она освоена в вековом труде наших предков, она нам дана Великой Октябрьской революцией там, где немцы установили советскую власть и где Ленин декретом от 18 октября 1918 г. создал первую в РСФСР немецкую автономную республику».

Член немецкой делегации К. Д. Вельц говорил Микояну: «Мы жили на нашей территории 200 лет. У нас было 11 депутатов в Совете национальностей и 3 депутата в Совете Союза. У нас было пять вузов, 400 средних и начальных школ, национальный театр, пять республиканских и 20 районных газет и журналов, а теперь у нас нет даже ни одной школы. Сейчас мы имеем только одну газету в Москве, но там не работают немцы — им не доверяют. Хотя нам и не разрешали воевать с фашистами, мы имеем из тех немцев, которые попали на фронт, двух героев Советского Союза. Есть семьи советских немцев, которые переселялись по 6—8 раз».

Немецкие делегаты говорили Микояну, что восстановления их республик хочет не какая-то малая группа, можно собрать подписей за это до миллиона (всего имеется два миллиона советских немцев). Немецкие села пустуют. Переселенные туда другие люди быстро уезжают оттуда. Если так восстанавливать хозяйство, нужно еще сто лет. «А мы за несколько лет восстановили бы все». До сих пор немцев не прописывают на Волге. Немецкая делегатка Т. Хромова сказала Микояну: «Нас обвиняют в национализме, но нацио-

налист не тот, кто вынужден требовать свои права, а тот, кто у нас их отнимает и нам их не дает».

Примечателен ответ Микояна немецкой делегации: «Советские немцы вели себя хорошо во время войны и после войны (за что же их тогда выселили? — И. М.), ведут себя хорошо и сейчас. Теперь в целинном крае (в Казахстане) вести хозяйство без немцев невозможно... Вы ставите вопрос о восстановлении республики... Но это невозможно, так как надо взять полмиллиона человек и переселить их. Нельзя считать, что немцы не могут жить без республики. Ведь до войны две трети немцев жили за пределами республики. — Мы сейчас не можем восстановить республику. Это связано с большими трудностями. Не все исправимо, что было допущено в истории. Вас никто не смешивает с западными немцами. Вы советские граждане и имеете право на газеты, школы... Мы не можем пойти на восстановление республики при существующем положении, потому что это вызовет огромные экономические затраты, но в отношении культурных потребностей мы пойдем навстречу... Желаю Вам успеха. До свидания».

После этого приема у Микояна, немецкая делегация написала ему и другому члену Политбюро А. Шелепину письмо, в котором было сказано: «Мы ни в коем случае не удовлетворены результатами приема. Народ нас послал не за кружками самодеятельности, а добиваться полной реабилитации двух миллионов человек, установления их равноправия с другими гражданами СССР и восстановления их государственности... к советским немцам относятся потребительски, пренебрегая их национальными чаяниями. Ленинская национальная политика к советским немцам не применяется, так как это «может нанести ущерб экономике»... Немцы, жившие вне республики, жили хорошо только потому, что такая республика имелась, что у них была своя государственность, которая всесторонне заботилась о них... Республика немцев Поволжья была кузницей для всех остальных немецких районов... В то время как ГДР обласкана со стороны СССР всяческими заботами и внима-

нием, советские немцы до сих пор расхлебывают моральное наследие войны. Можно думать, что фашисты были не в Германии, а среди советских немцев... Кто же согласится с Вашим утверждением (обращение к Микояну), что не все ошибки, допущенные в истории, исправимы. Да, по отношению к мертвым, бессмысленно загубленным, ошибки неисправимы. Но... пока жив народ, с которым обошлись несправедливо, допущенную ошибку можно и нужно исправить».¹⁵¹

С самого начала было, конечно, рассчитано, что прием Микояном делегации немцев Поволжья не будет оглашен. Поэтому Микоян в своем слове на приеме мог говорить значительно больше, чем на каком-нибудь открытом собрании. Но и в конфронтации с делегацией немцев он сказал не все. Однако «все» легко вывести из сказанного им. А вывести важно, потому что мысли члена Политбюро Микояна вскрывают линию Политбюро в национальном вопросе, линию, не замаскированную «марксо-ленинской» фразеологией.

При этом следует отметить, что Микоян в то время был самый старый большевик в составе Политбюро (член партии с 1915 г.) и самый образованный. В 20-е годы о нем партийный поэт Демьян Бедный сказал как о «аскетическом фанатике», подчеркивая там его высокую идейность. Благодаря своей большой гибкости и личным способностям государственного деятеля, Микоян смог удержаться в годы сталинского террора. Армянин по национальности, Микоян не принимал участия в национальных представительствах, а тем более в оппозициях. Но и великодержавником он себя не проявлял.

Из его заявлений на приеме делегации немцев Поволжья важным было заявление, что «восстановление республики (немцев Поволжья) было бы лучшим решением вопроса». Здесь говорил еще старый идейный революционер и, пожалуй, во всем Политбюро Микоян не имел в этом вопросе единомышленников. Но это «платоническое» сочувствие немцам Микоян тут же перечеркнул, одоблив статус кво и

сказавши, что восстановить республику немцев Поволжья невозможно, потому что это... дорого стоило бы. Микоян не мог не понимать несостоятельность и даже грубую оскорбительность этого аргумента, оправдывающего ликвидацию самой культурной в СССР национальности. И вероятно он мог бы придумать более гибкий отказ, например, отсрочку восстановления республики, или другую дипломатическую уловку. Но Микоян, весьма сообразительный человек, счел нужным грубо сказать — «денег нет!». Нет сомнения, что если бы положительное решение вопроса о восстановлении республики было политически выгодно Политбюро, то нашлись бы деньги и были бы восстановлены все ликвидированные республики и переселены назад выселенные жители. Нашлись же у Сталина «деньги» для выселения.

Республика Немцев Поволжья, как и другие ликвидированные автономные республики, не восстановлены, а выселенное их население не возвращено назад потому, что в ЦК КПСС выработан и как военная тайна засекречен твердый план ускоренной насильственной ликвидации национальных различий в СССР и создания единого «советского народа» (с русским языком и культурой). Для осуществления этого плана имеется и специальный аппарат в ЦК КПСС, без разрешения которого не осуществляется ни одно мероприятие по национальному вопросу. Наличие такого плана и аппарата для его осуществления подтверждается целым рядом мероприятий ЦК КПСС, в большинстве случаев весьма законспирированных, потому что все они насильственного характера, граничащего с геноцидом. Так, например, известно от представителей северо-кавказских народностей, что происходит переселение мелких народностей Северного Кавказа с гор в долины. Дескать горские аулы тормозят технический прогресс. Аргумент как будто убедительный. Но переселяются горцы не добровольно и не так как им выгодно (если бы они вообще желали переселиться). В долинах создаются новые поселки по принципу — от каждой национальности по несколько семей, а к этому несколько русских семей, или таких, которые знают

русский язык. В таком поселке может быть только одна школа, конечно, только русская. Только один сельсовет, конечно, только с русским языком. Для начала, можно дать, как обещал Микоян растыленным по СССР немцам Поволжья, кое-какое национальное обслуживание, хотя трудно представить как его дать каждой национальной группе в 5—6 семей. Администрация может и хотела бы дать, но, поймите, не в силах. Так прямолинейно и просто решается вопрос об ассимиляции. По-военному, как когда-то по-военному при царе Александре Первом создавались аракчеевские военные поселения. Но тогда только для русских крестьян и с узкой военной целью, а теперь с высокой исторической миссией — превращения малых и больших народов СССР в «новую историческую общность людей — советский народ». Однако на Северном Кавказе создались неожиданные трудности: не привыкшие к жизни в долинах, часто болотистых, горские народности не сближаются, а — вымирают, о чем свидетельствуют их представители.

Такая ликвидация малых народностей происходит по всему СССР. Вообще план создания единого «советского народа» выглядит на практике довольно сложным. Прежде всего поставлена задача «сблизить и слить» национальности Российской Федерации. Сегодня уже не существует целой национальной школы даже для такого высоко сознательного национально народа как татары в их автономной республике со столицей в Казани. Большинство татарских школ переведено на русский язык преподавания, хотя школы называются пока что татарскими. Среди более отсталых народностей РСФСР обучение в национальной школе переводится на русский язык со второго класса.

В Москве издается журнал «Русский язык в национальной школе». В нем рекомендуется чужой для детей русский язык заучивать так: сначала подбирать отдельные неизвестные детям русские слова и заучивать их (дрессировка ребенка, как животного) потом лексикон расширяется. И так до окончания школы ученик-инородец должен усвоить

несколько сот русских слов, чтобы в жизни мог понимать распоряжение мастера на заводе или командира в воинской части.

Описывая такую систему дрессировки (но не критикуя ее), министр просвещения Татарской АССР М. Махмутов (позже отстраненный от этого поста) приводит, как бы для противопоставления системе дрессировки, взгляд видного русского педагога К. Ушинского на роль родного языка в школе: «В языке одухотворяется весь народ и вся его родина, в нем претворяются творческой силой народного духа в мысль, в картину и звук — небо отчизны, ее воздух, ее климат, ее поля, ее бури и грозы...»¹⁵²

Русская педагогическая мысль стояла до революции несоизмеримо выше, чем теперь в «развитом социализме». Теперь ЦК КПСС в своей политике руссификации хочет опереться на науку, но как? Несколько лет тому назад в Алма-Ата происходило научное совещание о том, как легче внедрить русский язык в нерусские школы, вообще в нерусские народы. На совещании были привлечены кроме педагогов, этнографы, психологи, врачи, юристы, экономисты и так далее. Все они должны были дать научно обоснованные рекомендации (каждый в своей области) — как легче сделать русский язык доходчивым и усвояемым для нерусского существа. Невольно приходит в голову сравнение с нацизмом, который на живом человеке «научно» изучал сколько времени человек может продержаться живым в холодной воде... Опыты эти делались на представителях других национальностей, находившихся в кацетах.

СССР многонациональное государство, в котором проживает десятки национальностей. В Союз ССР входит 15 союзных республик. Только в двух из них имеются национальные автономные республики и области — это в РСФСР и в Грузинской ССР. По данным на 1972 г. в РСФСР входило 16 автономных республик, 5 автономных областей и 10 национальных округов. В состав Грузинской ССР входит две автономные республики и одна автономная область.¹⁵³ Остальные союзные республики, кроме основной нации,

именем которой они и называются, имеют национальные меньшинства. В официальных документах союзные республики еще до войны назывались национальными республиками. Позже стали называться только союзными республиками. В Уставе ВКП(б), принятом на XVII ее съезде в 1934 году, говорится еще о «съезде нацкомпартии», «ЦК нацкомпартии». В Уставе же ВКП(б), принятом на XVIII ее съезде (1939 г.) говорится уже о «съезде компартии союзной республики» и о «ЦК компартии союзной республики».¹⁵⁴ Кстати в это же время произошла замена названия партийных органов — раньше они назывались «исполнительными» органами партии. Позже, как и теперь, называются «руководящими» органами партии. Партийный аппарат подчеркивает этим свою господствующую роль над партией и над страной.

Замена названия «национальная республика» на «союзная республика» означала, как показали события, не просто изменение в словах, а новую установку в национальном вопросе — стереть в представлении народов СССР понимание союзной республики, как республики одной основной нации, от которой республика и наименование получила — Узбекская (узбеки), Эстонская (эстонцы), Белорусская (белоруссы) и т. д. Союзная республика стала все более и более рассматриваться как административная территория, как регион СССР, а не самоопределившаяся нация. В национальном же отношении взят в последнее время курс считать все союзные республики многонациональными. Дескать не может Узбекистан считаться республикой только узбеков, Украина — республикой только украинцев и т. д., когда там проживает много других национальностей. А главное — с каждым годом удельный вес других национальностей увеличивается, как результат плановой политики колонизации и ассимиляции нероссийских республик. Основная нация союзной республики должна рассматриваться как национальное меньшинство целого СССР, а, по возможности, как меньшинство и внутри своей республики.

В 1971 г. на XXIV съезде КПСС в унисон с утвержде-

нием Брежнева о возникновении «новой исторической общности людей — советского народа» первые секретари ЦК компартий союзных республик, как по команде, выступали с заявлениями о многонациональности их республик. Чем большая угроза национальному существованию республики, тем больше подчеркивался на съезде, как достижение республики, ее многонациональный состав. Так, первый секретарь ЦК КП Казахстана Д. Кунаев с гордостью заявлял, что «в Казахстане проживают представители более ста национальностей и народностей Советского Союза... В их созидательном труде окрепла и еще более углубилась ленинская дружба народов».¹⁵⁵ Но Кунаев не сказал, что эти сто национальностей не приобщаются в культуре казахского народа. Наоборот, казахский язык вытесняется русским, а казахи сегодня составляют меньшинство населения республики. Ста национальностям Казахстана не обеспечено никаких национальных прав: они не имеют своих школ, не получают прессы из своих республик. Они обречены на полную руссификацию.

Трагическое положение и народов Прибалтики — эстонцев, латышей, литовцев. Их превращают в национальные меньшинства в своих республиках, колонизируя эти республики русскими или понимающими только русский язык. А первый секретарь ЦК КП Латвии А. Э. Восс на том же XXIV съезде КПСС заявляет о создании в Латвии единого советского народа: «С того дня, — говорил Восс — как латышский народ стал полноправным членом могучего Советского Союза, он больше не является маленькой нацией. Мы теперь сыновья и дочери великого многонационального Советского Союза».¹⁵⁶ Восс повидимому не отдавал себе отчета, какая глубокая правда заложена в его торжественном заявлении: латышский народ, как маленькая нация, исчезает (у Восса его уже нет). Растворение его в едином «советском народе» с единым языком означает ничто другое, как исчезновение латышской нации. Но вопреки утверждению Восса, этого пока нет и вряд ли это когда-либо осуществится.

Создание единого «советского народа» методами колонизации, ассимиляции и руссификации происходит на уровне союзных республик более осторожным темпом, чем это делается на уровне автономных республик внутри РСФСР. Но и в союзных республиках это осуществляется не одинаково, а применительно к потребностям центра и к особенностям каждой республики. Например, для центра весьма важно быстрее темпами создать в Казахстане на базе его богатейших месторождений и весьма выгодного стратегического расположения мощную тяжелую индустрию. Но создавая ее на средства всех народов СССР, центр вовсе не намеревался усиливать национальную мощь Казахстана — создавать национальный пролетариат (говорящий на казахском языке), национальную интеллигенцию, науку, литературу. Вместо этого в Казахстане руководящие кадры индустрии (как и ведущих республиканских учреждений) обсажены русскими или говорящими на русском языке (что то же самое). Для этого в Казахстан завезено «более ста представителей разных национальностей». Фактически происходит ликвидация казахской нации и превращение ее сначала в национальное меньшинство в своей республике, потом и в национально-аморфную, но говорящую на русском языке массу. Хотя до этого последнего еще далеко.

Применительно к потребностям центра, а не только к программе создания «новой исторической общности людей — советского народа», происходит и более быстрая, чем в других союзных республиках, ликвидация прибалтийских наций — эстонской, латышской и литовской. Здесь ускорение темпов этноцида диктуется стратегическими соображениями, а также более высоким культурным уровнем этих народов по сравнению с русским. Литва, Латвия и Эстония — пограничные с Западом приморские страны. Культурно они всегда стояли выше России и близко к западным странам. Присоединение их к СССР в 1940 г. было грубейшим историческим насилием, к которому эти народы остались непримиримы до сегодняшнего дня. Имея такую опасную обстановку у весьма важных западных границ

СССР, ЦК КПСС решил исключительно быстрыми темпами ликвидировать прибалтийские нации.

Как это делается, рассказывают 17 коммунистов Латвии в письме к руководителям ряда компартий Запада, датированном VII.—VIII. 1971 г. Авторы письма заявляют, что они старые коммунисты со стажем 25—35 и более лет. Никогда не были ни в «левой» ни в «правой» оппозиции. Многие годы находились в тюрьмах и на каторге в буржуазной Латвии. Они изучали труды основоположников марксизма-ленинизма. В годы войны находились в рядах Советской Армии и в партизанских отрядах. В послевоенные годы принимали участие в строительстве социализма. «Но с болью в сердцах убедились, что... ленинизм у нас используется как ширма великорусскому шовинизму... Вначале мы думали, что это ошибки отдельных руководителей, но со временем мы убедились, что великорусский шовинизм есть продуманный курс руководства КПСС, что насильственная ассимиляция малых народов в СССР поставлена как одна из ближайших и важнейших внутригосударственных задач».

Огульное недоверие к местным партийным кадрам в Латвии привело к тому, что на руководящую работу стали выдвигаться люди не из латышей, не знающие латышского языка, не знакомые с местными условиями. В результате из общего числа работающих в ЦК компартии Латвии — только 45% латышей, а среди секретарей городских и районных комитетов партии — только 47% латышей. Кроме того многие из них только числятся латышами, долгие годы или всю жизнь жили в России и латышского языка не знают. В каждом райкоме партии числится только по одному латышу, а среди секретарей первичных парторганизаций только 17% латышей. В аппарате столичного рижского гаркома партии среди заведующих отделами нет ни одного латыша. Латышей среди коммунистов Риги всего 18%.

Недоверие к латышским кадрам дошло до того, что «при ЦК КП Латвии, как и при ЦК компартий других союзных республик, было создано Оргбюро ЦК КПСС по Латвии.

Задачей этого бюро было контролировать и направлять работу ЦК КП Латвии, всю политику в республике». Председателями этого Оргбюро были, конечно, русские: сначала Шаталин, а позже Рязанов. На должность второго секретаря ЦК КП Латвии Москвой был направлен Иван Лебедев, на должность секретаря ЦК по кадрам — Федор Титов. «Эти посты так и по сей день сохранились и сохраняются за русскими», — пишут в письме 17 латышских коммунистов.

Здесь следует отметить, что не только в Латвии — во всех союзных республиках СССР вторые секретари ЦК республиканских компартий в настоящее время должны замещаться только русскими, причем не местными, а присланными из центра. Вторые секретари ЦК в союзных республиках назначают и перемещают все местные партийные кадры и вообще осуществляют партийное руководство всей республиканской жизнью. Практически они имеют большую власть над союзной республикой, чем секретари первые, которые занимаются больше общепартийной политикой. На пост первого секретаря ЦК республиканской компартии ЦК КПСС подбирает обязательно «национала», хотя бы и не рожденного в своей республике. Например, теперешний первый секретарь ЦК КП Латвии Август Восс родился в Сибири и там был учителем, латышского языка не знает, но считается латышом.

Для обеспечения массового наплыва в Латвию русских, белоруссов, украинцев и всех, кто может и должен пользоваться там русским языком, начали в республике рассаживать разные всесоюзные, межреспубликанские и зональные органы и строить большие промышленные предприятия, что не диктовалось экономической целесообразностью — утверждают в своем письме 17 латышских коммунистов. Так, создаются в Латвии громадные предприятия индустрии, для строительства которых завозят в республику рабочих извне и они оседают в ней навсегда. Завозят и работников вновь сооруженных предприятий. В Даугавпилсе построено крупное предприятие синтетического волокна и из завезенных строителей и работников этого предприятия

образовался крупный городок почти без единого латыша. Такие городки построены и в других районах Латвии. Строителей, специалистов и рабочих завозят в республику, а продукцию вывозят. Кстати и сырье для этих предприятий в большинстве случаев завозят извне. Такие предприятия не имеют экономических корней в Латвии, но они нужны для быстрой ликвидации латвийской нации.

Для быстрой денационализации латвийского народа в Латвии строятся десятки крупных санаториев, домов отдыха и туристских баз всесоюзного значения. «Рижское взморье теперь уже превращено в курорт союзного значения и местных жителей там почти уже нет. На заводах, где большинство рабочих латыши, все руководители не знают латышского языка (радиозавод им. Попова, Вагостроительный завод, Автоэлектроприбор, «Ригас аудумс» и др.). Латышского языка не знают 51% работников торговли. «Около 65% врачей, работающих в городских лечебных учреждениях, не знают латышского языка и по этой причине часто допускаются грубые ошибки при установлении диагноза и определении средств лечения».

Одновременно с увеличением количества не латышского населения в республике создаются условия для руссификации и ассимиляции латышей. Радио и телевидение все больше переводится на русский язык. Около половины газет, журналов и книг издаются в Латвии на русском языке, хотя русские читатели могут получать из Москвы массу изданий на русском языке. В Латвии не хватает бумаги для издания работ латышских писателей, школьных учебников, но несмотря на это здесь издаются работы русских писателей и школьные учебники на русском языке. Всюду в республике делопроизводство ведется на русском языке. «Есть много коллективов, — сказано в письме 17 латышских коммунистов, — где абсолютное большинство латышей, но если в коллективе имеется хотя бы один русский, то он требует, чтобы собрание велось на русском языке и его требование удовлетворяется; если этого не делают, то коллектив обвиняется в национализме».

То что в письме 17 латышских коммунистов говорится о национальной политике ЦК КПСС в Латвии, относится и к другим союзным республикам, только в Латвии, как и в других прибалтийских республиках, этот процес происходит быстрее из «стратегических» соображений и потому, что прибалтийские народы количественно небольшие. Ниже приводятся еще некоторые данные о Латвии почти в одинаковой мере относящиеся в другим республикам. Ведь не со всех республик поступают на Запад такие уникальные материалы, как письмо 17 латышских коммунистов.

В письме латышских коммунистов сказано далее, что в городах и селах Латвии создаются объединенные школы, детские сады и ясли, где рядом с латышским языком обучения вводятся русские группы и классы. В таких случаях все мероприятия — педагогические советы, собрания учителей и учеников, пионерские слеты проводятся для всех (латышских и русских групп) на русском языке.

В газетах, по радио и телевидению, на собраниях и в книгах — всюду ежедневно проповедают дружбу з русскими, широко пропагандируются случаи, когда латышские девушки выходят замуж за русских или латышские парни женятся на русских девушках. В столовых, кафе и ресторанах готовятся блюда только по союзным (русским) рецептам; национальный блюда являются редкостью. Также марки папирос, конфект, шоколада продаются только союзные марки. Латышский народный праздник «Лиго» запрещен, хотя его праздновали веками — при царях и под Гитлером.

В Латвии массово издаются сочинения русских классиков, но латышских классиков признают только трех. Ни один из 6 административных районов города Риги не носит местного названия. Они называются: Ленинский, Кировский, Московский, Ленинградский, Октябрьский и т. д. Также улицы Риги носят имена — Кирова, Пушкина, Горького, царского генерала-завоевателя Суворова. Но латышские имена исчезли. Например, переименовано на русские название бульвара Аспазияс (виднейшая латышская поэтеса) и улица Кр. Вальдемара (латышский просветитель). В Ри-

ге имеется мемориальный дом завоевателя прибалтийских стран русского царя — Петра I. Расформированы латышские воинские части, а латышских юношей посылают служить распыленно подалее от Латвии. Каждый латышский театр (профессиональный и самодеятельный), оркестр, ансамбль или хор должны иметь в репертуаре русские пьесы или песни. Но в репертуарах русских коллективов латышских пьес или песен почти не бывает.

До установления советской власти в Латвии (до 1940 г.) права национальных меньшинств были обеспечены. Литовцы, эстонцы, евреи, немцы, поляки и др. имели свои школы, издавали на родном языке газеты, журналы, книги; у них были свои клубы, театры, хоры и т. д. «Теперь, несмотря на известные принципы марксизма-ленинизма по этому вопросу и несмотря на утверждение руководителей КПСС, что в СССР национальный вопрос решен, что всем нациям и народностям обеспечена полная свобода и равенство — ничего подобного нет. Во всех республиках все есть для русских, кое-что имеется для коренного населения, а для остальных — ничего. Для 3,5 миллионов проживающих во всем СССР евреев только в их Автономной области имеется одна газета на родном языке и один журнал. Они лишены возможности иметь свой театр, клуб или какую-либо культурно-просветительную организацию, там где они проживают десятками тысяч». (Подчеркнуто у авторов письма).

В письме латышских коммунистов сказано, что они осветили положение в СССР только в одном аспекте — аспекте национального вопроса. «Но столь же грубо у нас искажается марксо-ленинское учение об общечеловеческих правах — свободе слова, денинском стиле работы и другие основные принципы марксизма-ленинизма». И латвийские коммунисты просят руководителей компартий Европы повлиять на советских руководителей вернуться к основоположным принципам марксизма-ленинизма.¹⁵⁷

Сказанное в письме латышских коммунистов подтверждают и представители других народов СССР. Они говорят, что то же самое делается и в других республиках

СССР. Так, украинский поэт и ученый языковед С. Караванский пишет, что хотя Латвия была присоединена к СССР в 1940 г. без военного сопротивления, но в 1941 г. офицеры латвийской армии были приглашены на тактические занятия, откуда они так и не возвратились и их судьба неизвестна. Ни один человек домой не возвратился. «Этот факт, — пишет С. Караванский, — являющийся сам по себе преступлением против человечности, не может служить делу укрепления дружбы народов».

С. Караванский пишет там же и о «поголовном выселении эстонского населения из пограничных районов Эстонии в Сибирь, вся вина этих эстонцев заключалась в том, что они проживали в пограничной местности. Можно было выселить этих людей в другой район эстонской республики». Караванский пишет и о том, что «на Украине систематически, из года в год увеличивается русское население и уменьшается украинское. Аналогичные национальные миграции происходят в Белоруссии, Молдавии, Казахстане, Киргизии и других национальных республиках. Эта колонизация противоречит дружбе народов. Например, появление на Украине больших масс русского населения (отставные офицеры, отставные работники КГБ и другие привилегированные категории граждан), которые поселяются в городах и захватывают все выгодные должности, работы и профессии, а это приводит к тому, что коренное украинское население отодвигается на низкооплачиваемые работы разнорабочих, санитаров, дворников, грузчиков, строителей и сельскохозяйственных рабочих». Караванский напоминает, как возвратившихся из выселения на Кавказ, в родные края чечен и ингушей русское население города Грозного (столица Чечено-Ингушии) встречало лозунгами «Долой чечен и ингушей с Кавказа!» «Да здравствует сталинская национальная политика!».

С. Караванский называет колонизаторской существующую в СССР систему паспортной прописки населения. «По этой системе, — сказано у Караванского, — человек может проживать только там, где ему позволят органы милиции

и не имеет права свободно передвигаться по стране, не имеет права жить в так называемых «режимных» городах. Так, житель Украины не имеет права свободно поселиться и проживать в столице Киеве, в Одессе, Львове, житель Литвы в Вильнюсе и Каунасе, житель Латвии в Риге. Почему? Какая угроза для коммунистического общества от того, что в Киеве будут жить украинцы? А ведь СССР подписал в 1948 г. международную конвенцию о правах человека, — пишет С. Караванский, — где есть пункт о свободе передвижения внутри страны. Фактически же этой свободы нет, так как жители национальных республик не имеют права поселиться в городах своей республики. Такая дискриминация при прописке открывает путь к заселению городов национальных республик не местным, преимущественно русским населением».

Специально пишет С. Караванский и о дискриминации еврейского народа в СССР. «Отношение к еврейской национальности, — пишет Караванский, — это та лакмусовая бумажка, которая свидетельствует о степени интернационального сознания данного общества. Закрытие еврейских культурных учреждений: газет, школ, театров, издательств, расстрелы деятелей еврейской культуры, дискриминация при приеме евреев в высшие учебные заведения — все эти явления пышным цветом расцвели во времена культа Сталина... М. С. Хрущев вынужден был реабилитировать пострадавших деятелей еврейской культуры. Но на этом он и поставил точку. А где еврейские театры, газеты, издательства, школы? В Одессе, где проживает 150000 еврейского населения (25% от всего населения Одессы) в вузах учится 3—5% евреев. Это норма, которая негласно существует при приеме в вузы. Еврейской молодежи, которая подает документы в вузы других городов СССР, там говорят: «Но в Одессе же имеются нужные вам учебные заведения, вступайте в них!» И это в то время, когда русская молодежь с Урала, из Сибири, Москвы, Тулы, Саратова, где есть свои вузы, учится в вузах Одессы, ей предоставляют специально построенные для нее общежития, а местная ев-

рейская молодежь (так же как и украинская или молдавская) имеет очень ограниченные права на образование».

С. Караванский объясняет, почему мало в вузах Украины украинской молодежи. Ученики украинских школ, пишет Караванский, «не имеют равных прав при вступлении в средние и высшие учебные заведения, сравнительно с лицами, родным языком которых является русский. Это потому, что при вступлении в средние школы и вузы на конкурсном экзамене требуется русский язык и литература. Понятно, что абитуриенты русских школ сдают этот экзамен успешнее, чем абитуриенты украинских школ. Кроме того, приемные экзамены по специальным дисциплинам производятся на русском языке, что тоже затрудняет абитуриентам украинских школ сдавать экзамены по специальным предметам. Таким образом, абитуриенты русских школ получают при вступлении в учебное заведение больше баллов на конкурсных испытаниях, чем абитуриенты украинских школ... В результате такого неверного антиленинского подхода, — пишет Караванский, — в числе тех, кто учится в вузах, украинцы составляют значительно меньший процент в сравнении с их процентом на производстве в Украинской ССР».

Особое место в цитированных материалах Караванского (эти материалы самиздатские и напечатаны только за границей) занимает вопрос о крымских татарах. Караванский пишет: «Выселение татар из Крыма — акт кричащей несправедливости... Как это так, в XX столетии общество, стремящееся построить самый справедливый строй на земле, выселяет с исторических земель 900000-ный народ за то, что отдельные его представители «изменили родине»?... Дескать, исторически крымские земли не татарские, а русские».

Конкретно С. Караванский предлагает такие реформы:

1. Прекратить все виды национальной дискриминации еврейского населения.

2. Возобновить государственность крымских татар и немцев Поволжья.

3. Возвратить недвижимое имущество семьям несправедливо высланных и репатрированных теперь народов. (Караванский пишет, что представители выселенных и потом развратившихся на родину народов вынуждены покупать отобранные у них их собственные дома).

4. Возвратить несправедливо сосланных в Сибирь представителей народов Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии, Молдавии.

5. Провести расследования бесследного исчезновения латвийских военнослужащих.

6. Провести широкую амнистию всем жертвам культа Сталина.

7, 8. Украинское требование — освободить трех украинских женщин-мучениц — Зарицкую, Дидык и Гусяк. Рассмотреть вопрос дискриминации украинского населения Кубани, Белгородской области и Стародубья и принять меры к устранению дискриминации.

9. Устранить все элементы дискриминации национальностей в области просвещения на Украине, в Белоруссии, в Молдавии и других республиках.

10. Осудить практику выселения национальных республик в Сибирь и заселения их русским населением.

11. Пересмотреть систему паспортных ограничений и осудить паспортную дискриминацию, которая противоречит международной конвенции и подрывает дружбу народов.

12. Пересмотреть границы национальных республик с целью установления точных этнографических границ.

13. Провести широкое обсуждение всех затронутых вопросов на страницах печати.

10. 4. 1966 года».¹⁵⁸

Насильственная руссификация, как средство создания единого «советского народа» с русским языком, до последнего времени мало затрагивала союзную республику СССР — Грузию. Существовало даже мнение, что грузин Сталин (Джугашвили) позволял для Грузии, как своей родины, большую автономию, чем имели другие союзные республики. Но проще объяснить сохранение большей автономии

Грузии высокой национальной сознательностью грузин, умеющих защищать свои национальные права. Грузия была три года (1918—1921) независимой демократической республикой, признанной государствами мира. После завоевания ее красной армией, Грузия всячески боролась за свою государственную независимость, которую отстаивали и грузинские коммунисты, как об этом было уже сказано выше. В 1924 г., после кровавого подавления грузинского восстания, грузины как только могли бойкотировали Россию. Говорилось, например, что в те времена, если по центральной улице столицы Тбилиси прогуливались вечером грузины и русские, то грузины переходили на другую сторону улицы, чтобы не быть вместе с русскими.

Теперь, после провозглашения Брежневым «советского народа, как новой исторической общности людей», русификация затронула наконец и Грузию. В грузинскую национальную школу стал насильственно внедряться русский язык за счет отказа от преподавания некоторых предметов на грузинском языке. Вводится преподавание на русском языке и в Тбилисском государственном университете. Против всего этого резко возразили культурные деятели Грузии. Так в документе — Социалистические обязательства Тбилисского государственного университета на 1976 г. — сказано: «Будет введено в практику преподавание ряда предметов на русском языке, для чего предусмотрено приглашение ведущих русских специалистов. Что означает это? Это означает: древний грузинский язык... стоящий наравне с другими развитыми языками мира, не оправдал себя и, вот пробил час, когда мы должны распрощаться с нашей национальной гордостью — Тбилисским университетом, который создавался потом и кровью наших предков. Эта идея, дружба, создание негрузинского университета в Тбилисси не нова».

10. 1. 1976 г. министр просвещения Грузии Тамара Лашкарашвили напечатала в московской «Учительской газете» статью в которой писала: «Интересная работа проводится в Зуглидской средней школе. Здесь уже с 5-го класса уроки

истории, географии и физкультуры проводятся на русском языке. В течение года дети достигли больших успехов в изучении». Критики этих мероприятий говорят: опыт Зуглидской школы будет внедрен и в других школах Грузии и, таким образом, грузинский язык постепенно должен быть удален из грузинских школ!

Все эти факты перечислял на 8-м съезде писателей Грузии писатель Р. Джапаридзе, за что против него была поднята в прессе травля. Джапаридзе критиковал и министра высшего и специального среднего образования СССР Елютина за его приказ, согласно которому все учебники высших учебных заведений должны издаваться на русском языке. По этому поводу Р. Джапаридзе говорил на съезде грузинских писателей: «В силу этого закона уже изъяты из производства ряд оригинальных учебников грузинских ученых... Согласно постановлению высших инстанций, диссертации, даже если они касаются грузинского глагола, публикации по диссертациях, даже стенограммы заседания Ученого совета должны быть представлены в Москву в переводе на русский язык, а сама процедура защиты диссертации может проводиться на родном языке лишь в случае согласия оппонентов и членов Ученого совета».

Руссификация в Грузии проводится пока не так жестко как, например, в Латвии. Поэтому, как сказано в документах Самиздата, «речь Джапаридзе на съезде писателей Грузии прерывалась громовыми аплодисментами, а когда он кончил, ему аплодировали минут десять-пятнадцать». Даже партийная тифлисская газета на русском языке «Заря Востока» от 25 августа 1976 г. в отчете о съезде грузинских писателей не смогла замолчать этого случая и отметила «сочувственный отклик у части случайно оказавшейся в аудитории публики».¹⁵⁹

Создание единого «советского народа, как новой исторической общности людей» в других союзных республиках Закавказья, а также Средней Азии, где местные языки весьма отличны от русского, проводится тоже методами насилия. Чем республика более отдалена от цивилизованного

мира, чем более она отстала культурно, тем решительнее и грубее проводится там руссификация, ассимиляция и скрытый геноцид. (Например, в Киргизской ССР).

Кстати о скрытом геноциде. В цитированной книге украинского дисидента Ивана Дзюбы («раскаявшегося» в застенках КГБ), приведены статистические данные. По переписи 1897 г. число русского населения в империи составляло 55,4 млн. человек, а в 1959 г. 114,1 млн. человек, увеличение больше чем в два раза. В 1913 г. украинцев в России насчитывалось 37 млн. человек, в 1926 г. тоже 37 млн., в 1959 г. — 37 с лишком миллионов, хотя должно бы увеличиться против 1913 г. на каких-либо 10—20 млн. (принимая во внимание, что после гражданской войны (1926 г.) коэффициент прироста на Украине был один из самых высоких в СССР и даже во всей Европе). Абсолютная численность народности мордва уменьшилась на 12% в результате ассимиляции ее русскими. Абсолютное количество карел уменьшилось на 25%, башкир — на 47%, калмыков — на 79%, евреев — на 67% (в результате фашистского геноцида). Выселенные из Крыма татары в большом количестве вымерли, о чем свидетельствуют их многочисленные заявления. Данные переписи 1970 г., не приведенные в книге Дзюбы (она вышла в 1968 г.), говорят о дальнейшем увеличении количества русских за счет других народов СССР. Это результат прежде всего ассимиляции и руссификации. Также многие нерусские при переписи насильственно включаются в рубрику «русский», или многим выгоднее называться русскими.

Но в уменьшении количества нерусского населения причиной является также скрытый геноцид. В упомянутой книге И. Дзюбы отмечен такой факт: «В одном докладе на общем собрании Академии Наук Украинской ССР 12.—14. марта 1965 г. приведены данные о том, что естественный прирост украинцев — один из самых низких в Европе (когда то один из самых высоких. — И. М.) и что 23—24% украинских девушек в селах не имеют возможности выйти замуж из-за отплыва из сел мужского пола».¹⁶⁰ Такого

разъединения полов не было бы если бы вербовка молодежи в индустрию и на целину не преследовала скрытой цели уменьшения на Украине рождаемости, с одной стороны, и создания смешанных браков украинских мужчин с девушками других национальностей на фабриках, стройках и на целине, словом — вне Украины, с другой стороны.

Создание единого «советского народа как новой исторической общности людей» в славянских республиках Украины и Белоруссии дело более легкое для бюрократии, в связи с расовой близостью белоруссов и украинцев к русским, близостью языков, и, наконец, общностью религии, когда верующие украинцы и белоруссы насильственно подчинены московской православной церкви.

Но и сопротивление руссификации на Украине более сильное, чем в любой другой республике СССР. Количество диссидентов на Украине значительно больше, чем в Российской Федерации. Это связано с тем, что руссификация формально ведется якобы во имя коммунистического «сближения» и «слияний» наций, но в действительности в нескрываемых интересах великодержавного русского шовинизма.

Рожденный в Канаде украинец Иван Коляска, как член компартии Канады был принят в Киевский университет в начале 60-х годов. В Канаде он был энтузиаст советской власти и возрождения родины его предков — Украины. Но был потрясен, увидев на Украине безудержную руссификацию.

Как коммунист, Коляска пытался оправдать это, но убедился, что руссификация ведется вовсе не во имя коммунизма и не руками идейных коммунистов. Возвратившись в Канаду, Коляска написал книгу на английском языке «Education in Soviet Ukraine». В предисловии к украинскому переводу этой книги Коляска пишет: «Многие русские, с которыми я сталкивался, проявляли открытое презрение, потому что я говорил по-украински. Иногда бывали случаи даже оскорбления. Постепенно с болью пришло убеждение — то, что я поддерживал в Канаде как обра-

зец справедливости, в действительности было самым худшим примером национального угнетения. Столкновение с действительностью настолько потрясло меня, что я даже заболел... Руссификация все больше и больше тревожила меня. Часто ночами я лежал бессонный, мучимый сомнениями, противоречиями и беспокойством. Как я ни пытался убедить себя, что здесь нет насилия, что это естественный и неизбежный процесс, с которым надо в конце концов согласиться! Но утром я был снова на улице, где сталкивался с горькой действительностью. Всюду были русские с их нахальством, высокомерием и презрением к украинскому языку, — временами скрытым, а временами явным; с их откровенным подчеркиванием русского превосходства...».161

Эта искренняя исповедь канадского коммуниста важна тем, что он готов был согласиться с неизбежностью руссификации, если бы ему доказали необходимость руссификации для построения коммунизма. Но так как такого доказательства не нашлось, а адептами руссификации были только русские шовинисты, презрительно относящиеся к безправному украинскому народу, то Иван Коляска собрал материалы о порабощении наций в СССР, вернулся в Канаду, вышел из компартии Канады, осудившей его выступления, и издал упомянутую книгу «Просвещение в Советской Украине». Вышло так, как писал И. Дзюба в упомянутой его книге «Интернационализм или руссификация?» — «Нельзя к правде прийти через неправду». Дисиденты угнетенных в СССР народов верят, что «неправда» (угнетение) оттолкнет от советской Москвы не только нероссийские народы, но со временем и все поддерживающие ее международные силы.

Характерное явление: национальное угнетение при Сталине было тоже, но сопротивления ему было мало. Это потому, что национальное угнетение оправдывалось тогда защитой коммунизма. Но идейный коммунизм не мог долго прикрываться маской русского великодержавия. Он сдал ему позиции, что так поразило коммуниста Коляску на ули-

цах Киева. Выросла непроходимая пропасть между угнетенными в СССР народами и руководством КПСС. Уничтожены коммунистические преграды к росту национально-го сопротивления в СССР, все от мала до велика начинают видеть, что руссификация и ассимиляция нужны не для коммунизма, а против коммунизма, для величия новой империи, для новой «тюрьмы народов». Водораздел создан — национальные реки текут не к Москве, а от Москвы и никакая сила не остановит этого естественного процесса. Даже если бы все население СССР изучило русский язык. Правда — сильнее языка. Это подтверждает, например, борьба ирландцев за свою независимость. Их национальный язык задушен (временно?). Но они на языке поработителя отстаивали свою независимость от него. Или хорваты. У них общий язык с сербами. Но кратковременное национальное унижение под сербским владычеством посеяло вечную вражду и отчужденность между этими «единокровными» народами. Кстати, среди единокровных борьба за национальное равноправие особенно сильна.

На очереди стоит унификация коммунистических государств Варшавского блока под главенством СССР. В экономическом отношении они уже зависимы от Москвы через Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ). В государствах членах СЭВ в школах введено обязательное обучение русскому языку, с тенденцией превращения его, как и в республиках СССР, во «второй родной язык», что уже осуществлено в Болгарии, как сообщало радио София в январе 1976 г. Болгария также усиленно колонизируется русскоязычным элементом. Так что она может стать первым государством Варшавского блока, которое войдет в состав СССР на правах союзной республики. Близка к этому и Монгольская Народная Республика, «сближение» которой с СССР производится путем усиленной колонизации и растворения в русскоязычном море монгольского населения. В 1965 г. его было меньше одного миллиона — 80% от всего населения республики. Немного лет перед тем — 90%).¹⁶²

Но ассимиляция восточно-европейских коммунистиче-

ских стран дело более сложное, чем народов СССР. Эти государства не были в составе Российской империи (кроме части Польши). Здесь не было привычки к русскому господству. Поэтому традиционный русский национализм может утверждать здесь свое господство только голой силой, на что он, весьма ослабленный внутри собственной империи, просто неспособен. Впрочем, он не имеет и претензий на это, так как не верит в такую возможность. Его задача — удержать свое господство в старых имперских границах (без Польши и Финляндии). Традиционный русский национализм рад, конечно, насильственному внедрению в восточно-европейских коммунистических странах русского языка, рад экономическому подчинению (эксплуатации) этих стран Советскому Союзу, не сопротивлялся бы и включению этих стран в состав СССР, но он просто не верит в такую возможность. В настоящее время он занимает оборонные позиции — сохранить в своих руках хотя бы старые имперские территории.

Для поглощения восточно-европейских коммунистических стран московским великодержавием более применим оказался не традиционный русский национализм, а «марксизм-ленинизм» партийного аппарата КПСС. Он старается убедить своих восточно-европейских «братьев» аргументами не великодержавно-российскими, а коммунистически марксистскими, которые должны обязывать коммунистических руководителей этих стран. Аргументы аппарата ЦК КПСС таковы: Ленин учил, что к социализму мир придет только через крупные многонациональные государственные объединения, а не через мелкие национальные государства. Ленин учил о «сближении» и «слиянии» наций, о слиянии их языков в единый мировой язык.

Надо отметить, что эти ссылки на Ленина натянуты и сегодня мало убедительны даже для последовательных марксистов-ленинцев.

Крупные многонациональные государственные объединения сегодня исчезли, еще не дожив до социализма. В мире не осталось ни одной колониальной империи, кроме

СССР. Модная когда-то в Европе идея многонациональных государств обанкротилась уже после Первой мировой войны и сам Ленин после Октябрьской революции не настаивал на ней. В особенности не настаивал на «сближении» и «слиянии» наций и их языков, а совсем наоборот — в 1922 г. он требовал обеспечить равноправие и независимость нерусских наций, передать возрождение их в руки коренного населения (коренизация).

Идея «слияния» наций, идея «старшего брата» была всегда присуща только русским коммунистам. Компартиям восточно-европейских стран она чужда, хотя они и не смеют открыто высказаться против нее. Открыто высказываются против югославские коммунисты, не связанные Варшавским блоком. Орган компартии Хорватии «Вестник» напечатал в феврале 1977 г. статью «Благородный народ», в которой полемизирует со ставленником Москвы в Грузии Шаварнадзе. Последний в своем докладе в Тбилиси наделял эпитетами «старшего брата» — русский народ, ничего не говоря о других народах. «Вестник» пишет: «Мы были поражены беспрецедентными восхвалениями, утверждением величия, важности, благородства и жертвенности только одного народа... Мы в многонациональной Югославии — за подлинное равноправие народов и народностей как основы югославской общности... Мы, югославы, не скрываем своей гордости, что не имеем в нашем многонациональном государстве такого народа, который сделал бы так много для счастья и благополучия других народов, так искренне и бескорыстно жертвовал бы собой для других... Мы тако-го исключительно благородного народа... к счастью не имеем, как не имеем и менее благородных народов и народностей, которые были бы хуже других... Если бы было по-другому, то что осталось бы от нашего равноправия?»

Известно, что и в Югославии существует один национализм (сербский), претендующий господствовать над другими народами. Но он, во-первых, мог бы опереться только на меньшинство населения Югославии. Во-вторых, он не имеет вековых традиций господства над другими народами,

какими история наделила русских. Наоборот, сербы еще в прошлом столетии сами были народом угнетенным. Наконец, каждому в Югославии ясно, что удержать в целостности эту федерацию с господством одной нации невозможно. Даже теперь, при относительном равноправии всех наций, в Югославии существуют центробежные силы среди наций, не претендующих на господство, но стремящихся к полной независимости. Кстати сказать этим центробежным силам в Югославии руководители КПСС как будто сочувствуют. «Сближение» и «слияние» в Югославии для ЦК КПСС нежелательно. Потому что в перспективе легче малые югославские нации «сливать» с «советским народом» раздельно, чем поглощать в целом Югославскую Федерацию. В общем югославская концепция равноправия наций более приемлема для государств Варшавского блока, чем «старшебратская» концепция ЦК КПСС с планами «сближения» и «слияния» в «новой исторической общности людей — советском народе».

Но есть другие аргументы аппарата ЦК КПСС за «сближение» и по возможности «слияние» государств Варшавского блока с СССР, аргументы более сильные, чем ссылки на Ленина. Эти аргументы новейшего происхождения и вытекают они из концепции советского бонапартизма, то есть перенесения в буржуазную Европу коммунистического режима военной силой.

Хотя концепция коммунистического бонапартизма изобретение чисто советское и логически вытекает из контрреволюционного перерождения русского коммунизма, все же компартии Варшавского блока являются невольными соучастниками этой концепции. Как страны, оккупированные советской армией, они вынуждены были перестроить свою экономику на военный лад по советскому образцу, с эксплуатацией народных масс тоже по советскому образцу. Не входящие в Варшавский блок Югославия и Албания избавлены от необходимости включаться в советские бонапартистские планы и вооружаются слабее, больше для самообороны, чем для бонапартистской агрессии. Вооружают-

ся для самообороны не столько от капиталистической агрессии сколько от коммунистического «старшего брата».

Компартиям Варшавского блока невозможно уже перестраиваться на югославский или албанский лад, ибо они связаны с СССР круговой порукой за преступления перед своими народами (например, расстрелы рабочих в Польше в декабре 1970 г. и т. д.). Волей-неволей они должны включаться в советские бонапартистские планы завоевания Европы, вытаскивать из огня каштаны для московского империализма. Коммунистические режимы стран Варшавского блока можно считать верными союзниками Москвы в ее завоевательных планах. Другое дело народы этих стран. Они уже чувствуют, что их втягивают в чужое кровавое дело.

Верные Москве коммунистические режимы стран Варшавского блока волей-неволей должны принимать и концепцию КПСС о «сближении» и «слиянии» наций, конкретно — об интеграции их народов в «новой исторической общности людей — советском народе». Отсюда и введение преподавания русского языка с первых классов народных школ во всех государствах Варшавского блока, а в Болгарии превращение этого языка во «второй родной язык» болгарского народа. Отсюда и все другие мероприятия по унификации с СССР идеологии, политической и экономической жизни стран Варшавского блока. Никто в этом блоке не смеет, конечно, высказаться против. Руководящие коммунистические верхи стран Варшавского блока идейно обезоружены бонапартистскими аргументами КПСС и дают на свою партию, а партии на народы — подчиняться Москве.

Между тем в советских республиках, а теперь и в странах Варшавского блока, нарастает протест против социального и национального порабощения их Москвой. Борьба эта вылилась, как сказано, в дисидентское движение интеллигенции, а теперь и рабочих. Сила этого движения, в отличие от возглавлявшегося царскими генералами белого движения, заключается в том, что дисиденты борются не за раставрацию дореволюционных порядков, а за подлинное

осуществление того, что обещала Октябрьская революция — за свободу человека от всякого порабощения и за равноправие наций. Не случайно поэтому в дисидентское движение включаются также члены коммунистической партии. Пропаганда КПСС изображает дисидентов как агентов империализма. Но в это мало кто верит, каждому ясно, что борьба за права человека, за свободу наций не есть агентурная деятельность.

Идеологическая база советского бонапартизма в его подготовке к завоеванию Европы весьма ненадежна. Трудно представить чтобы порабощенные Москвой народы СССР и народы Варшавского блока позволили втянуть себя в кровавую авантюру руководителей КПСС.

Конец

ЛИТЕРАТУРА

- 1 АН СССР. Институт истории. История национально-государственного строительства в СССР. Национально-государственное строительство в переходной период от капитализма к социализму. Издательство «Мысль». Москва 1968, стр. 20, 21, 22. Дальше буде называться «Нац.-госуд. строит-во в СССР».
- 2 Журнал «Посев». Франкфурт на Майне. № 2, 1976, стр. 44.
- 3 Журнал «Посев», № 3, 1976, стр. 55.
- 4 И. С. Аксаков. По поводу указов о народном просвещении в Польше. «Полное собрание сочинений». Москва, 1886, т. 3, стр. 382. Цитировано по Иван Дзюба. «Інтернаціоналізм чи русифікація». Изд-во «Сучасність» 1968, стр. 113. В дальнейшем будет — Иван Дзюба.
- 5 С. М. Соловьев. История России с древних времен. С.-Петербург, 1864, кн. 6, стр. 37. Цитир. по Иван Дзюба, стр. 113.
- 6 М. А. Плотников. Янгал-Маа, вогульская поэма. Москва—Ленинград, 1933, стр. 9—11, 39—40. Цитир. по Иван Дзюба, стр. 96—98.
- 7 «Из-под глыб». Сборник статей. Париж, 1974, стр. 137.
- 8 Т. Давлетшин. Советский Татарстан. Мюнхен, 1974, стр. 49.
- 9 Там же. Стр. 22, 25, 45. Дальне будет — Давлетшин.
- 10 А. Ефименко. История украинского народа. Том 2, стр. 161. Цитировано по работе М. Волобуев «До проблеми української економіки» из журнала «Більшовик України» № 2—3, 1923. Взято из «Документи українського комунізму». Издат-во «Пролог», Нью-Йорк, 1962, стр. 183.
- 11 Л. Рыбалка (псевдоним Л. Юркевича). Русские социал-демократы и национальный вопрос. Женева, 1917, стр. 23. Дальше будет Рыбалка.
- 12 Цитировано по — Сергій Мазлах і Василь Шахрай. До хвили Що діється на Україні і з Україною. Издат-во «Пролог». Нью-Йорк, 1967, стр. 162. Дальше будет — Мазлах—Шахрай.
- 13 J. Bryce. The Competitive Victory of Western Culture, in: W. Hamilton (Ed.) Curent Economi Problems. (Chicago, 1914), pp. 130—131. Цитировано по В. Голубничий в журнале «Сучасність», № 1, 1970, стр. 95. Мюнхен.
- 14 В. И. Ленин. Соч., изд. IV, т. 20, стр. 28, 29. Подчеркнуто у Ленина.
- 15 Там же, стр. 202, 203.

- 16 В. И. Ленин. Соч., изд. IV, т. 6, стр. 419.
- 17 Цитир. Рыбалка, стр. 8.
- 18 В. И. Ленин. Соч., изд. IV, т. 19, стр. 385.
- 19 Там же, стр. 455—458.
- 20 В. И. Ленин. Изд. IV, т. 20, стр. 19.
- 21 В. И. Ленин, изд. IV, т. 20, стр. 15.
- 22 В. И. Ленин, изд. IV, т. 35, стр. 58—59.
- 23 В. И. Ленин, изд. IV, т. 23, стор. 62—63.
- 24 В. И. Ленин, изд. IV, т. 19, стр. 386.
- 25 В. И. Ленин, изд. IV, т. 23, стр. 56.
- 26 Л. Рыбалка, стр. 5.
- 27 В. И. Ленин, изд. IV, т. 23, стр. 54—55.
- 28 В. И. Ленин, изд. IV, т. 35, стр. 99.
- 29 Л. Рыбалка, стр. 30, 31, 32.
- 30 В. И. Ленин, изд. IV, т. 20, стр. 382, 383.
- 31 В. И. Ленин, изд. IV, т. 20, стр. 202, 203.
- 32 В. И. Ленин, изд. IV, т. 20, стр. 395.
- 33 В. И. Ленин, изд. IV, т. 23, стр. 43—44.
- 34 Л. Рыбалка, стр. 7—8.
- 35 В. И. Ленин, изд. V, т. 45, стр. 357.
- 36 В. И. Ленин, изд. IV, т. 33, стр. 335.
- 37 В. И. Ленин, изд. V, т. 45, стр. 361—362.
- 38 В. И. Ленин, изд. IV, т. 35, стр. 224.
- 39 Журнал «Вопросы истории № 7, 1971, стр. 27. Там неправильно приведенная цитата из В. И. Ленина, изд. IV, т. 20, стр. 55.
- 40 Коллективная работа «История коммунистических организаций Средней Азии». Ташкент, 1967, стр. 125. Дальше будет — Истор. комм. орг. Средней Азии.
- 41 Правда 15. 5. 1917. В. И. Ленин, Соч. изд. IV, т. 24, стр. 301, 304. И резолюция VII Апрельской 1917 г. конференции РСДРП(б) по нац. вопросу в «КПСС в резолюциях съездов, конфер. и пленумов ЦК». Ч. 1, стр. 345—346. Издание VII, 1954.
- 42 В. И. Ленин, изд. IV, т. 29, стр. 172.
- 43 Павло Христюк. Записки і матеріали до історії української революції 1917—1920 рр. стр. 135, 149. Далее будет П. Христюк.
- 44 В. Антонов-Овсеенко. Записки о гражданской войне. Москва, Госиздат, 1928, том I, стр. 87.

- 45 Історія КП(б)У в матеріалах і документах. 1934, Харків, часть 2, стр. 341.
- 46 Сергій Мазлах і Василь Шахрай. До хвилі. Що діється на Україні і з Україною. Второе издание Нью-Йорк, 1967, стр. 283. Дальше будет — Мазлах и Шахрай.
- 47 П. Христюк, т. 2, стр. 174.
- 48 Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. Москва 1963, стр. 180—195.
- 49 Очерки истории коммунистических организаций Закавказья. Тбилиси, 1967, том. I, стр. 423. Дальше будет — Истор. к. о. Закавк.
- 50 Там же, стр. 382.
- 51 Там же, стр. 401.
- 52 Цитата из В. И. Ленина по газ. «Известия» № 265, 4. 12. 1918. Взято из Мазлах—Шахрай, стр. 289.
- 53 Истор. к. о. Закавказья, т. I, стр. 385.
- 54 Там же, стр. 430.
- 55 В. И. Ленин. Изд. IV, т. 24, стр. 265.
- 56 В. И. Ленин. Изд. IV, т. 19, стр. 385, 455—458.
- 57 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Издание седьмое 1954, т. I, стр. 345, 346. Дальше будет — КПСС в резолюциях...
- 58 КПСС в резолюциях, т. I, стр. 416—417.
- 59 В. И. Ленин, изд. IV, т. 20, стр. 28, 29.
- 60 Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. Москва, 1963, стр. 211.
- 61 Там же, стр. 210.
- 62 Там же, стр. 213.
- 63 КПСС в резолюциях... т. I, стр. 556.
- 64 Там же, стр. 557.
- 65 П. Христюк, т. 4, стр. 174, 175, 176. И журнал «Коммунист» № 2, 10. 6. 1920, стр. 26.
- 66 «Летопись революции», Харьков, 1928, книга 2.
- 67 Комуністична Партія України в резолюціях і рішеннях з'їздів, конференцій і пленумів ЦК, т. I, стр. 148. Київ, 1976. Також Коммунистическая Партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК, т. I, стр. 342, 343, 344. Изд. «Беларусь» 1973.
- 68 М. М. Попов. Нарис історії Комуністичної Партії (більшовиків) України. Харків, видавництво «Пролетарий», 1928, стр. 274.
- 69 Там же, стр. 259—273.

- 70 В. И. Ленин, изд. IV, т. 31, стр. 216—217.
- 71 История к. о. Средней Азии, стр. 570.
- 72 Всеволод Голуб. Конспективный нарис історії ККП(б)У. Мюнхен. Інститут для вивчення СССР. 1957, стр. 138. Дальше будет — В. Голуб.
- 73 История к. о. Средней Азии, стр. 617.
- 74 Там же, стр. 580—581.
- 75 Там же, стр. 718, 734.
- 76 История к. о. Закавказья, стр. 17, 19.
- 77 Там же, стр. 20.
- 78 Там же, стр. 20, 24.
- 79 Там же, стр. 25.
- 80 Там же, стр. 31, 32.
- 81 Цитир. Стенограф. отчет X съезда РКП(б), стр. 303—305.
- 82 Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. Москва, 1968, стр. 445. Дальше будет — XII съезд РКП(б).
- 83 Взято из работы: Григорій Костюк. «Теорія і дійсність. До проблеми вивчення теорії, тактики і стратегії більшовизму в національному питанні. Історико-критичний нарис». Издательство «Сучасність». Мюнхен, 1971, стр. 89. Дальше будет — Г. Костюк.
- 84 Журнал ЦК КПСС «Коммунист» № 9, июнь 1956, стр. 26.
- 85 В. И. Ленин, изд. V, т. 45, стр. 356.
- 86 История к. о. Закавказья т. 2, стр. 37, 45, 59.
- 87 Цитировано по Иван Майстренко. «Сторінки з історії КПУ», ч. 2, стр. 12—13. Мюнхен, 1969. Обратный перевод с украинского.
- 88 И. В. Сталин. Соч. т. 5, стр. 236—263.
- 89 XII съезд РКП(б), стр. 576—582.
- 90 Там же, стр. 496, 515, 582.
- 91 Там же, стр. 585—591.
- 92 Там же, стр. 502, 569.
- 93 КПСС в резолюциях... ч. I, стр. 709—718.
- 94 И. Г. Рошаль. «Исторический архив» № 2, 1961, стр. 158. Взято из Тамурбек Давлетшин. «Советский Татарстан. Теория и практика ленинской национальной политики». Мюнхен, 1974, стр. 195. Дальше будет — Т. Давлетшин.
- 95 Т. Давлетшин, стр. 184, 186.
- 96 КПСС в резолюциях... ч. I, стр. 760.
- 97 Т. Давлетшин, стр. 195.
- 98 Там же, стр. 195.

- 99 КПСС в резолюциях . . . ч. I, стр. 361—366.
- 100 В. И. Ленин. Соч. изд. V, т. 45, стр. 358, 360.
- 101 Цитировано по — Иван Майстренко. «Сторінки з історії КПУ». Ч. 2, стр. 55—63. Издат. «Сучасність» 1969. Мюнхен.
- 102 В. И. Ленин. Соч. изд. V, т. 45, стр. 357.
- 103 И. В. Сталин. Соч. т. 8, стр. 149—154. Москва.
- 104 Проф. Александров. Хозяйственное районирование СССР, стр. 11. Цитировано по статье М. Волобуева из сборника «Документи українського комунізму». Стр. 204. Изд. «Пролог», Нью-Йорк. 1962. Обратный перевод с украинского. Дальше будет — «Документи укр. ком.».
- 105 «Документы укр. ком.», стр. 201. Обратный перевод с украинск.
- 106 Edig Kigmal. „Der nationale Kampf der Krimtürken“. 1952.
- 107 Иван Майстренко. «Національно-визвольний рух кримських татар і їх взаємини з Україною». Оттиск из журнала «Український самостійник» № 7—8, 1971, стр. 8—9.
- 108 Коммунистическая Партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Том I, стр. 342, 343, 344. Издательство «Беларусь». 1973.
- 109 «Политический дневник», часть I, стр. 355. Амстердам, 1972. Изд. «Фонд им. Герцена». Материалы Самиздата.
- 110 Там же.
- 111 И. В. Сталин. Соч. т. 13, стр. 38.
- 112 С. Зорин, Н. Алексеев. «Время не ждет. Наша страна находится на поворотном пункте истории», стр. 12. Изд. «Посев» 1970, Франкфурт на Майне. Дальше будет «Зорин и Алексеев».
- 113 Здесь и ниже материалы о разгроме белорусизации взяты из «Белорусский сборник» книга 10, стр. 66—73. Институт по изучению СССР, Мюнхен, 1956.
- 114 Правда 16. 6. 1938.
- 115 Г. Костюк, стр. 136, 137.
- 116 Давлетшин, стр. 200—201.
- 117 Е. Варга. «Русский путь к социализму и его результаты. Конспект». Из самиздатского журнала «Феникс», стр. 24. Архив Самиздата. Радио Свобода. Дальше будет — Е. Варга.
- 118 Зорин и Алексеев, стр. 10.
- 119 Андрей Сахаров. «О стране и мире», стр. 20. Издат «Хроника», Нью-Йорк, 1975.
- 120 А. Авторханов. «Технология власти. Процесс образования КПСС». Стр. 255. Издат. ЦОПЭ, Мюнхен, 1959. О том же см.

- Доклад Н. Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС.
- 121 В. И. Ленин. Соч. изд. IV, т. 20, стр. 384.
 - 122 Евгений Тарле. (Академик). «Наполеон», стр. 448. Выписки сделаны по единственному советскому изданию 30-х годов. Москва.
 - 123 Это рассказывал мне редактор журнала ЦК КП(б)У «Большовик України» Е. Гирчак. Он же был заместителем наркома просвещения УССР М. Скрышника, который присутствовал на упомянутом банкете у Сталина. Гирчак погиб в ссылке.
 - 124 «Политичний словник» под редакцией Г. Александрова и др. Киев, 1940, стр. 675—676. Украинский перевод с московского издания.
 - 125 Там же, стр. 179—180, 405, 466, 508.
 - 126 «Энциклопедический словарь». Москва 1953. Том I, стр. 179.
 - 127 В. И. Ленин. Изд. IV, т. 30, стр. 370.
 - 128 И. В. Сталин. Соч. т. XV, стр. 204—205.
 - 129 «История Коммунистической Партии Советского Союза», Москва, 1959, стр. 587, 588. «Вперед» (ежемесячный листок), Мюнхен, 1956, № 10, стр. 2. Нариси історії Комуністичної партії України. Киев, 1961. Стр. 507, 508.
 - 130 «Правда», 23. 8. 1946.
 - 131 «Правда», 18. 4. 1953. Обратный перевод с украинского.
 - 132 Цитированный «Вперед» № 6, 1953, стр. 2.
 - 133 «Правда», 13. 6. 1953.
 - 134 Цитированный «Вперед» № 3, 1953, стр. 2.
 - 135 Там же. Обратный перевод с украинского.
 - 136 «Енциклопедія Українознавства». Книга 26, 1970, стр. 2018. Статья историка О. Оглоблина.
 - 137 «Энциклопедический словарь» 1962, Москва. Том I, стр. 295.
 - 138 Там же, т. 2, 1964, стр. 295.
 - 139 Там же, т. 2, 1964, стр. 21.
 - 140 «Правда» 22. 10. 1961, стр. 5.
 - 141 «Українські юристи під судом КГБ». Издат. «Сучасність», Мюнхен, 1968, стр. 9.
 - 142 И. В. Сталин. Соч. том 3 (XIV), Гуверовский Институт, Станфорд, Калифорния, 1967 г., стр. 167, 169.
 - 143 Программа Коммунистической Партии Советского Союза. Журнал «Коммунист» № 16, ноябрь 1961, стр. 85, 86.

- 144 Материалы самиздата, выпуск 38/74, стр. 5—6. Радио «Свобода».
 - 145 Журнал «Русский язык в национальной школе», № 3, 1968 г., стр. 25, 26, 28.
 - 146 «Правда» 9. 4. 1966 г.
 - 147 «Экономическая газета» № 6, X. 1965 г., стр. 4.
 - 148 «Экономическая газета» № 22, май 1968 г., стр. 12.
 - 149 «Правда» 31. 3. 1971, стр. 8.
 - 150 Зорин и Алексеев, стр. 24, 28.
 - 151 «Политический дневник» (материал Самиздата) т. I, (1964—1970), стр. 92—96. Амстердам, 1972.
 - 152 Журнал «Русский язык в национальной школе». 1968, № 3, стр. 25.
 - 153 «Радянська енциклопедія історії України», т. I, 1969 г., стр. 478 и т. 4, 1972 г., стр. 11. Киев, изд. УРЭ.
 - 154 КПСС в резолюциях... т. 3, стр. 239, 388.
 - 155 «Правда» 1. 4. 1971, стр. 4.
 - 156 «Правда» 3. 4. 1971, стр. 3.
 - 157 «Обращение 17 коммунистов Латвии к руководителям ряда компартий, а также к Арагону и Гароди по поводу проводимой правительством СССР политики ассимиляции и искоренения всего национального в Латвии». Июль—август 1971 г. Материалы Самиздата, Радио «Свобода». АС, выпуск 3/72, 21 января 1972 г.
 - 158 Вячеслав Чорновіл. «Лихо з розуму». (Портрети двадцяти «злочинців»). «Збірник матеріалів». Материалы Самиздата. Париж 1967 г., стр. 111—153.
 - 159 Материалы Самиздата. Радио «Свобода». АС 2583, 23/76. Напечатано также в «Исследовательском бюллетене» радио «Свобода» № 36, 10. 9. 1976.
 - 160 Иван Дзюба. Стр. 31, 142, 230, 231.
 - 161 I. В. Коляска. Освіта в Радянській Україні. Изд. Петер Мартин. Канада, стр. XIII, XIV, XV.
 - 162 Энциклопедический словарь 1964 г., т. 2, стр. 48, «Український Радянський енциклопедичний словник», 1967 г., т. 2, стр. 536.
-

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Адамович Алексей — 196
Аксаков Иван — 11
Александров Иван — 108
Алексеев Н. — 132
Антонов-Овсеенко Владимир — 48
- Барановский Николай — 103
Батый — 97
Бауэр Отто — 20
Бедный Демьян — 186
Берия Лаврентий — 54, 155
— 157, 162
Бочковский — 47
Брайс Джеймс (J. Bruce) — 20, 31
Брежнев Леонид — 126, 156, 157, 167, 173—176, 180, 181, 189, 191, 202
Брусиллов Алексей — 33, 39, 77, 78
Бухарин Николай — 64, 94, 113
- Вальдемар Кр. — 196
Варга Евгений — 132
Вельц К. Д. — 184
Власов Андрей — 148
Волобуев Михаил — 98, 104, 107—109
Восс Август — 191, 194
Врангель Петр — 79
Вышня Остап — 18
Гегоберидзе Леван — 128
- Гикало Николай — 124
Гитлер Адольф — 139, 140, 196
Гонекер — 145
Голодед — 125
Гордеев Г. — 97
Горький Максим — 24, 196
Греков Борис — 118
Гринько Григорий — 69, 70, 94
Грушевский Михаил — 17, 118
Гусьяк — 201
- Давлетшин Тамурбек — 13, 14, 129
Деникин Антон — 79, 86
Джапаридзе Р. — 203
Джугашвили-Сталин Иосиф — 54, 102
Дзержинский Феликс — 82
Дзюба Иван — 204, 206
Дзюба Юрий — 171
Дидык — 201
Догодов А. — 97
Дудинцев Владимир — 158
- Ежов Николай — 123
Екатерина II (царица) — 11
Елютин — 203
Енукидзе А. — 93, 94
Ермак Тимофеевич — 12
Ефименко Александра — 15

- Жданов Андрей — 150
Жуков Георгий — 162
- Заки-Балидов — 99
Зарецкий Михась — 124
Зарицкая — 201
Зарудный Александр — 47
Затонский Владимир — 16,
17, 69, 76—79
Зиновьев Григорий — 83, 94,
113
Зорин С. — 132
- Ибрагимов Вели — 110
Игнаговский Всеволод — 118,
124
Иракий II (грузин. царь) —
160
- Кавтарадзе С. — 128
Каганович Лазарь — 106
Каменев Лев — 99, 113
Караванский Святослав —
198—201
Керенский Александр — 31,
54, 56, 68
Киевский П. (Пятаков) — 26
Киримал Эдиг — 110
Кириченко Алексей — 154
Киров Сергей — 196
Колчак Александер — 79
Коляска Иван — 175, 205,
206
Кононенко Константин —
121, 122
Косиор Станислав — 120
Кривошеев С. — 156
- Кролевецкий — 49
Кунаев Динмухамед — 191
Кутузов Михаил — 191
- Лапчинский Юрий — 19
Лафарг Поль — 90
Лашкарашвили Тамара —
202
Лебедев Иван — 194
Лебедь Димитрий — 67, 83,
84,
Ленин Владимир — 6, 9, 16,
17, 19—43, 44, 46, 47, 56, 59,
60, 61, 70, 71, 80—82, 85,
89, 91, 93, 95, 96, 98, 102,
106, 113, 117, 129, 130, 135,
136, 142, 145, 146, 153, 184
Лукьяненко Лев — 167
Любченко Панас — 123
Люксембург Роза — 24, 41
- Мазепа Иван — 127
Мазлах Сергей — 48, 56
Маленков Георгий — 116,
152, 155, 157
Маркс Карл — 42, 90, 128,
131, 137, 141, 146
Махарадзе — 92, 93
Махмутов М. — 171, 189
Мдивани Буда — 69, 82, 88,
128
Мельников Л. — 154, 155
Меринг Франц — 41
Микоян Анастас — 54, 183—
188
Мицкевич Адам — 106
Молотов Вячеслав — 155

- Наполеон Бонапарт — 137
 Нариманов — 54
 Неронович Евгений — 48
 Николай II (царь) — 51
- Орджоникидзе Серго — 54,
 82, 93, 94
- Петр I (царь) — 118, 146, 197
 Петровский Григорий — 131
 Плотников М. А. — 11
 Плющ Леонид — 168
 Покровский Михаил — 118
 Попов Николай — 70
 Постышев Павел — 11, 120,
 —123
 Пушкин Александр — 196
 Пятаков Георгий — 24, 26, 60
- Раковский Христиан — 85,
 89—101
 Родичев — 35
 Рокоссовский Константин —
 166
 Рыбалка (Юркевич) Лев —
 см. Юркевич
 Рябцев — 47
 Рязанов — 94
- Салтыков-Щедрин Михаил
 — 12
 Сафаров В. — 49, 51—53, 62,
 71
 Сахаров Андрей — 132, 168
 Серов Иван — 182
 Скобелев Михаил — 13
 Скрышник Николай — 62, 69,
 88, 95, 96, 122, 123
- Слепов Л. — 153
 Солженицын Александр —
 12
 Солоухин — 169
 Сталин Иосиф — 49, 55, 61
 —63, 65, 67, 79—88, 93—99,
 106, 107, 113—119, 122, 123,
 128, 134—138, 142, 143, 145,
 147, 149—158, 166, 168, 169,
 172, 173, 176, 179, 181—183,
 187, 201
 Суворов Александр — 146,
 196
 Султан-Галиев — 96, 98, 99,
 105, 109, 110
 Сырцов — 136
- Тарле Евгений — 137
 Титов Федор — 194
 Толстой Алексей — 118
 Толстой Лев — 13
 Троцкий А. — 11
 Троцкий Лев — 6, 99, 113,
 114, 142
- Усманов Ш. — 97
 Успенский — 52
 Ушинский Константин — 95
- Федосеев П. — 156
 Фольбаум — 51
 Фрунзе Михаил — 95
- Хвильовый Мыкола — 95,
 105, 107, 122
 Хмельницкий Богдан — 160
 Ходжаев Файзула — 69, 129

- Ходоровский И. — 97
Хромова Т. — 184
Хрущев Никита — 125, 156
—159, 163, 166, 168, 172—
176, 180, 182, 199, 200
- Церетели — 52
Цинцадзе — 92
- Чемисова А. — 10, 12
Ченхели — 54
Червяков А. — 125
Чингиз-Хан — 97
Чхеизде — 54
- Шаварнадзе — 209
Шамиль — 127
Шарангович В. — 125
Шаталин — 194
- Шаумян Степан — 54, 55
Шахрай Василий — 48, 56,
69
Шевченко Тарас — 47, 118,
160, 171
Шелепин Александр — 185
Шеселер Ф. — 183
Шлихтер Григорий — 65, 66
Шпрингер Р. — 20
Шумский Александр — 98,
107
- Энгельс Фридрих — 128,
141
- Юденич — 79
Юркевич Лев (Рыбалка) —
16, 21, 25, 27, 34, 35
- Яворский Михаил — 118